

2

СЕРЫЯ 4, 1986

ВЕСНИК

Беларускага дзяржаўнага
універсітэта імя У.І.Леніна

Філалогія
Журналістыка
Педагогіка
Псіхалогія

2

СЕРЫЯ 4, 1986

ВЕСНІК

Беларускага дзяржаўнага
універсітэта імя У.І.Леніна

**Філалогія
Журналістыка
Педагогіка
Псіхалогія**

МІНСК
ВЫДАВЕЦТВА
„УНІВЕРСІТЭЦКАЕ“
1986

Галоўны рэдактар В. Р. РУДЗЬ
Адказы сакратар П. М. БАРАНОУСКІ

Рэдакцыйная калегія серыі:

А. Я. СУПРУН (адказы рэдактар),
Р. І. ВАДЭЙКА, А. А. ВОЛК, І. К. ГЕРМАНОВІЧ (адказы
сакратар), В. В. КАЗЛОВА, І. П. КАХНО, Ф. І. КУЛЯШОУ,
М. У. ПІСКУНОУ, В. П. РАГОЙША, А. Г. СЛУКА, Б. В.
СТРАЛЬЦОУ (нам адказнага рэдактара), П. І. ТКАЧОУ,
М. Я. ЦІКОЦКІ, І. В. ШАБЛОУСКАЯ, Л. М. ШАКУН (нам
адказнага рэдактара), П. П. ШУБА

ВЕСТНИК БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
имени В. И. ЛЕНИНА

Серия 4, № 2, 1986

Издательство «Университетское» 220048, Минск, проспект Машерова, 11.
Дом книги. Адрес редакции: 220080, Минск, Университетский городок,
тел. 20-65-42.

На русском и белорусском языках

Рэдактар *А. А. Сычой*
Малодшы рэдактар *Л. Ф. Мілушава*
Мастацкі рэдактар *С. У. Балянок*
Тэхнічны рэдактар і карэктар *Г. І. Хмарун*

Здадзена ў набор 02.06.86. Падпісана да друку 30.07.86. АТ 17366.
Фармат 70×108¹/₁₆. Папера друк. № 2. Друк высокі. Ум. друк. арк. 7,0.
Ум. фарб.-адб. 7,44. Ул.-выд. арк. 8,06. Тыраж 955 экз. Заказ 1019.
Цана 80 кап.

Адрес редакции: 220080, Минск, Университетский городок, тел. 20-65-42.
Выдавецтва «Універсітэцкае». 220048, Минск, праспект Машэрава, 11.
Дом кнігі.

Ордэна Працоўнага Чырвонага Сцяга друкарня выдавецтва ЦК КП
Беларусі, 220041, Минск, Ленінскі праспект, 79.

© Веснік БДУ імя У. І. Леніна, 1986

Рашэнні з'езда—у жыццё

Новыя задачы, задачы карэннага пералому ў практычнай дзейнасці, яе інтэнсіфікацыі і паглыблення, паставіў перад партыяй і савецкім народам XXVII з'езд КПСС. Навука названа галоўным фактарам, які вызначае паскарэнне нашага развіцця. Перад вышэйшай школай паўсталі новыя дадатковыя задачы, звязаныя, з аднаго боку, з рэформай сярэдняй школы, а з другога боку, з надзённымі патрэбамі аптымізацыі навучання студэнцтва. Аб'яднанне навуковых і вучэбна-выхаваўчых задач, якія стаяць перад ВНУ, вызначае ход роздуму прафесараў і выкладчыкаў універсітэта над тым, як канкрэтна ўвасабляць у жыццё рашэнні XXVII з'езда. «Веснік» змяшчае ў гэтым нумары водгукі некаторых вядучых прафесараў БДУ імя У. І. Леніна на рашэнні XXVII з'езда КПСС.

А. А. ЛОЙКА — доктар філалагічных навук, прафесар, загадчык кафедры беларускай літаратуры

Агульная самая высокая ацэнка нашай літаратуры выразна прагучала ўжо ў тым месцы Палітычнага даклада Цэнтральнага Камітэта КПСС XXVII з'езду Камуністычнай партыі Савецкага Саюза, з якім выступіў Генеральны сакратар ЦК КПСС М. С. Гарбачоў, дзе сцвярджалася, што «маральнае здароўе грамадства, духоўны клімат, у якім жывуць людзі, у немалай ступені вызначаюцца станамі літаратуры і мастацтва». Ды ўслед за гэтым была наперш дадзена канкрэтная ацэнка зробленага ўжо літаратурай і мастацтвам, а затым былі выказаны самыя зацікаўленыя, у сутнасці сваёй крытычныя, як і канструктыўныя думкі і развагі. «Наша літаратура, — гаворачы аб яе здабытках дня ўчарашняга, сцвярджаў М. С. Гарбачоў, — адлюстроўваючы нараджэнне новага свету, разам з тым актыўна ўдзельнічала ў яго станаўленні, фарміруючы чалавека гэтага свету — патрыёта сваёй Радзімы, сапраўднага інтэрнацыяналіста. Тым самым яна правільна выбрала сваё месца, сваю ролю ў агульнанароднай справе». Што ж датычыць таго, чаго рэальна час зараз патрабуе ад дзеячоў п'яра, пэндзля, разца, выразна і канкрэтна было сказана ўслед за прамым асуджэннем адмоўных праў. «Ні партыя, ні народ, — гаварыў у гэтай сувязі М. С. Гарбачоў, — не маюць патрэбы ў парадным многапісанні і дробязным бытакапальніцтве, у кан'юнктуршчыне і дзяляцтве. Грамадства чакае ад пісьменніка мастацкіх адкрыццяў, праўды жыцця, якая заўсёды была сутнасцю сапраўднага мастацтва». Праўда мастацкага адкрыцця як першая задача мастакоў дэкларуецца ў Палітычным дакладзе ў агульным кантэксце пастаснага сцвярджэння праўды ва ўсіх сферах дзяяння партыі і грамадства.

Мы разумеем, што «праўда — не абстрактнае паняцце, яна канкрэтная. Яна — у здзяйсненнях народа і супярэчнасцях развіцця грамадства, у гераізме і штодзённасці працоўных будняў, у перамогах і няўдачах, — гэта значыць у самім жыцці, ва ўсёй яго шматграннасці, драматызме і велічы».

Ды не адны толькі тыя мясціны ў дакладзе М. С. Гарбачова, дзе непасрэдна гаварылася пра літаратуру і мастацтва, маюць да іх непасрэдныя адносіны. Агульнаму іх узняццю спрыяе і будзе спрыяць наогул увесь дух XXVII з'езда КПСС, увесь аналіз на ім літаральна ўсіх праблем і

праяў сучаснага жыцця нашай краіны, яе месца і ролі ў свеце і ўжо і ў сусвеце, у цывілізацыі, аналіз — сацыяльны, палітычны, агульнакультурны — сённяшняга свету ўвогуле. Усе аспекты гэтага вялізнага ўплыву ідэй і духу ХХVII з'езда КПСС сёння ахапіць проста немагчыма, і яны ўсё больш і больш будуць выяўляць сябе ў часе, менавіта ў рэальным сваім ажыццяўленні, пераўтварэнні ў яву. І, само сабой зразумела, што дух і ідэй ХХVII з'езда КПСС паўплывалі і будуць уплываць з часам усё ў большай ступені не толькі на самыя літаратуру і мастацтва, але і на вывучэнне іх, на выкладанне іх як у ВНУ, так і ў школе. І тут хочацца засяродзіцца на адным з момантаў, які здаецца вельмі перспектыўным у сваёй датычнасці як да вывучэння гісторыі літаратуры, так і да выкладання яе ў ВНУ і школе, а звязаны менавіта з тым узбуджэнным ракурсам, у якім у Палітычным дакладзе, асабліва ў яго канцоўцы, бачацца сусвет, чалавек, гісторыя. Тут, у прыватнасці, гаварылася, што «нястрымны паток гісторыі ўжо накіраваўся да перакату паміж другім і трэцім тысячагоддзем», гаварылася аб Сусвеце і такім яго ўнікальным жыхары, як Чалавек. Прычым, словы «сусвет», «чалавек» у тэксце даклада дадзены менавіта з вялікай літары, як і вобраз перакату патоку гісторыі прымушае нас бачыць гэты перакат шырока, маштабна, буйным планам. Вось менавіта гэтае ўзбуджэнне плана, бачанне гісторыі на яе перакатах не можа не наштурхваць гісторыка літаратуры ці мастацтва не бачыць іх гісторыі менавіта перакатамі эпох: Антычнасць, Сярэднявек, Адраджэнне, Рэфармацыя, Барока, Асветніцтва, Новы Час. Такое менавіта бачанне гісторыі літаратуры і мастацтва больш рэальна дае адчуць перспектыву гістарычнага руху чалавецтва, цывілізацыі, робіць гэтую перспектыву выразна відочнай воку, унутранаму зроку, даючы мажлікасць разам з тым кожны з гэтых гістарычных перакатаў эпох увідочніць і панарамна, мадэліраваць панараму тае ці іншае эпохі, бачыць у кожнай з іх Чалавека з вялікай літары і якім ён быў у кожнай з эпох у сваёй вялікасці, у сваім мастацкім адкрыцці праўды гісторыі, у стылі, непаўторнасці таго свайго адкрыцця. Пры гэтым, вядома ж, узбуджэнным планам убачыцца і Зло — сацыяльнае, палітычнае, цемрашальскае, што супрацьстаяла чалавеку, і яшчэ большую нянавісць зродзіць да сябе, чым да гэтага ў нашых душах зраджала.

Іншы момант, які з тых жа першапрычын вынікае, — гэта патрэба рашучага адмаўлення ў практыцы ВНУ ад лекцый па літаратуры апісальных, статычных, аглядна-аморфных. Во патрабаванне буйнага плану ў выкладанні літаратуры няўмольна патрабуе лекцыі тэматычна-праблемнай, сінтэтычнаканцэнтраванай на вузлах праблем, сцяжэння ў адзін вузел усяго вобразна-тэматычнага матэрыялу, што з той ці іншай праблемай звязан, асацыруецца. І ў дадзеным выпадку не заўсёды спрыяльным аказваецца прынцып строгай ханалогіі, бо калі, напрыклад, па старабеларускай літаратуры вылучаць як тэматычна-праблемныя лекцыі па летапісанню, сярэднявечнай паэзіі, драматургіі, то яны патрабуюць озірку: першая — ад Нестара да Хранографу і Сінопсісаў, а гэта значыць, ад XI да XVIII стагоддзя, другая — ад Скарыны да лірыкі Барока і Асветніцтва, а гэта значыць, ад пачатку XVI да XVIII стагоддзя. Ды выйгрыш пры гэтым ёсць той, што перад студэнтам узнікае рэальны рух у гісторыі літаратуры таго ці іншага жанра, жывая, так сказаць, эвалюцыя яго.

Патрабаванне тэматычна-праблемнай лекцыі ніяк не адмаўляе, аднак, лекцыі праблемна-манаграфічнай — па творчай індывідуальнасці таго ці іншага аўтара, па тым ці іншым творы. Не адмаўляе яно таксама лекцыі проста агляднай — з простаай сістэматызацыяй, класіфікацыяй. Справа тут увогуле звязана са сцвярдженнем таго, што час зараз, сам дух і ідэй ХХVII з'езда КПСС па-асабліваму ўвыпукляюць патрэбнасць і вартасць менавіта лекцыі тэматычна-праблемнае.

У гэтай жа сувязі думаецца таксама, што чытанне на філалагічным факультэце асобна курсаў гісторыі літаратуры, асобна — «чыстай» гісторыі — справа некалькі анахронічная, асабліва ў той час, калі ўжо маецца практыка чытання курсу па краіназнаўству — для студэнтаў з ПНР, напрыклад. Увядзенне падобнага курсу ў вучэбны план студэнтаў-філолагаў было б вельмі дарэчы, бо падобны курс прадугледжвае тэматычна-праблемны ахоп усяго сучаснага і гістарычнага жыцця рэспублікі, сінтэтычнага ўняцця матэрыялаў літаратуры, гісторыі, культуры, эканомікі і таго, што называецца фаунай і флорай. Думаць, што студэнт, жывучы ў Беларусі, нарадзіўшыся ў ёй, ужо цераз само гэта ведае свой край, больш чым наіўна. Увядзенне на філалагічным факультэце курсу па краіназнаў-

ству толькі б спрыяла падрыхтоўцы высокакваліфікаваных спецыялістаў, поўна спазнаўшых і сучаснасць свайго краю і яго гісторыю. Не забудзем, што і школьная рэформа таксама завострана патрабуе ад сённяшняга настаўніка-філолага якраз таго, што непасрэдна дасць яму ўвядзенне ў вучэбны план курсу па краіназнаўству.

І ўвогуле пошук новых форм, спосабаў і метадаў вывучэння і выкладання літаратуры, як і іншых прадметаў у ВНУ і школе — надзённая, найважнейшая задача, на творчае вырашэнне якой не могуць не натхняць рашэнні XXVII з'езда КПСС.

**П. П. ШУБА — доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой русского языка**

В Политическом докладе, в новой редакции Программы КПСС подчеркивается необходимость повышения потенциала вузовской науки. Поэтому одной из первостепенных наших задач является коренное улучшение организации всей научно-исследовательской работы.

Филологи знают, как неудовлетворительно организовано в системе высшей школы внедрение результатов научных исследований, т. е. издание трудов и монографий, а это тормозит подготовку кадров высшей квалификации, развитие науки и культуры.

Представителям вузовской гуманитарной науки необходимо стремиться к тому, чтобы теоретические исследования имели реальный выход в практику — в практику высшего образования, народного просвещения, в дело повышения общей культуры населения, в частности — повышения культуры русской речи в Белоруссии.

Функционирование русской речи в условиях белорусско-русского двуязычия неизбежно порождает разнообразную интерференцию на всех языковых уровнях. Анализ проявлений такой интерференции и ее предупреждение в русской устной и письменной речи белорусов — одна из важнейших наших задач. Все обучение лингвистическим дисциплинам в вузах Белоруссии должно быть подчинено решению этой задачи. Мы постоянно констатируем постарение кадров преподавателей. Поэтому важно всемерно поддерживать выдвижение талантливой молодежи, подготовку кадров через аспирантуру, подготовку докторов наук. С этой целью кафедры и специализированные советы должны более внимательно анализировать тематику кандидатских и докторских диссертаций, нацеливать соискателей на решение актуальных задач, стоящих перед филологической наукой в настоящее время.

Республиканскому межвузовскому методическому объединению преподавателей русского языка и литературы необходимо координировать не только работу с аспирантами, но и рост кадров высшей квалификации.

Партийные документы обязывают обеспечить всеобщую компьютерную грамотность — начиная со школы. Естественно, что преподавательским кадрам также нужно овладеть компьютерной грамотностью.

Профилирующие кафедры филологического факультета Белорусского государственного университета имени В. И. Ленина выступили с обращением ко всем кафедрам активнее оказывать помощь средней общеобразовательной школе в реализации реформы. Необходимо искать такие формы помощи, которые давали бы наибольший эффект. Одной из таких форм является создание комплексов учебников и учебных пособий для средней школы. Кафедра русского языка активно включилась в эту работу. Авторские коллективы кафедры подготовили и издали учебник «Русский язык» для 5—6 классов школ с белорусским языком обучения, методическое пособие для учителя по этому учебнику, дидактический материал для учащихся. Такой же комплекс пособий готовится для 7—8 классов. Для учащихся средних школ Белоруссии подготовлены и изданы разнообразные словари (толковые, фразеологические, орфографические, паралексические и др.). Важную роль играет и повышение квалификации учительских кадров. В этом деле помощь вузовских кафедр не оценима.

Съезд подчеркнул важность овладения русским языком во всех союзных республиках. Лингвистов БГУ это обязывает интенсифицировать развитие исследований по русистике, улучшать издания по русскому языкознанию, в первую очередь — межведомственный научный сборник «Русский язык».

**Б. В. СТРАЛЬЦОЎ — доктар філалагічных навук,
прафесар, загадчык кафедры тэорыі і практыкі
савецкай журналістыкі**

Пазітыўныя перамены, якія ажыццяўляюцца зараз, абумовілі якасны паварот у дзейнасці СМІП. Характар гэтага павароту быў акрэслены на красавіцкім (1985) Пленуме ЦК КПСС. Перад друкам, тэлебачаннем, радыё пастаўлена задача глыбока аналізаваць падзеі і з'явы, узнімаць сур'ёзныя праблемы і прапаноўваць шляхі іх вырашэння, пераконваць сваёй змястоўнасцю, аператыўнасцю, інфармацыйнай насычанасцю. «Час, які мінуў пасля красавіцкага Пленума ЦК, стаў сур'ёзным экзаменам для ўсёй партыйнай журналістыкі. Рэдакцыйныя калектывы смела ўзяліся за складаныя, у многім новыя пытанні. На старонках газет і часопісаў, у тэлевізійных праграмах запульсавала само жыццё з яго дасягненнямі і супярэчнасцямі, больш стала аналітычнасці і грамадзянскасці, вастрыні ў пастаноўцы праблем і канкрэтнай крытыкі недахопаў і хібаў. Выказана нямала канструктыўных прапаноў па актуальных эканамічных, сацыяльных і ідэалагічных пытаннях»¹.

XXVII з'езд, даўшы высокую ацэнку дзейнасці СМІП, канкрэтызаваў іх далейшыя задачы: «Цяпер яшчэ большую значнасць набывае дзейнасць сродкаў масавай інфармацыі. Цэнтральны Камітэт бачыць у іх інструмент стварэння, выразніка агульнапартыйнага пункту погляду, несумяшчальнага з ведамаснасцю і месніцтвам. І ўсё, што прад'явітавана прынцыповымі меркаваннямі, інтарэсамі палітычнай справы, будзе і ў далейшым падтрымлівацца партыяй. Работа сродкаў масавай інфармацыі тым больш плённая, чым больш у ёй удумлівасці, аператыўнасці і менш пагоні за выпадковым, сенсацыйным»².

Шырокі дыяпазон праблематыкі, якую сёння павінны распрацоўваць журналісты: выкараненне ўсяго, што замінае нашаму развіццю; актыўная прапаганда перадавога вопыту, пераваг савецкага ладу жыцця і сацыялістычных нормаў гаспадарання; пошук і раскрыццё сутнасці рэзерваў працоўных калектываў і ўсяго грамадства; паскарэнне навукова-тэхнічнага прагрэсу; пераход да прынцыпова новых тэхналагічных сістэм; павышэнне якасці прадукцыі; перабудова кіравання гаспадарчым механізмам; рэалізацыя Харчовай праграмы; навучанне і выхаванне падростаючых пакаленняў, рэформа школы; барацьба з фармалізмам у ідэалагічнай рабоце; асэнсаванне ролі і месца літаратуры і мастацтва ў ідэйным і маральным узвышэнні чалавека і г. д.

Факультэт журналістыкі зараз нацэлен на выхаванне новага пакалення журналістаў, якія будуць распрацоўваць усе гэтыя тэмы на больш высокім якасным узроўні, авалодаўшы як след публіцыстычным спосабам адлюстравання рэчаіснасці. Значыць, выкладчыкі факультэта ўжо сёння павінны глыбока разбірацца ў новых, намечаных XXVII з'ездам КПСС, напрамках сацыяльна-эканамічнага і ідэйна-маральнага развіцця грамадства, узбройваць студэнтаў новымі ведамі.

Для прафілюючых кафедраў асновай асноў павінен стаць праблемны метады навучання. Не проста метады навучання па праблемах, калі ў ходзе заняткаў мадэлююцца ўжо вырашаныя ў працэсе гістарычнага развіцця краіны пытанні, а менавіта праблемны метады — з пастаноўкай актуальных праблем сённяшняга дня, з поглядам у будучае. Гэта не значыць, што метады навучання па праблемах цалкам адмаўляецца. Не, ён таксама неабходны. Але на першае месца павінен выйсці сапраўды праблемны метады, які патрабуе выкладчыка-мысліцеля, выкладчыка-даследвальніка.

Адсюль вынікаюць новыя патрабаванні не толькі да пастаноўкі вучэбнага працэсу, узроўню выкладання, лектарскага майстэрства, але і да арганізацыі навукова-даследчай работы. Яна ў значнай меры павінна быць падпарадкавана патрабаванням па перабудове выкладчыцкай справы, быць нацэленай на паглыбленне лекцыйна-практычных курсаў, распрацоўку новых актуальных тэм, якія адпавядаюць задачам сённяшняга дня, задачам паскарэння. Вынікі навукова-даследчай работы пры такім падыходзе да справы будуць лічыцца адным з важнейшых паказчыкаў узроўню выкладчыцкага майстэрства.

¹ Гарбачоў М. С. Палітычны даклад Цэнтральнага Камітэта КПСС XXVII з'езду Камуністычнай партыі Савецкага Саюза. — Мінск, 1986. — С. 108.

² Там жа.

Літаратуразнаўства

У. А. НАВУМОВІЧ

ПАФАСАМ СУМЛЕННЯ

Фарміраванне новага чалавека — адна з трыадзінай задачы пабудовы камунізма — ляжыць у аснове стваральнай дзейнасці мас, Камуністычнай партыі, з'яўляецца галоўным вызначальным фактарам у ацэнцы дасягнутага мастацкай літаратурай на сучасным этапе.

«Маральнае здароўе грамадства, духоўны клімат, у якім жывуць людзі, у немалой ступені вызначаюцца станам літаратуры і мастацтва... — падкрэсліў у Палітычным дакладзе ЦК КПСС XXVII з'езду Камуністычнай партыі Савецкага Саюза таварыш М. С. Гарбачоў. — Наша літаратура, адлюстроўваючы нараджэнне новага свету, разам з тым актыўна ўдзельнічала ў яго станаўленні, фарміруючы чалавека гэтага свету — патрыёта сваёй Радзімы, сапраўднага інтэрнацыяналіста. Тым самым яна правільна выбрала сваё месца, сваю ролю ў агульнанароднай справе. Але гэта і крытэрыі, з якім народ, партыя падыходзяць да ацэнкі работы пісьменніка, мастака, ды і сама літаратура, савецкае мастацтва — да ўласных задач»¹.

У працэсе станаўлення асноў характару чалавека немалое месца займаюць разнастайныя праяўленні чалавечага сумлення як асноўнай рухаючай сілы іх учынкаў, матывіраванасці паводзін і акрэсленага мэтанакіраванага ладу думак.

Літаратура сацыялістычнага рэалізму заўсёды вылучалася асабліва засяроджанай увагай да патрабаванняў чалавечага сумлення, адлюстроўваючы яго прыкметы з класавых пазіцый, з улікам інтарэсаў сацыялістычнага грамадства.

У беларускай літаратуры неабходнасць пранікаць у глыбіні чалавечай свядомасці, апеліраваць да «святая святых» — чалавечага сумлення, імкненне «будзіць» гэты сапраўдны голас у самім чалавеку праявіліся даўно. З самых першых крокаў нацыянальная проза праяўляла сябе актыўным «парушальнікам спакою» устойлівай грамадскай псіхалогіі, расла і развівалася, абуджаючы ў кожным найперш пачуццё ўласнай чалавечай годнасці, права «людзьмі звацца».

Жыццё па сумленню ў адпаведнасці з агульначалавечымі духоўна-маральнымі нормамі і прынцыпамі, засвоенымі дзякуючы трывалай сувязі з народнай глебай, вызначылі ў цэлым і лёс вясковага настаўніка ў палескай глушы Андрэя Пятровіча Лабановіча з трылогіі Я. Коласа «На ростанях». Тры аповесці — тры этапы станаўлення самасвядомасці героя, сцверджанне сябе як асобы, як носбіта лепшых маральна-этычных каштоўнасцей, што ў канчатковым выніку і прадвызначыла правільную палітычную арыентацыю ў часе і паказала дарогу ў будучыню — «на прастор, на шырокі прастор!» — на скрыжаваннях розных шляхоў, «на ростанях», на крутых пераломках эпох.

Сумленне ва ўмовах сацыялізма стала ідэалогіяй пралетарскіх мас, духоўным зместам абуджаных да грамадскага жыцця працоўных. Духоў-

ны «брат» Лабановіча — таксама настаўнік па прафесіі Іван Анісімавіч Апейка ў палескіх раманах Івана Мележа². Гэты вобраз у немалой долі ўвасабляе розум, сумленне і гонар эпохі. Герой варты таго, каб імкнуцца быць ва ўсім падобным да яго. Удумлівы, разважлівы, апантаны, перакананы, дзейсны. Ён самааддана працуе ў перыяд калектывізацыі на вёсцы, з'яўляючыся паўнамоцным прадстаўніком Савецкай улады ў раёне, ува-сабляе лепшыя рысы чалавека новага часу, аднаго з тыповых прадстаўні-коў ленінскай бальшавіцкай кагорты.

Звернемся да прыклада. Амаль увесь пяты раздзел другой кнігі «Пале-скай хронікі» Івана Мележа — «Подых навалыніцы» — прысвечаны пра-нікненню ў ход думак галоўнага героя, старшыні райвыканкома, на сесіі ЦВК БССР, якая праходзіла 20—26 лістапада 1929 года, у год «вяліка-га пералому» — рашучага павароту да суцэльнай калектывізацыі.

Наша крытыка чамусьці дасюль «прапускала» гэтыя старонкі. Адра-зу старшыня выканкома настройваецца на агульны лад, адчуванне ў яго святочнае, у душы шырыцца і расце «пачуццё выдатнай, здольнай пера-адолець усё на сваім шляху сілы». Не выпадкова тут пададзены вобраз ракі, яе магутнай плыні («У Апейкі было такое адчуванне, нібыта ён усё глыбей уваходзіў у ваду»), а бурлівая атмасфера сесіі нагадвае яму ма-гутную плынь ранішняй Прыпяці, па якой ён (Апейка—У. Н.) пускаец-ца плысці, перажываючы пры гэтым «шырокую радасць у душы», якая сугучна «чысціні і шырыні рачнога прастору».

Апейка мае свой уласны погляд на рэчы. Перад намі жывы чалавек са сваім болем, глыбокадумны, лёгкаранімы, душэўны. Гэта не той слу-хач, погляды і меркаванні якога змяняюцца са зменай выступаючых на трыбуне. Але ён і не наіўны вясковец, які на веру ўспрымае кожнае сло-ва, калі яно прагучала з афіцыйнай трыбуны. Апейка працяўляе тут са-праўдную грамадзянскую і партыйную заклапочанасць.

Гуманістычны пафас раманаў пашыраецца. «Работа душы» не спыня-ецца ні на мінуту. Унутраны голас уласнага сумлення важка народных мас не маўчыць, не дае спакою, ён зліваецца з галасамі прамоўцаў з глы-бінак, засяроджваецца на рашэннях карэннага пералому ў свядомасці ся-лянства ў адносінах да асновы асноў жыцця на зямлі. Усё гэта сведчыла аб неабходнасці больш цаніць чалавечае ў чалавеку. За гэта выступаў Апейка ў паўсядзённай практыцы.

Мележ праявіў высокае псіхалагічнае майстэрства, разгарнуўшы праз унутраны маналог героя ягоную «біяграфію душы» на многіх старонках рамана. Дасягнута адзінства думкі і пачуцця. Гэта ў той момант, калі персанаж вымушаны, па сутнасці, бяздзейнічаць, бо ён толькі слухае, аба-гульняе, не ўмешваючыся ў ход падзей. Але як шмат гавораць нам тыя «бяздзейсныя» старонкі. Узбагачаецца ідэйна-філасофская аснова твораў. Да Апейкі прыходзіць адчуванне «шырыні прастору», быццам не толькі раён, рэспубліка, а ўвесь свет сыйшліся тут, ад чаго і «ён» сам «быццам бы больш рэальна, бліжэй пачуў той свет, тую новую вёску, для якой жыў увесь час». Шматгалоссе жыцця адчувае персанаж. У новым святле ўба-чыў герой і родны раён—Юравічы, «адну маленькую кропельку ў акія-не», суаднесенай з агульнымі клопатамі краіны, з цэлым светам «у не-бывалым паходзе».

Унутраны голас уласнага сумлення стаў для персанажа голасам праў-ды гістарычнай, партыйнай, той крыніцай, з якой чэрпаюць сілу і веру ў будучае. «Няхай трывога, няхай пакуты, але наперадзе лепшае. Харо-шае жыццё. Пакуты дзеля добрага—неблагія пакуты. Усё ў рэшце рэшт прыйдзе да лепшага. Гэта—галоўнае!..»

З вобразам Апейкі ў раманах звязаны самыя галоўныя думкі, усё «самае сур'ёзнае» (І. Мележ). Гэты вобраз стаў увасабленнем, паводле слоў Ф. Куляшова, «сапраўднага гуманізма, савецкага дэмакратызма і партыйна-бальшавіцкай прынцыповасці»³. Мележ прызнаваўся, што Апейка стаў калі не галоўным, дык адным з галоўных герояў рамана, стаў як бы яго сумленнем. Гэта выдатнае дасягненне прозы І. Мележа, ад-крыццё ім сапраўднага носьбіта высокіх маральных якасцей, бальшавіка, які змагаецца за пашырэнне чалавечага ў чалавеку. З'яўляючыся «сум-леннем раманаў», увабраўшы ў сябе думкі, дух народа, яго светаўспры-няцце і светаразуменне, Апейка стаў увасабленнем народнага сумлення.

Пафасам сумлення—пафасам камуністычнай маралі прасякнуты ра-маны І. Мележа. У беларускай прозе на сучасным этапе ўсё выразней праяўляецца названая тэндэнцыя—у маральна-этычных адносінах да пра-блем рэчаіснасці «руліць вышэй плыні» (Л. Талстой)—зварот менавіта

да глыбінь свядомасці чалавека, да чалавечага сумлення, да таго, што не толькі «у кадры», у полі нашага зроку, але што застаецца «за кадрам», «асядае на дне душы» — да ўнутранай адэнкі пазітыўных зрухаў у грамадстве, да ўнутранага, якое стасуецца з пачуццямі і думкамі яго самога, з яго жыццёвай пазіцыяй.

Найбольш адчувальна такая тэндэнцыя — «браць вышэй плыні» — праявілася ў І. Мележа, І. Шамякіна, Я. Брыля, У. Караткевіча, В. Быкава, у маладзейшых — А. Жука, В. Казько, А. Кудраўца, В. Карамазова, Л. Дайнекі, В. Гігевіча і інш.

Зварот да голасу ўласнага сумлення і адкрыццё новых этычна-канцэптуальных рыс характару персанажа сталі, такім чынам, для беларускай літаратуры адкрыццём новага героя. Такімі героямі з'яўляюцца Апейна, большасць станоўчых герояў ваенных аповесцей В. Быкава (Глечык, Лазняк, Іван Цярэшка, Васілевіч, маёр Валашын, лейтэнант Іваноўскі, Зося Нарэйка, Сотнікаў, Сцепаніда і Пятрок Багацькі і інш), а таксама Максім Карнач, Іван Васільевіч Антанюк, Сцяпан Дзямідчык, Мацвей Роўда, Ігнат Сцяпанавіч Вапшчэтка і інш.

Прыслухоўваючыся да голасу ўласнага сумлення, жывуць і дзейнічаюць гэтыя героі. Што б яны не рабілі, з чым бы ні сутыкаліся ў жыцці. Сам просіцца вярнуцца за лінію фронту, каб узарваць варожую базу з боепрыпасамі, лейтэнант Іваноўскі, спакойна ідзе на шыбеніцу, на сваю Галгофу, Сотнікаў. Гэтак жа, як і з пачуццём высокай чалавечай годнасці сустракаюць смерць на сваім лапіку зямлі, адлакутаваўшы, але даказаўшы, што чалавек можа многае, героі аповесці «Знак бяды».

Ужо ў мірны час, не жадаючы злоўжываць даверам таварышаў па партыі, здымае сваю кандыдатуру пры выбарах у гарком Карнач. Адказнасць перад часам, грамадствам для гэтага героя з'яўляецца адказнасцю ў першую чаргу перад самім сабой, перад уласным сумненнем. Па абавязку сумлення, не жадаючы ісці з ім на кампраміс, едзе працаваць у вёску, у глыбінку Іван Васільевіч Антанюк. Не саступае ні ў чым бракан'ерам, кідаецца ім наперарэз і гіне адзін з «апошніх журавоў», з пакалення франтавікоў, партызан Сцяпан Дзямідчык, які жыве ўвесь час з адкрытым пачуццём сумлення. Нездарма над ягонай магілай, як апошні ўскрык глыбока прабуджанага сумлення, гучыць крык апошняга жураўля.

Трывожыцца за лёс роднай зямлі меліяратар Мацвей Роўда, які ўсё робіць у адпаведнасці з тым, што дыктуе яму ўнутраны голас уласнага сумлення. Часта, вельмі часта ён раіцца з людзьмі, з вяскоўцамі, памятае пра іх, жывых і мёртвых, вядзе ўсхваляваны дыялог з роднымі гонямі, з птушкамі, з дрэвамі, з рэкамі, азёрамі, палескімі дубравамі. Ён за ўсё ў адказе перад уласным сумненнем, а значыць, перад будучыняй.

Па сваёй ахвоце ідзе ў лес на сустрэчу з бандытамі, каб прадухіліць найгоршую бяду, Ігнат Сцяпанавіч Вапшчэтка. Гэты герой — жывое ўвасабленне чалавечага сумлення — прайшоў нялёгкі шлях: даваеннае будаўніцтва, нялёгкай франтавай дарогі. Ён і зараз жыве ў ладзе з сумненнем. Зусім невypadкова для яго, праўдалюбца і крыштальна сумленнага чалавека, заўзятага паляўнічага, сляды ляснага звера «выводзяць» на сляды злачынцаў. Жыццё гэтага героя — гэта насцеж адкрытыя шляхі праўды, вярнасці самому сабе, высокім ідэалам добра і справядлівасці, якія ён сам для сябе і выбраў і па якіх праходзіць з моцна развітым пачуццём чалавечай годнасці.

З магутным і трывалым маральным стрыжнем у характары жывуць і працуюць гэтыя героі. Значэнне паказу ўзлёту чалавечага сумлення ў характары персанажа нельга пераацаніць. Літаратура, як бачым, імкнецца яго паўней і ўсебакова раскрываць.

Зварот да маральна-этычных асноў чалавечага характару, да актывізацыі чалавечага ў чалавеку і выяўленне яго асноўнага імператыву — уласнага сумлення — мае ў беларускай літаратуры глыбокія і трывалыя традыцыі. Гэта дае падставы чакаць у хуткім часе новых адкрыццяў у характары, чакаць новага героя сучаснасці.

¹ Гарбачоў М. С. Палітычны даклад Цэнтральнага Камітэта КПСС XXVII з'езду Камуністычнай партыі Савецкага Саюза. — Мінск, 1986. — С. 109.

² Мележ Іван. Збор твораў: У 10 т. (Раман «Людзі на балоце» — у пятым, «Подох навальніцы» — у шостым, «Завеі, снежань» у сёмым) — Мінск, 1984. — 1986.

³ Куляшоў Фёдар. Апошні раман Івана Мележа // Полюмя. — 1980. — № 8. — С. 198.

ДА ПЫТАННЯ АБ ЖАНРАВАЙ ПРЫРОДЗЕ «ПАЛЕСКАЙ ХРОНІКІ» І. МЕЛЕЖА

Трылогія Івана Мележа «Людзі на балоце», «Подых навалніцы», «Завеі, снежань» займае асобае месца ў жанрава-тыпалагічным развіцці савецкага шматнацыянальнага рамана, працягваючы лепшыя традыцыі класічных раманаў-эпапеяў.

Мы спынімся толькі на адной праблеме, якая датычыць выбару жанравай дамінанты твора. У рамана-эпапеі гэта праблема ўскладняецца тым, што, па-першае, ён як ніякая іншая жанравая катэгорыя шматслойна сінтэзуе ў сабе рысы іншых разнавіднасцей рамана: сямейна-бытавога, сацыяльна-псіхалагічнага, філасофскага, публіцыстычнага, гістарычнага... Па-другое, вопыт класічных эпапеяў («Вайна і мір», «Ціхі Дон») паказвае, што вызначальную ролю ў мастацкай структуры могуць адыгрываць некалькі жанраваўтваральных фактараў (эпічная падзея, паказ народных мас, вылучэнне народнага характару ў цэнтр апавядання). Па-трэцяе, жанравыя дамінанты могуць быць розныя, як гэта і дэманструе сучасны раман-эпапея, што звязана са зменай яго «эстэтычнай свядомасці», новым ракурсам гістарызму ў развіцці раманага жанру, абумоўленых характарам рэчаіснасці.

У «Палескай хроніцы» І. Мележа жанравай дамінантай выступае сістэма вобразаў-характараў, іх спецыфічнае ідэйна-мастацкае, канцэптualaнае напauненне. Падзеі, звязаныя з калектывізацыяй сельскай гаспадаркі, прапушчаны праз думкі і ўчынкі жыхароў глухой беларускай вёскі Курані, а таксама кіраўнікоў раёна. У развіцці апавядання аўтар выкарыстоўвае традыцыйны матыў выбару героем свайго шляху ў жыцці: шлях правільны, няправільны, складаны пошук правільнага шляху. У гэтых адносінах функцыянальна блізкія адзін другому персанажы многіх твораў сучаснай літаратуры, у тым ліку і раманаў-эпапеяў. У «Страчаным прытулку» Я. Авіжуса гэта адданы Савецкай уладзе Чырвоны Марус, фашысцкі паслугач Адомас Гедымінас, які шукае сябе; у «Вечным ключы» А. Іванова такі (у значнай ступені ўмоўны) трохкутнік складаюць браты Савельевы — камуніст Антон, Фёдар, які не прымае ў душы новай улады, Іван, які знайшоў сваё месца ў савецкай рэчаіснасці. Вядома, у кожным выпадку лініі матываў неадназначныя, а вобразы-характары маюць розныя якасці, што і раскрываецца ў названых творах. У «Палескай хроніцы» ж гэта набывае значэнне канцэптualaнай аўтарскай ідэі.

Канцэпцыя асобы ў ёй шматпланавая. Яна рэалізуецца ў рознахарактарным, усебаковым узаемадзеянні герояў са зменлівай гісторыка-сацыяльнай рэчаіснасцю. Як справядліва адзначае А. Адамовіч, «пераход да кожнага новага рамана абазначаў і новы акцэнт — на тым з герояў, праз каго аўтарская ідэя і само «дыханне часу» маглі праявіцца найбольш поўна і моцна»¹.

Сацыяльны аспект калектывізацыі ў першых двух раманах ўвасабляецца перш за ўсё ў вобразах Васіля Дзятла, Апейкі, Міканора; у трэцім — Апейкі, Башлыкова, Ганны Чарнушкі. Маральна-псіхалагічная лінія звязана ў «Людзях на балоце» і «Подыху навалніцы» з Васлём і Ганнай, у «Заваях, снежні» — Ганнай і Башлыковым.

Трылогія І. Мележа населена і іншымі каларытнымі персанажамі. Гэта жыхары Куранёў — мудры дзед Дзяніс, мясцовы кніжнік Андрэй Руды, жарталівы Зайчык, кулак Корч. Нарэшце, дзве супрацьлеглыя палітычныя лініі кіраўніцтва прадстаўляюць з аднаго боку разам з Апейкам Гайліс і Белы, з другога — Башлыкоў, Харчаў, Дубадзел. Міканор займае як бы прамежкавае становішча: ён часам дзейнічае прасталінейна, як Башлыкоў, але знаходзіць мужнасць прызнацца сабе, што не меў рацыі. Гэтыя і іншыя героі жывуць у раманах І. Мележа сваім непаўторным жыццём. Справядліва адзначае А. Адамовіч, што «па погляду на свет і людзей, па канчатковаму развароту, жанру рэч гэтая належыць да эпапеяў «талстоўскага тыпу», дзе фактычныя межы паміж «галоўнымі» і «не галоўнымі» персанажамі і лёсамі вельмі ўмоўныя, невыразныя, чыста колькасныя, а не якасна-эстэтычныя»².

Цікава развіваецца аўтарам галоўны жаночы вобраз. Ф. Куляшоў адзначае, што калі ў першых двух раманах Ганна Чарнушка раскрываецца ў сферы інтымна-асабовай, то ў «Заваях, снежні» яна выступае «як вы-

разнік народнага пункту гледжання на карэнныя сацыяльныя перамены, маральна-этычныя праблемы»³. У трэцяй кнізе, даследуючы вобразы Ганны і Башлыкова ў сацыяльным і асабовым плане, аўтар паказвае непаўнацэннасць апошняга, што выяўляецца ў празмернай прасталінейнасці яго ўчынкаў. І судзіць тут выступае Ганна, якая дакарае Башлыкова ў няведанні людзей, няўменні кіраваць.

У рамане даследуюцца розныя сацыяльныя тыпы асоб канкрэтнай рэчаіснасці, якія па-рознаму ўзаемадзейнічаюць з ёй. Так Апейка нясе актыўны, пераўтваральны пачатак, а Васіль Дзяцел ўвасабляе пакуль «схаваныя», патэнцыяльныя магчымасці народа. У гэтым сэнсе важна сказаць аб тым, як вырашаецца праблема народнага характару ў «Палескай хроніцы», паколькі яна ўвогуле мае асаблівае значэнне для рамана-эпапеі.

Апейка «вядзе» ў творы І. Мележа ідэолага-публістычную лінію. Як дальнабачны кіраўнік ён выяўляе сябе і ў спрэчках з Башлыковым, і ў гутарках з сялянамі; аўтар «пасылае» свайго героя на сесію ЦВК Беларусі, перадае ўяўную палеміку Апейкі з прамовай Сталіна на канферэнцыі аграрнікаў-марксістаў. І. Мележ акцэнтуюе ўвагу на той асаблівасці характару Апейкі, якая найбольш ярка раскрывае яго як пэўны тып асобы.

Раманны цыкл Івана Мележа не закончаны. Нялёгкі лёс чакае герояў, і даследаванне іх магло адбывацца ў самых розных ракурсах. Праблема народнага характару вырашаецца аўтарам шматпланавая, яго рысы ёсць у розных героях — Апейку і Ганне, Васілю і яго маці, дзеду Дзянісу, Міканору, Зайчыку... І ў гэтым ключ да разумення жанравай асаблівасці рамана-эпапеі І. Мележа. Яна ў шматпланавасці, маштабнасці вобразаў-характараў, што абумоўлена паглыбленым гістарызмам мыслення пісьменніка, як галоўнага прынцыпу ў стварэнні эпічнага ў яго раманах. Менавіта глыбокае, рознабаковае даследаванне жыцця складае аснову эпапейнасці твора.

Справядліва адзначае Д. Бугаёў, што вялікі эпас у наш час «немагчымы без шматгранных, шырокаабагульненых характараў, якія сваімі карэннямі сягаюць у глыбіні народнага жыцця і таму дазваляюць мастаку прасвечваць гэтыя глыбіні, даследаваць значныя пласты народнай гісторыі»⁴.

Васіль Дзяцел у гэтым сэнсе акумулюе ў сабе супярэчлівыя адносіны шматлікіх сялянскіх мас да калектывізацыі. А для рамана-эпапеі вельмі важна, каб героі яго былі тыповымі прадстаўнікамі народа, жылі ў масе, як большасць мележаўскіх персанажаў.

У «Людзях на балоце» з Васілём звязана пераважна маральна-бытавая тэма (каханне да Ганны Чарнушкі, гаспадарчыя клопаты), у «Подыху наваліцы» ўзмацняецца псіхалага-філасофскае значэнне вобраза. Пакутлівыя перажыванні аб сваім няспраўджаным лёсе, драматычныя і трагічныя ноткі ў роздуме аб зямлі, шчасці, сэнсе жыцця набываюць па меры развіцця апавядання ўсё больш шырокі сацыяльны змест. Канфлікт старога з новым выяўляецца і ў прамым сутыкненні з кулакамі Карчамі — з-за ўзаранай зямлі. Але галоўнае — у глыбока прасочаным аўтарам «выспяванні» думкі героя аб несправядлівасці мінулага сацыяльнага ладу і неабходнасці яго змянення. Для таго, каб Васіль мог пераканацца ў гістарычнай перспектывнасці мерапрыемстваў Савецкай улады, патрэбен час. Але калектывізацыя закранае самае зававетнае, што ёсць у ім, сялянне-працаўніку — родавую адданасць і любоў да зямлі. Васіль усё мацней адчувае сваю аднасць з зямлёй, і аўтар усё больш напаўняе яго думку натурфіласофскім зместам («Уся сіла чалавека — у зямлі. І сіла ўся, і радасць! Няма зямлі — няма, лічы, і чалавека»). Глыбокім і ўсебаковым даследаваннем супярэчлівага працэсу пошуку героем свайго месца ў жыцці ўскрывае І. Мележ дыялектычную сувязь паміж сацыяльнай дэтэрмінаванасцю і свабодным выбарам асобы.

Усе падзеі развіваюцца ў раманах паслядоўна, канцэнтруючыся вакол дзеючых асоб. Арганічна спалучаюцца сцэны сямейна-бытавыя і сацыяльныя. Іван Мележ паказвае невялікае, але тыповае звязно калектывізацыі, спецыфічна раскрываючы ўзаемасувязь асобы з грамадствам. У цэнтры ўвагі пісьменніка не сама па сабе гістарычная падзея, хоць яна ляжыць у аснове замыслу, а ўспрыняцце яе рознымі сацыяльнымі тыпамі, адлюстраванне асноў народнага быцця. Усё гэта пацвярджае думку аб тым, што менавіта сістэма вобразаў-характараў, іх усебаковае (эпіка-філасофскае, псіхалагічнае, публіцыстычнае) канцэптэуальнае напаўненне з'яўляецца вызначальным момантам, жанравай дамінантай у рамане-эпапеі

І. Мележа. Правільнае выяўленне характару і спецыфікі ўзаемадзеяння жанравай дамінанты з іншымі кампанентамі мастацкай структуры дапамагае вызначыць шляхі сістэмнага даследавання сучаснага рамана-эпапеі.

¹ А дамовіч А. «Полесская хроніка» І. Мележа в контексте времени // Вопросы литературы.— 1982.— № 1.— С. 169.

² А дамовіч А. Собр. соч.; В 4 т.— Минск, 1982.— Т. 2.— С.542.

³ Кулешов Ф. Подвиг художника.— Минск, 1982.— С. 171.

⁴ Бугаёў Д. Вернасць прызнанню.— Минск, 1977.— С. 99.

Г. У. ПОЙМАНАВА

СПЕЦЫФІКА СЮЖЭТУ У ПРОЗЕ У. КАРАТКЕВІЧА

Крытыкі і літаратуразнаўцы, якія так ці інакш закранаюць спецыфіку сюжэту ў прозе У. Караткевіча, знаходзяць у ім тое, што ўласціва рамантызму: «ракавыя страсці», таямнічыя запіскі, злачынныя забойствы, прывіды, пярэваратняў¹, праяўленне незвычайных якасцей чалавека ў незвычайных абставінах. Да таго ж, пісьменнік нярэдка выкарыстоўвае матывы рамантычных сюжэтаў, якія апавядаюць пра феодала-злачынцу і яго ахвяру — прыгожую дзяўчыну, пра мужа рыцара, які перамагае злачынцу, пра сярэднявекы замак з падземнымі хадамі, сховамі, скарбамі, з якімі звязаны сямейныя легенды, жахі, пракляцці.

Але ўсё гэта яшчэ не выяўляе спецыфіку сюжэту ў прозе У. Караткевіча. У сувязі з неабходнасцю раскрыць гэтую спецыфіку звернем увагу, як падаецца і якое значэнне мае падзея ў жыцці герояў пісьменніка. Яна, адразу заўважым, акрэслівае тып іх паводзін і душэўнага настрою, праяўляе іх як асобу. Так, герой апавесці «Дзікае паляванне караля Стаха» Андрэй Беларэцкі апынуўся ў закінутым сярод балот старым маёнтку шляхцічаў Яноўскіх, дзе даведваецца аб родавай помсце, таямнічай Благітнай жанчыне і не менш міфічнай істоце — Малым чалавеку Балотных Ялін. Ён бачыць адвечны страх у вачах гаспадыні маёнтка — змучанай, застрашанай дзяўчыны. Яму шкада ушчэнт абяднелых сялян, якіх дзікае паляванне сагнала з зямлі. І Андрэй уступае ў барацьбу, свядома выклікае агонь на сябе. Ды інакш і быць не магло: рамантык ніколі не застаецца пасіўным там, дзе раскашуе зло.

Падзея ў пісьменніка часцей за ўсё з'яўляецца нечым незвычайным. Яна вызначае пабудову як невялікіх апавяданняў («Вока тайфуна», «Кніганомы»), так і буйных твораў (апавесці «Дзікае паляванне караля Стаха», «Чазенія», раманы «Хрыстос прыямліўся ў Гародні», «Чорны замак Альшанскі»). Учынкі герояў, аўтарскія заўвагі і характарыстыкі, разнастайныя апісанні — усё працуе на незвычайную падзею ці дзіўную гісторыю, з якой нярэдка і пачынаецца твор. Перадгісторыю здарэння аўтар раскажа потым, развіваючы апавяданне. Яму важна з самога пачатку мабілізаваць увагу чытача, уключыць яго ў імкліваю плынь дзеяння, настройчы на рамантычную танальнасць выкладу: «На пачатку мая ў Быхаў прымчаў на ўзмысленым кані ганец.

Конь зваліўся ля самай брамы замкавай вежы, а коннік пераляцеў праз яго галаву і як мёртвы расцягнуўся ў пылу. <...>

На пытанне, што прымусіла пана быць такім паспешлівым і марнатраўным, ганец ледзь здолеў прахрыпець:

— Воўк вырваўся з логава...»².

Ашаламляльнае, нечаканае нагнятанне «крайніх» станаў, жэстаў («конь зваліўся», «ледзь здолеў прахрыпець») узмацняецца загадкавым іншасказаннем («воўк вырваўся з логава»), уражае, захапляе ўжо з першых радкоў апавесці. Нязвычайнасць, выключнасць адразу заяўляе аб сабе і ў «Чазені», якая пачынаецца сном Севярына Будрыса аб набліжаючайся катастрофе. З не меншай выразнасцю падаецца жудасная, апакаліптычная карціна «голаду і пошасці», грозных прадвесцяў няшчасцяў у рамане «Хрыстос прыямліўся ў Гародні». Нават ў «Каласах пад сярпом тваім», дзе рэалістычны пачатак, здавалася б, пераважае, У. Караткевіч знаходзіць месца падзеям, якія ўзнімаюцца над штодзённасцю. У імкненні да яркага, незвычайнага праяўляецца рамантычная настроенасць пісьменніка, у рэчывы якой нараджаецца яго прыхільнасць да падзвігаў і прыгод. Героя У. Караткевіча ўвесь час падпільноўвае небяспека. Ён трапляе ў сітуацыі, якія патрабуюць максімальнага напружання душэўных і фізіч-

ных сіл. Абставіны складваюцца такім чынам, што яму даводзіцца дзейнічаць на мяжы сваіх магчымасцей. Выбуховая хваля экстрэмальных умоў выхоплівае героя са звычайнай плыні жыцця і нібы перамяшчае яго ў іншую прастору — прастору канцэнтраванай энергіі і ўшчыльненага часазлічэння, дзе чалавечая сутнасць праступае ў найбольш чыстым выглядзе, свабодным ад усяго наноснага.

Герой У. Караткевіча заўсёды на вышыні. Аўтар як бы любуецца ім, захапляецца смелай нечаканасцю яго рашэнняў і ўчынкаў. На Алеся Загорскага і яго двух спадарожнікаў (аповесць «Зброя») нападаюць пяцёра здаравякоў. У гэты крытычны момант неверагодная сіла, спрыт і кемлівасць раптам прачынаюцца ў ім, і ён, здавалася, ужо ў безвыходным становішчы перамагае. Унутраны стан героя, які зазірнуў у вочы смерці, віртуозна падаецца праз яго учынкi. Мільгаюць рукі, наносяцца ўдары, чуваць ускрыкі... Суцэльны каскад рухаў, жэстаў, падзей. Паводзіны Алеся выглядаюць нават трохі парадаксальнымі, бо ніхто з нападаючых, ды, відаць, і спадарожнікі Алеся (а недзе ў глыбіні душы, магчыма, і ён сам) не чакалі, што ўсё закончыцца іменна так, бліскучай перамогай князя. Праўда, герой быў падрыхтаваны да фізічных выпрабаванняў: з маленства загартоўваўся, вучыўся верхавой яздзе, фехтаванню. Спрацоўвае, відаць, і матывіроўка фальклорнага тыпу: выпадак, калі вонкава слабы перамагае моцнага ворага, даволі распаўсюджаны ў казках.

У. Караткевічу вельмі важна падкрэсліць значэнне духоўнай сілы, мэтанакіраванасці герояў. Так, справай жыцця Антона Косміча ў «Чорным замку Альшанскім» было вывучэнне беларускага сярэднявечча, і, напэўна, як кожны вучоны, час ён праводзіў у асноўным у бібліятэках, архівах, за пісьмовым сталом. Але калі апынуўся твар у твар з ворагам, Антон пачынае біцца так, нібы ўсё жыццё толькі гэтым і займаўся.

Праз учынкi, на якія не здольны радавы чалавек, праз нейкія нечаканыя, звышнармальныя яго магчымасці пісьменнік узвышае, рамантызуе героя. І хаця верагоднасць, праўдападобнасць такіх учынкаў аўтар так ці іначай матывіруе, яго аргументацыя не расейвае цалкам смугу рамантычнай умоўнасці, якая іх засцілае. Успомнім сцэну ўсеагульнага ап'янення жыхароў Наваграда, калі яны панакуплялі ў апосталаў пляшчакі з «уздыхам святога Есіпа Арымафейскага» («Хрыстос...»): «Людзі ляжалі паўсюль: на дарогах, на вуліцы, на вокнах. І гэта было страшней, чым пасля татарскага ўварвання, калі выразалі яны Наваградак пад корань...»³ Пастаяннае напружанне, у якім знаходзіліся героі, нагнятанне крытычных сітуацый дасягаюць у нейкі момант самага высокага пункту, а затым наступае эмацыянальная разрадка, нервовы скід — поўная свабода: хадзі на галаве, рабі што хочаш.

Аўтара можна абвінаваціць, што Наваградак у яго «паўстае перад чытачом як горад суцэльных п'яніц»⁴, зразумела, калі не ўлічваць законы мастацтва, не звяртаць увагі на такія каментарыі, як, скажам, гэты: «І тут здарылася дзіўнае і небывалае. Хто паверыць — той малайчына, а хто не паверыць — таму няма чаго і чытаць далей, няхай кіне»⁵. Пісьменнік заключыў з чытачом пагадненне аб умовах «гульні»: калі не хапае жывасці ўяўлення, магчымасцей уключыцца ў шумны карнавал-спектакль, то пашукайце нешта іншае. Іменна на гульні, на тэатралізацыі грунтуецца раман «Хрыстос прыязмліўся ў Гародні», і калі прымаць вымысел за чыстую манету, застанецца незразумелым глыбінны сэнс гэтага таленавітага твору.

Пераўтварэнне былога шкаляра ў Хрыста дало магчымасць аўтару знешне паказаць двоенасць маскі Хрыста-Братчыка, а ўнутрана — раскрыць цэласнасць яго натуры. З аднаго боку, быць Хрыстом Лотра і «іже с ним» — значыць быць пародыяй на Хрыста святога. У прыныце, роля навіязаная Братчыку Лотрам, не патрабавала вялікага «выканаўчага майстэрства». У абавязак яго ўваходзіла праслаўляць святую царкву і яе служак, а праз месяц «знесціся». З другога боку, у Братчыка была яшчэ адна магчымасць: іграць сапраўднага бога, які тварыў цуды і прыносіў людзям шчасце, пакутаваў і прыняў цяжкую смерць за народ.

Усёй сваёй істотай Юрась пратэстуе супраць пошлага фарсу, навіязанага яму Лотрамі, і вядзе роль у адпаведнасці са сваім характарам, імкненнямі. Маска ў пэўныя моманты становіцца як бы сапраўдным тварам. Братчык жыве пад імем Хрыста, суадносячы свае ўчынкi з народнымі ўяўленнямі аб справядлівасці, літасці і заступніцтве бога. На гэтыя ідэалы і арыентуецца Юрась у сваёй «гульні». Але вось парадокс: Братчыку роля Хрыста не замянае жыць у адпаведнасці са складам яго харак-

тара—любіць, ненавідзець, пакутаваць, шукаць ідэалы і набываць іх. І ў той жа час Лотр, Басядкі і іншыя слугі царквы не жывуць у сапраўдным сэнсе гэтага слова, а іграюць ролю без бога ў сэрцы і веры ў душы (зрэшты, іх душы даўно пакінулі целы сваіх гаспадароў).

Матыў вандроўніцтва, які міжволі ўваскрашае ў памяці распаўсюджаныя рамантычныя сюжэты, дапамагае У. Караткевічу бліскуча выкарыстаць прыём тэатралізацыі. Хрыстос са сваімі апосталамі ідзе ад аднаго мястэчка ў іншае, і дзе б ні з'явіўся, ён заўсёды ў цэнтры ўвагі, яго акружае натоўп. Кожная новая карціна—Хрыстос ў Любчы, Наваградку, Вільні—нібы самастойнае апавяданне пра яго новыя прыгоды.

Хрыстос у натоўпе—гэта ўжо спектакль у спектаклі, відовішча. У Любчы Юрась назірае, як лезе са скуры «непамерны ў пузе і азадку» манах, прадавец індальгенцыі. Народ, які сабраўся навокал, смяецца, назірае, як герой, купіўшы індальгенцыю, абражае манаха, а разам з ім і палу. Уся гэта сцэна нагадвае балаган, клаунаду.

І тыя, хто ведае і хто не ведае, што Братчык разыгрывае ролю Хрыста, уключаны ў гульню, і кожны ў адпаведнасці са сваім веданнем, характарам і магчымасцямі таксама іграе ролю: адны—як веруючыя, другія—прытвараючыся веруючымі. Большасць простых людзей—сялян, рамеснікаў, мяшчан—успрымаюць гэтую гульню як рэальнасць, сапраўднае прышэсце Хрыста. Розныя пункты погляду збіраюцца як бы ў адзін фокус. Юрась-Хрыстос, нібыта акцёр на тэатральных падмостках, на скрыжаванні магутных патокаў святла. Гэта традыцыйная рамантычная манера стварэння вобраза: герой узнімаецца, высока ўзносіцца над усімі навакольнымі. Адусюль на яго накіраваны погляды, ён аказваецца ў цэнтры ўсеагульнай увагі.

Рамантычны прынцып «незвычайны герой у незвычайных абставінах» аўтар увасабляе праз шэраг спецыфічных сродкаў: перабольшанне, ідэалізацыю, гульню. Цікавасць пісьменніка да неверагодных здарэнняў, падзей прыгод абумоўлена яго схільнасцю да рамантызацыі мастацкага выяўлення. Жыццё паўстае ў яго творах як захалляючы спектакль з шалёнымі пагонямі, эфектамі і позамі, са стрэламі і выкрыкамі, з прайдзісветамі і прастакамі, са злодзеямі і рыцарамі.

Вузлы сюжэтай канструкцыі ў пісьменніка нярэдка звязваюцца выпадкам, праз яго ўлюбёнае «раптам». Аўтар прапануе сваім героям абставіны, збег якіх становіцца «ракавым». Яго персанажы часцяком аказваюцца пад уладай непрадбачаных здарэнняў. Нечаканыя сюжэтыя павароты іншы раз спадучаюцца з выпадковымі сустрэчамі, нечаканымі пераменамі і г. д. Прынцып выпадковасці яшчэ больш узмацняе сюжэтнае завастрэнне, распальвае атмасферу апавядання, актывізуе развіццё дзеяння, надае яму большы зарад дынамічнасці.

Аднак апісанне разнастайных прыгод герояў не становіцца самамэтай пісьменніка. К. Паустоўскі неяк заўважыў, што авантурны сюжэт у А. Грына «толькі шкарлупіна для больш глыбокага зместу»⁶. Гэтыя словы можна аднесці і да сюжэту У. Караткевіча, які ў займальную форму заключае глыбінныя пошукі, роздумы над праблемамі гісторыі беларускага народа, над вечнымі пытаннямі жыцця і смерці, свабоды і неабходнасці. За знешняй рамантызацыяй дзеяння крыецца глыбокі псіхалагізм, які вызначае сілу і своеасаблівасць караткевічавай прозы.

Гл.: Коваленко В. Лики прошлого: правда и вымысел // Дружба народов.— 1983.— № 6.— С. 260.

² Караткевіч У. З вякоў мінулых.— Мінск, 1978.— С. 136.

³ Караткевіч У. Выбраныя творы: У 2 т.— Мінск, 1980.— Т. 2.— С. 203.

⁴ Прашковіч Л. І. Аб жанрава-стылістычных асаблівасцях рамана «Хрыстос прыямліўся ў Гародні» // Беларуская літаратура і літаратуразнаўства.— 1975.— Вып. 3.— С. 117.

⁵ Караткевіч У. Выбраныя творы: У 2 т.— Т. 2.— С. 18.

⁶ Цыт. па кн.: Бегак Б. А. В мире приключений.— М., 1979.— С. 21.

ОБ ИДЕЙНОМ СОДЕРЖАНИИ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

Идея государственного единства — стержневая в литературе Киевской Руси конца XII века. Центральное место заняла она и в «Слове о полку Игореве». Автор «Слова» был сыном своего времени и в известном смысле выразителем общественного мнения эпохи. Он слагал свою повесть «по былинам сего времени» и в соответствии со своим поэтическим замыслом. Художественные задачи, которые решал автор «Слова о полку Игореве», выходят за рамки проблем политических. Анализ особенностей художественной формы «Слова» позволяет глубже осмыслить идейную сторону произведения. Многие исследователи считают жанровую природу произведения синтетической, отмечая наличие в нем элементов торжественного красноречия, древнерусской воинской повести, хождения, героической песни, элементов летописного и апокрифического жанров.

Автор неслучайно называл свое произведение «Словом», что, как известно, означало «речь торжественную». Сама ритмичность произведения дает основание предполагать, что создавалось оно для чтения вслух или даже для пения. Патриотическая идея «Слова», олицетворяющая стремление Автора прославить Русскую землю, выразить свои чувства патриота и гражданина, типологически восходит к публицистической пафосности торжественного красноречия. Отсюда вполне оправдано обращение Автора к художественной манере красноречия. Элементы ораторского стиля значительны в «Слове». Это и пафосность обращения Автора к князьям («Великий княже Всеволоде! Не мыслию ти прелетѣти издавеча, отня злата стола поблюсти!»; «Ярославе и вси внуце Всеслави! Уже понизите стязи свои, вонзите свои мечи верезжени, уже бо выскочисте изъ дѣдней славь»).¹ С публицистической пафосностью прозвучал и призыв: «Загородите полю ворота своими острыми стрѣлами за Землю Русскую!» (с. 382), в котором наиболее страстно выразилась патриотическая идея произведения. В стиливой манере торжественного красноречия — частое употребление риторических вопросов, риторических восклицаний («Княже Игорю! Не мало ти величия, а Кончаку нелюбия, а Руской земли веселиа!» (с. 384); «Что ми шумить, что ми звенить давеча рано пред зорями? Игорьъ пълкы заворочаетъ...» (с. 376). И опять же этот прием автор использует, очевидно, совершенно сознательно, сделав рефреном восклицание «О Русская земля! Уже за шеломянемъ еси!». В традициях торжественного красноречия и постоянное апеллирование автора к читателям (или слушателям?). Обращение «братие», многократно повторяющееся в тексте памятника, свидетельствует о стремлении автора подчеркнуть свою близость к тем, к кому он обращается, сделать их своими единомышленниками. Наконец, композиционное исполнение «Слова», представляющее собою трилогию с традиционным зачином и заключением, типологически родственно архитектонике торжественных слов. Таким образом, используя выразительные средства ораторского искусства, Автор прославлял родную землю и как публицист высказывал свою оценку современного политического положения Руси.

Автор называет свое произведение и песней («начати же ся тѣй пѣсни...»; «пѣвшѣ пѣснь старымъ княземъ, а потомъ молодымъ пѣти...»). «Слово» описывает реальные события, но они даны в эмоциональном восприятии Автора. Он слагает героическую песнь князьям и дружине, воспевая идеал рыцарской чести и доблести, наполняя «Слово» звоном ратной славы. В поэтизации героев — князей и храбрых дружинников, ищущих «себе чти, а князю славы», «Слово» сближается с памятниками западноевропейского средневекового эпоса. А. Н. Робинсон отмечает типологически общие черты «Слова о полку Игореве» и таких произведений, как «Песнь о Роланде», «Витязь в тигровой шкуре»: идею защиты Родины, культ рыцарской чести, этикет взаимоотношений сюзерена и васала, образ тоскующей в разлуке возлюбленной героя.² Однако при всей

типологической общности «Слова» как героическая песнь имеет свои особенности. Мотив верности сюзеренам в нем приглушен. Культ рыцарской чести, воинской славы не является здесь самоцелью, он подчинен идее защиты интересов государства.

Автор «Слова», повествуя о «былинах сего времени», вместе с тем оценивает их и в историческом аспекте, воссоздает исторический фон событий, ибо ему необходимо было на этом фоне выявить общие причины государственного неурядиства Руси и причины, приведшие к поражению князя Игоря в битве с половцами, в частности. Это обусловило обращение Автора к жанровым традициям летописания. В русской историографии определяющей, ведущей была патриотическая идея могущества Руси, народа, умевшего защищать свою Родину. Было единство — залог государственной мощи страны, было торжество — «тѣм тресну земля,.. и половци сулицы своя повергоша, а главы своя подклониша под тыи мечи харалужныи» (с. 382). Автор «Слова о полку Игореве» жил во времена, которые он сам метко охарактеризовал как «вспять повернутые»: «Наничне ся години обратиша» (с. 380). Неудачный поход князя Игоря для Автора «Слова» явился поводом к размышлению о судьбе Русской земли — «от старого Владимира до нынешнего Игоря» — ее прошлом, настоящем, будущем. Поэтому Автор, «свивая славы оба полы времени», как бы удваивает время, уводит нас в его глубины. Осмысление событий 1185 года на фоне исторических сопоставлений позволяет ему делать широкие обобщения. Приведем для примера одно из таких сопоставлений. Сообщению о поражении князя Игоря предшествует рассказ о деяниях князя Олега «Гориславича». В этом рассказе существенно все до малейших деталей: и что исторический эпизод вводится в текст в самый напряженный момент битвы русских с половцами, и что Олег — «Гориславич», и что он «мечемъ крамолу коваше», а меч — священное оружие, на котором князь давали клятву, и что «крамола» Олега противопоставляется созидательному труду пахарей. Смысл этого исторического сопоставления заключается в том, что Автор рассматривает поражение князя Игоря как непосредственное следствие начавшихся еще при Олеге феодальных междоусобиц. Использование идей летописания, таким образом, подчинено в «Слове» определенной цели: осудить междоусобные распри князей; напомнить своим современникам, к чему приводит политика раздоров; призвать князей к сознанию своего патриотического долга во славу земли Русской. И здесь идейный замысел неразрывен с его художественным воплощением.

Важным в идейной структуре «Слова о полку Игореве» является и решение проблем философских, этических, моральных. Каковы представления средневекового человека о красоте, о любви и милосердии, о добре и зле? Что достойно хвалы, что хулы? Именно благодаря «Слову» мы можем судить реально, что на Руси в ту далекую эпоху считалось красивым. «Слова о полку Игореве» — из стихии фольклора, в которой еще господствовало языческое мировоззрение. И как следствие этого — в памятнике воспевается старая, дохристианская красота: оживает природа, действуют языческие мифологические существа, символические знамения предвещают события, образ человека персонафицируется в образе животного. Языческие представления, таким образом, определяют в «Слове» эстетические ценности; христианские воззрения Автора оказались вне пределов поэзии.

Мировоззрение Автора включает и элементы средневековой морали. Внимательное чтение «Слова» позволяет выявить принципы поведения человека в обществе, получить представление о жизненной философии и нравах средневековья: «Съ зарания въ пятькъ потопташа поганья пълкы половецкыя, и рассушысь стрѣлами по полю, помчаша красныя дѣвки половецкыя, а с ними злато, и паволокы, и драгие оксамиты. Орьтѣмами, и япончицами, и кожухы начаша мосты мостити по болотомъ и грязивымъ местомъ, и всякыми узорочьи половецкыми» (с. 374). Это — средневековая норма поведения. Победили — и слава, гордость, героизм. Потерпели

поражение — унижение, горе. И нет дела до «плачевного побежденных стона».

С позиций средневековой морали Автор оценивает и поступки Игоря и Всеволода: что достойно осуждения, что — поощрения. Осуждается безрассудное буйство князя Игоря, его непослушание, нарушение им вассальных обязанностей. Идея нравственного осуждения в данном случае сливается с идеей политической. Заметим, что право судить «буйство» и непослушание Игоря и Всеволода Автор предоставляет Киевскому князю Святославу.

Но тот же безрассудный Игорь идет в поход, который заранее обречен на неудачу, несмотря на страшное «знамение» — солнечное затмение, идет к испытанию поражением, потерей дружины, унижением плена, побегом. И морально выходит победителем. Автор «Слова о полку Игореве» с гениальной прозорливостью выявил то нравственное начало, которое во все века было, есть и будет присуще «русичам», — духовную силу, способность преодолеть любую беду, любое испытание и выстоять.

Исследование идейного содержания «Слова о полку Игореве» предполагает широкий анализ проблем во всей их совокупности: в связи с эпохой, с идеологическими взглядами и художественно-эстетическими принципами Автора.

¹ Памятники литературы Древней Руси. XII век. — М., 1980. — С. 380, 382. Далее ссылки на это издание даются в тексте статьи.

² См.: Робинсон А. Н. «Слово о полку Игореве» и героический эпос средневековья // Вестник АН СССР. — 1976. — № 4.

Н. Б. МЕЧКОВСКАЯ

ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЕ ГРАММАТИКИ XVI—XVII ВЕКОВ КАК НОРМАТИВНЫЕ РУКОВОДСТВА

В истории различных лингвистических традиций первые описания «своего» языка отвечали практическим нуждам школы, религии, государства и поэтому имели нормативный характер. Ранние восточнославянские грамматические сочинения — «Грамматика словенска» Лаврентия Зизания (Вильна, 1596), «Грамматики славенския правильное синтагма» Мелетия Смотрицкого (Евье, 1619; 2-е изд. М., 1648; 3-е изд. М., 1721), отчасти греческо-славянская грамматика «Адельфотис» (Львов, 1591), а также рукописные грамматические и орфографические статьи XVI—XVII веков — были нормативными описаниями церковнославянского языка, который являлся основным книжно-литературным языком в ареале *Slavia Orthodoxa* до XVIII века. В рассматриваемых грамматических сочинениях предлагалось определенное решение важнейших проблем общественно-языковой практики в восточнославянской культуре XVI—XVII веков. Грамматики содержали, во-первых, оценку языковой ситуации и соответствующую модель выбора нормативного языкового образования; во-вторых, кодификацию норм церковнославянского языка восточнославянского извода; в-третьих, экспликацию некоторых мотивов и принципов языкового нормирования.

1. Центральная проблема восточнославянских языковых ситуаций заключалась в противостоянии церковнославянского и народных литературных языков и в необходимости выбора между ними в наиболее важных сферах общественно-языковой практики. Сам факт кодификации в грамматиках церковнославянского, а не народного языка означал выбор в пользу классического языка.

Оппозиция церковнославянского и народного литературного языка носила разный характер в языковой ситуации Белоруссии и Украины, с одной стороны, и Московской Руси, с другой. Если на Украине и в Белоруссии на рубеже XVI—XVII веков церковнославянский язык и «проста мова» воспринимались как два разных языка, то в Московской Руси церковнославянский и русский осознавались как функциональные разновидности одного языка. Церковнославянский язык был объективно ближе к великорусскому языку, чем к «простой мове», и (субъективно) в целом лучше упрочен в великорусской книжности, чем в белорусско-украинской. Поэтому когда первые восточнославянские грамматики утвердили в качестве нормативного церковнославянский язык, то в указанных ареалах это имело различный социолингвистический смысл. В белорусско-украинской книжности происходил выбор между двумя языками: относительно чужим и своим, высоким и средним, традиционным и современным. В великорусской ситуации выбору подлежали разновидности своего языка, однако осознаваемые различия между ними в функциональном плане воспринимались более остро, чем различия между церковнославян-

ским и «простой мовой» в украинско-белорусском ареале. Дело в том, что прагматические (функционально-экспрессивные) различия между стилями одного языка воспринимаются говорящими более определенно, чем прагматические различия между языками в условиях двуязычия, когда на первом плане стоит не стилистический контраст, а проблема понимания. Поэтому в великорусской книжности оппозиция «церковнославянский-народный язык» означала выбор между высоким и низким, вечным и преходящим, сакральным и профанным.

Различия в кодифицируемых моделях выбора церковнославянского языка отчетливо сказались в двух изданиях грамматики Смотрицкого. Если евьевское издание 1619 года, обращаясь к «простой мове» в предисловии, толкованиях и в том числе в переводах из Библии, в сущности демонстрировало принципиальную возможность использования «простой мовы» в сфере не только книжной, но и конфессиональной, то в московском издании 1648 года народный язык исключается вообще и, таким образом, единственно возможным письменно-литературным языком признается церковнославянский.

2. В восточнославянской грамматической литературе XVI—XVII веков на основе отбора и грамматической систематизации «правильных» словоформ, синтаксических конструкций, орфограмм была осуществлена кодификация материально-языковых средств, составляющих грамматическую и орфографическую норму церковнославянского языка; были также сформулированы правила построения словоформ некоторых классов и ряд орфографических правил.

В рассматриваемой грамматической литературе норма церковнославянского языка кодифицирована, во-первых, в материале языка — объекте грамматик и статей и, во-вторых, в их метаязыке. В этно-языковом плане это был церковнославянский язык восточнославянского извода. При более детальной квалификации допустимо считать, что в части памятников представлен украинско-белорусский извод церковнославянского языка («Адельфотис», грамматика Зизания, 1-е изд. грамматики Смотрицкого), в то время как в другой части памятников — великорусский извод («Донат» Дм. Герасимова, грамматические сочинения Максима Грека, рукописные статьи, изданные И. В. Ягичем в «Рассуждениях южнославянской и русской старины о церковнославянском языке», 2-е изд. грамматики Смотрицкого). Языковые различия между грамматическими сочинениями, репрезентирующими указанные разные изводы, затрагивают все языковые уровни (при этом в наибольшей мере — акцентологический и фонетико-орфографический), однако значительнее всего эти различия сказались не в языке — объекте грамматик, но в их метаязыке (включая предисловия, посвящения, толкования и т. п., факты сознательного обращения к народному языку). В языке — объекте грамматик наиболее существенные различия между изводами определяются не интерференцией разных местных языковых образований и церковнославянского языка, но в первую очередь тем, что в грамматиках Зизания и Смотрицкого представлены более архаические церковнославянские явления, чем в «Донате» и в московском издании грамматики Смотрицкого.

Лингвистический анализ фактов языка-объекта позволил выявить следующие характерные черты кодификации церковнославянского языка в восточнославянских грамматиках XVI—XVII веков: 1) стремление кодифицировать наиболее традиционные формы; 2) сознательный отказ от диалектных и народно-разговорных форм, противостоящих традициям церковнославянской литературы; 3) терпимость к вариантности нормы; кодификация вариантов словоформ, синтаксических конструкций, в меньшей мере — орфограмм; 4) искусственность ряда нормативных решений (в формообразовании, в том числе под влиянием иноязычных моделей; искусственная семантическая дифференциация вариантов)¹.

Разумеется, в позициях первых кодификаторов церковнославянского языка есть противоречия: адресуя грамматики современникам, они опи-

рались на авторитеты прошлого; разрешая варианты, признавая законность аномалий, они вместе с тем искусственно «доставляли» и «выпрямляли» язык; отстаивая самобытность славянского языка в одном отношении, они эллинизировали его в другом. Однако все это не столько непоследовательностью, сколько закономерные, органичные для своего времени черты лингвистического мышления.

3. В грамматических сочинениях XVI—XVII веков были эксплицированы некоторые теоретические представления их авторов о «правильном», «должном» в церковнославянском языке; эти представления в известной мере отражали и пропагандировали «языковой идеал» говорящих. Общеизвестно, что «существование языкового идеала у говорящих — это главная отличительная черта литературного наречия с самого первого момента его возникновения, черта, в значительной мере создающая самое это наречие и поддерживающая его во все время его существования»². В ситуации выбора речевых вариантов, предпочитая одни формы («правильные») и отказываясь от других, говорящие стремятся следовать «языковому идеалу», что и делает их речь литературной (т. е. соответствующей норме). Эти представления о «правильном», «должном» или «красивом» в принципе могут быть не эксплицированы: они возникают из соотнесения определенных эталонных текстов и текстов ненормативных. Кодификация нормы в грамматике или словаре также может не сопровождаться экспликацией мотивов, определявших нормативный отбор языковых явлений. Но с течением времени такие разъяснения появляются. На известном уровне развития языкового самосознания в социуме замечания такого рода перерастают в программы (теории, проекты и т. п.) языкового нормирования. В восточнославянской традиции замечания и оценки, эксплицирующие ее «языковой идеал», встречаются в рукописных фонетико-орфографических статьях, в грамматике Зизания (главным образом в орфографии), в наибольшей мере — в грамматике Смотрицкого.

Укажем основные высказанные мотивы, определявшие рекомендации. 1) Древнейший и к XVII веку уже архаический мотив вероисповедной ортодоксальности характерен главным образом для орфографических сочинений: правильное написание богоугодно, неправильное — греховно, еретично, «соблазн душам» и т. п. 2) Авторитет традиции, искусных писателей, переводчиков. *Argumentum ipse dixit* («сам сказал») — один из сильнейших во всякой культуре и в особенности в средневековой; в истории литературных языков авторитетность источника того или иного варианта употребления — один из двух главных факторов, определяющих языковые нормы (наряду с массовостью распространения нормативных вариантов). Уже Константин Костенечский (начало XV века) призывал следовать орфографии «добрых и дивных мужей» (Кирилла и Мефодия) и «великого художника славенских писмен» (Евфимия Тырновского). Смотрицкий, не раз обращаясь к авторитету «древних преводник» и «искусных писателей», первым в традиции увидел антиномию авторитета и обычая (правил): «образ глаголения противу правил» может быть, однако узаконен «искусных писателей употреблением». 3) Следование авторитетному чуждому языку. Этот мотив также известен уже Константину Костенечскому: он определяет выбор аллографа в греческом заимствовании его оригинальным написанием; указанный принцип сохраняется в церковнославянских руководствах по орфографии. У Смотрицкого ссылки на греческий синтаксис служат защите некоторых сугубо книжных оборотов. 4) Гуманистический мотив очищения языка от чуждого иноязычного влияния. Его развивает Смотрицкий, отказываясь от некоторых синтаксических конструкций, возникших под греческим влиянием. Его аргументация нередко экспрессивна: «Неискуснее было нам свое славенска диалекта чистое свойство чуждаго нимала сему приличными свойству онечищати» и т. п. 5) Эстетическое обоснование предпочтения или отказа от тех или иных вариантов, иногда в сочетании с оценками уместности, соответствия и т. п. Обычная лексика

таких рекомендаций — *изряднее, лепотне, лепо, нелепо, вящшия энергия деля* и т. п. У Смотрицкого появляется мотив эвфонии: *благогласия деля*. 6) «Нрав», «обык», «свойство языка» — эти и подобные слова использует Смотрицкий, когда обращается к факторам, определяющим своеобразие языка. Можно думать, что именно крайне общий и имманентный характер этих сил затруднил их более развернутое определение в ранних грамматиках.

Было бы неоправданной модернизацией сводить эти разрозненные замечания грамматистов по поводу тех или иных нормативных решений в некоторую систему или программу. Нормативная позиция ранних грамматик более отчетливо и полно выступает не в обоснованиях кодификации, но в самом отборе языковых фактов, включаемых в грамматику. Вместе с тем эксплицитовать хотя бы некоторые мотивы языкового нормирования крайне важно для развития языкового самосознания социума. Благодаря своему логико-эстетическому, иногда этическому, вообще не лингвистическому, а общечеловеческому и оценочному характеру, такие декларации обычно привлекают повышенное внимание говорящих и в онтогенезе нередко являются первым толчком к рефлексии над языком. В этом их значение в истории и историографии лингвистической традиции.

В целом грамматическая литература XVI—XVII веков не только была отображением церковнославянского языка в его восточнославянских изводах, но и сыграла регламентирующую роль в книжно-письменной культуре восточного славянства. Трудно, однако, определить степень нормирующего воздействия рассматриваемых грамматик на языковую практику. С этим, в частности, связаны разногласия в оценках роли грамматики Смотрицкого. Большинство исследователей (В. И. Григорович, Н. А. Засадкевич, А. С. Будилович, П. И. Житецкий, Е. Ф. Карский, В. В. Виноградов, П. С. Кузнецов, В. Витковский, Г. А. Хабургаев, В. В. Нимчук) считает, что его кодификация не только закрепила сложившийся узус, но и оказала значительное регламентирующее воздействие на церковнославянскую книжность. Вместе с тем ряд исследователей, обращая внимание на искусственные, «фиктивные» формы в грамматике Смотрицкого, на «фантастический репертуар временных форм», на отступление от рекомендуемых форм в метаязыке самой грамматики, оценивает нормирующее влияние Смотрицкого более осторожно³.

Вопрос о степени такого воздействия сложен по ряду причин. Во-первых, языкознание вообще не располагает надежными данными о том, в какой мере нормативные грамматики и словари влияют на языковую практику. Мнения на этот счет расходятся. На одном полюсе царит глубокий пессимизм относительно самой возможности минимального влияния (младограмматизм и его современные последователи), на другом — несомненно преувеличенная оценка грамматики как силы, созидющей не только языковую практику, но и культуру⁴. Во-вторых, даже в теоретическом плане не ясно, как оценивать те расхождения, которые всегда имеются между предписаниями нормативных грамматик и языковой практикой, в том числе «литературной» (правильной) практикой. Можно ли считать одинаково весомыми расхождения, допустим, в ударении, выборе падежа и деепричастном обороте? Как учитывать различия в частотности явлений, относительно которых грамматика и практика не противоречат друг другу, и тех явлений, где они расходятся? Где проходят границы, которые определяют «сильную», «среднюю», «слабую» и «нулевую» корреляцию между грамматикой и практикой? К сожалению, ответов на эти вопросы пока нет.

Применительно к восточнославянской грамматической литературе XVI—XVII веков сложность вопроса связана еще и с особенностями функционирования церковнославянского языка (который не был родным ни для каких этнических или социальных групп восточнославянского населения). Интерференция церковнославянского и народных языков и диалектов приводила к размытости языкового узуса в сфере книжно-

письменной культуры. В средние века языковые нормы вообще не так определены, как в новое время,— это связано с преобладанием рукописной, а не печатной книги, с иным уровнем и иной массовостью школьного обучения, вообще с меньшей централизацией и регламентированностью общественно-языковой практики. Даже в лучших, наиболее выдержанных церковнославянских рукописях обычны варианты и колебания. Грамматика давала более четкую и сглаженную, но именно поэтому в чем-то искусственную картину. И все же в таком случае, по-видимому, трудно говорить о неадекватности грамматики по отношению к реальности. С другой стороны, книжные люди средневековья, Возрождения, отчасти Просвещения не боялись искусственных лингвистических предписаний и верили в нормирующую силу грамматики и словаря. Типичное для средневековья двуязычие, ограниченность сфер употребления книжно-литературного языка, преимущественно искусственный (школьный) характер овладения ученым языком — все это способствовало нормирующему воздействию грамматики на языковую практику. Неслучайно некоторые искусственные рекомендации церковнославянских орфографических руководств вошли в практику (например, дифференцированное употребление *о* и *ѡ*, *е* и *ѣ*, *и* и *і*, написания типа *всаа*, *единая* и т. п.). Следование искусственным или полуискусственным образцам церковнославянских руководств отмечено и в области грамматики: пропуск отрицания при сказуемом в конструкциях с отрицательным местоимением; утверждения с двумя отрицаниями; эллипсис определяемого имени в конструкциях с *иже*; конструкции *еже* + инфинитив; прилагательные ср. рода в значении отвлеченного существительного; именит. — винит. падеж прилагательного ср. рода мн. ч. в значении ед. ч.; «причастодетие» Смотрицкого (*писателно*, *читателно*) и нек. др. Вместе с тем наиболее искусственные формы церковнославянских грамматик не подтверждены практикой,— например, причастия и инфинитивы, образованные по аналогии с нестяженными формами имперфекта (*читаал*, *читаан*, *читаати* и т. п.); различие дат. и творит. падежа имени в дв. ч.; различие муж. и женск.-ср. рода в косвенных падежах числительного *два*; многие из сложных глагольных форм в грамматике Смотрицкого.

В целом грамматические сочинения XVI—XVII веков и в первую очередь печатные грамматики оказывали значительное нормативное, стабилизирующее воздействие на практику использования церковнославянского языка в восточнославянской культуре. По-видимому, реальная регламентирующая роль грамматических сочинений XVI—XVII веков была менее значительной, чем то воздействие, которое оказывает на языковую практику система нормативных грамматик современного литературного языка, однако авторитет, престиж старинных грамматик в своей культуре был исключительно высок.

¹ Подробнее см.: Мечковская Н. Б. Ранние восточнославянские грамматики.— Минск, 1984.

² Пешковский А. М. Объективная и нормативная точки зрения на язык // Звегинцев В. А. История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях.— М., 1965.— Ч. II.— С. 293.

³ См.: Булич С. К. Церковнославянские элементы в современном литературном и народном русском языке.— СПб., 1893.— Ч. I.— С. 405; Issatschenko A. Geschichte der russischen Sprache.— Heidelberg, 1980.— IV.— S. 259; Ремнева М. Л. О степени императивности нормы «Грамматики» М. Смотрицкого 1648 года // ИДВШ. Филологические науки.— 1983.— № 3.

⁴ См.: Ольховников Б. А. Теория языка и вид грамматического описания в истории языкознания.— М., 1985.— С. 28, 234, 238.

НАРЕЧИЯ, МОТИВИРОВАННЫЕ ПОЛНЫМИ ФОРМАМИ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ, В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

История морфологических (или словообразовательных) типов наречий, восходящих к полным формам прилагательных, не получила еще в лингвистической литературе достаточного освещения. Вместе с тем становление тех морфологических моделей, в соответствии с которыми происходило лексическое пополнение указанных морфологических типов, представляет значительный интерес в связи с изучением общих вопросов адвербиализации. Наречия, восходящие к полным формам прилагательных, в языке русских исторических памятников (как и в системе современного русского языка) составляют сравнительно немногочисленную группу, в которой выделяется несколько морфологических типов.

По материалам исследованных исторических памятников русского языка, к бесприставочному типу относится лишь одно наречие *конечное*, которое характеризуется широкой употребительностью и по морфемному составу связано с бесприставочной формой среднего рода. Это наречие выступает как обстоятельство образа действия в нескольких структурно-морфологических вариантах: *конечнее*, *кончее*, *кончая*, *коньячае* и отмечено в следующих значениях: а) «последний раз», например: Се уже третицею иде въ Царьградъ, нынѣ уже *конечное* поиде, и паки не приде на Русь, но тамо преставися (Сим. л., 1388, л. 274); б) «в конце концов, наконец», например: Здѣшной воевода чаяли мы что он давно поѣхал толко по ся мѣсть еще не пошел а сово дни *коньячае* хочет с обѣда итти (В-К, 1, 1638, 199); в) «в конце концов, напоследок» (единично): Тѣмъ и воскочиша первоначалници варварстии... И *конечнее* ухвощень бысть цар варварскими дланми (ПтЛ, 1083, 112).

Значения обстоятельства образа действия «наконец», «напоследок» ощутимо связаны с понятием временной характеристики действия. Из них первичным следует признать обстоятельственное значение «напоследок», которое в силу присущего ему временного оттенка даты действия может быть связано со значением потенциально возможного сочетания прилагательного *конечный* в значении «последний» и существительного *врѣмя* в форме винительного падежа * *конечное врѣмя* в функции обстоятельства. Это значит, что возникновение наречия *конечное* могло быть результатом лексико-семантической конденсации (или «свертывания») названного словосочетания в обстоятельственно-временной функции и последующей адвербиализации синтаксически изолированной формы прилагательного. Обстоятельственно-временное значение «в один из последних (в отношении последовательности) отрезков времени» легко сближалось с обстоятельственным значением образа действия «наконец», «напоследок», что и определило семантическую структуру этого наречия.

Обстоятельственное значение образа действия «последний раз» обусловливалось тем, что в сочетании с прилагательным *конечный* слово *врѣмя* могло выступать не только в значении «tempus», но и в значении «раз»¹.

Однако морфологическая модель наречной структуры, которая сложилась в результате адвербиализации бесприставочной полной формы прилагательного среднего рода, оказалась непродуктивной² и подверглась звуковым и графическим изменениям, с чем связано появление структурно-морфологических вариантов наречия, приведенных выше.

Широкой употребительностью в языке исторических памятников русского языка характеризуются приставочные наречия с пространственным значением *одесную*, *ошуюю* (известные также старославянским памятникам). По морфемному составу такие наречия восходят к конструкции винительного падежа с предлогом *о*, которой было присуще значение местопребывания одного предмета относительно другого³. Этому соответствует их наречное значение местоположения, например: И тѣгда видѣхъ и

яко съде одесноюю... и аныгла дховьнааго видѣхъ съдяща ошоуюю (Усп. сб., 94 г). В исследованных памятниках отражена соотносительная с такими наречиями предложно-падежная конструкция, в состав которой входило опорное существительное *страна* и прилагательное *десный*, в функции обстоятельства места: О десную его страну... стояще множество витязей венчаных (Ал., л. 42). На основе свертывания конструкций такого типа путем опущения существительного и возникли рассматриваемые наречия.

Особое место занимает наречие *олъвую*, которое употреблялось в функции обстоятельства места: О олъвую бо есть селезенка долга и тонка, имущи свою кровавицу простерту (Пал. толк., 123). Учитывая, что прилагательное *шюи*, характерное для наиболее ранних старославянских памятников, со временем вытеснялось прилагательным *лъвыи*⁴, а конструкции с винительным падежом места уже в дописьменный период испытывали существенные ограничения⁵, образование наречия *олъвую* скорее всего следует связывать с воздействием морфологической модели «о-+-ую».

Наиболее многочисленную группу наречий приставочного образования, мотивированных полными формами прилагательных, составляют наречия, которые объединены в морфологический тип «по-+-ому» и по морфемному составу соотносительны с конструкцией дательного падежа с предлогом *по*. Наречия такого образования выступают в функции обстоятельств основания⁶ и образа действия.

В функции обстоятельства основания в языке изученных памятников известно наречие этого морфологического типа *порусскому*, мотивированное прилагательным со значением этнического признака. Оно указывает на особый способ протекания таких действий, как говорение, называние, исчисление (такие глаголы могут быть опущены), например: Простыя земския люди, Черемиса нижняя, *по рускому* же чернь (Каз. лет. л. 67); Однорятка московская была... *по рускому* рублей в полтретьяцеть и больши (Соч. Авв., 74).

В изученных материалах широко представлены соотносительные с этим наречием атрибутивно-именные словосочетания с существительным *языкъ* в качестве опорного компонента, которые указывают на этнический признак как на основание таких действий, как действия называния, говорения или исчисления: Михаилъ же... стрегомъ бѣ хранителемъ дому царьскаго, папиа же нарицашеся той по греческому языку (Р. Хр., II, л. 137); Изочтоша времена и по Еврейски и по Гречески и по Латынски... по Русскому же языку в лета 7118 (Пов. о см. воев., 29).

Обстоятельственное значение таких конструкций, несомненно, связано со значением основания, присущим конструкции дательного падежа с предлогом *по*⁷. На базе этого обстоятельственного значения атрибутивно-именных конструкций формировалось значение обстоятельства основания у наречий, возникших в результате лексико-семантической конденсации словосочетаний с последующей адвербиализацией синтаксически изолированных форм прилагательных.

Наиболее значительную по степени распространенности и употребительности группу наречий этого морфологического типа составляют наречия образа действия, мотивированные прилагательными со значением временного признака *прежнии*, *старыи*, *давнии* — *попрежнему*, *постарому*, *подавному*: И общашася Нѣмцы паки *по прежнему* не приходити на Русь, дондеже солнце ходитъ в небеси (ПЛ-1, 1588, л. 695 об), и тобѣ давати дань и ямъ *по старому*, как еси давал отцу моему (ДДГВУК, 1428, 64), и стоявше немного днии и взяша миръ межи себе *по давному* (МЛС, 1408, л. 332 об).

Отличительной особенностью функционирования таких наречий является широкая соотносительность их в языке изученных памятников с атрибутивно-именными конструкциями, в составе которых прилагательные со значением временного признака выступают в качестве определений

существительных, обозначающих различного рода правила, установления, распоряжения: *слово, обычаи, миръ, указъ, окладъ, заводъ, советъ, рядъ, хотѣнье, dokonчанье* (среди них немало существительных отглагольного происхождения). В соответствии с лексическим значением имен существительных и грамматическим значением основания действия, присущим конструкции дательного падежа с предлогом *по*, атрибутивно-именные словосочетания выступают в функции обстоятельств основания, указывая, на основании чего совершается действие, например: *И упривися по прежнему миру, яко же было при отци его* (МЛС, 1220, л. 145 об), *и шедъ суду срядиша ся рядомъ по старому ряду* (Дв. гр. XV, 107), *докончалъ есмь с немци по давному dokonчанью како то dokonчали отци наши дѣди наши* (См. гр., 25). В процессе формирования наречий на базе этих обстоятельственных конструкций понятие основания действия обобщалось как понятие образа или способа его совершения, в связи с чем предметно-обстоятельный оттенок в значении наречий такого происхождения (еще осязаемый, например, в приведенном примере употребления наречия *попрежнему*) ослаблялся и утрачивался. В результате этого наречия рассматриваемого морфологического типа развивают качественно-обстоятельное значение образа действия, как, например, в следующем случае: *А послѣ она нива лежить в покою до лѣта... по котором времени отнавляют опять съяние попрежнему* (Назир., л. 188).

В группу наречий образа действия, генетически связанных с атрибутивно-именными конструкциями в функции обстоятельства основания, входят наречия, мотивированные полными формами относительных и притяжательных прилагательных: *Зовомъ же бѣше жданъ по мирскоу-оумоу. а въ хрещении никола* (Усп. сб., 21 б), *И наставшу мѣсяцу Марту по книжному день первый, а по лунному въ 15 днь* (ПтЛ, 1410, 212); *А полонъ ми галицкой отдати, а сыскати по крестному* (ДДГВУК, 1434, 88); *И тишину воздуха... дарова, по Пророческому, якоже рече: не до конца прогнѣвается... Господь* (Соф. II л., 1460, 183). Соотносительность наречий с такими атрибутивно-именными словосочетаниями в ряде случаев также отмечена в языке исследованных памятников: *А оу вас ми имати... по крестному целованью* (ДДГВУК, 1434, 88); *Взыде туча... совокупляяся облакы по аеру воздуха парящаго. по Пророческому словеси: сбирая яко въ мѣхъ воды морския* (Соф. II л., 1460, 183). Все это подтверждает наблюдения, свидетельствующие о развитии обстоятельного наречного значения образа действия на базе обстоятельного значения основания. Семантическая и структурная соотносительность наречий и атрибутивно-именных конструкций обуславливает отнесение таких наречий образа действия к ядру рассматриваемого морфологического типа, в которое входят наречные слова, возникшие путем адвербиализации предложно-падежных форм имени.

Однотипным по отношению к рассмотренным выше наречиям в семантическом, структурном и генетическом плане является наречие *по-боярскому*: *Чином, по-боярскому в коретах ездил* (Соч. Авв., 299). Хотя соотносительность его с обстоятельной атрибутивно-именной конструкцией в наших материалах не зафиксирована, контекст, в котором отмечено употребление этого наречия, позволяет думать, что и оно по происхождению также может быть отнесено к ядру морфологического типа наречий «по- + -ому». В пользу этого соображения свидетельствует способность прилагательного *боярский* к сочетанию со словами типа *обычаи, чинъ, рядъ* и под., образующими атрибутивно-именные конструкции с обстоятельным значением основания действия, а также употребление наречия в функции обстоятельства образа действия, семантически связанного с обстоятельством основания: понятие основания действия «в соответствии с обычаем бояр» сближается с понятием образа действия «по-боярски, как бояре». Вместе с тем в обстоятельном значении наречия ослабляется предметный оттенок и усиливается качественный.

В памятниках старорусского языка отмечены наречия этого морфологического типа, обладающие обстоятельственным значением образа действия, в котором семантическая связь с обстоятельственным значением основания действия не обнаруживается. Например: А уже заехано — ино было не *по объезному* спати: ты чаял, что в объезд приехал с собаками за зайцы (Посл. Ив. Гр., 193); А толко хлѣб здѣс стол дешевъ что имѣ болши половины у нево наложит будет и то имѣ *по праведному* учинитца, потому что они в таком невеликом дѣле неправду показывают (В-К, 1, 1627, 96), господи, не стану ходить, где *по-новому* поют (Соч. Авв., 89).

Показательно, что соответствующие прилагательные (выступающие в качестве мотивирующих по отношению к наречиям) не обнаруживают способности к сочетанию с существительными определенной семантики со значениями «обычай», «порядок», «распоряжение», а именно такая сочетаемость является условием выражения обстоятельственного значения основания действия. Поэтому неправомерно связывать возникновение таких наречий с функционированием обстоятельственных атрибутивно-именных конструкций. В подобных случаях следует признать образование наречий морфологическим путем, в соответствии с наречной словообразовательной моделью «по- + -ому», которой присуще значение образа действия (качественно-обстоятельное или предметно-обстоятельное).

Таким образом, в истории наречий, восходящих к полным формам прилагательных, наблюдается та же тенденция онаречивания синтаксически изолированных форм прилагательных в обстоятельственной функции и становления на их основе морфологических моделей наречного словообразования, которая установлена нами⁸ в области образования наречий, восходящих к кратким формам прилагательных и других родозменяемых слов.

¹ См.: Янович Е. И. Наречия с основой *перв-* в языке русской письменности XI—XVII вв // Веснік Беларускага ун-та. Сер. 4, філал., журн., пед., псіхал.— 1985.— № 2.— С. 37.

² К морфологическому типу, соответствующему этой модели, относится еще только одно наречие *первое*, возникшее также лексико-семантическим путем, т. е. в результате процесса адвербиализации (более подробно об этом см. в указанной выше работе автора).

³ См.: Ломтев Т. П. Очерки по историческому синтаксису русского языка.— М., 1956.— С. 293.

⁴ См.: Львов А. С. Очерки по лексике памятников старославянской письменности.— М., 1966.— С. 269.

⁵ См.: Ломтев Т. П. Указ. работа. С. 294; Вступ до порівняльно-історичного вивчення слов'янських мов.— Київ, 1966.— С. 468.

⁶ Обстоятельное значение основания действия заключается в указании на особенности ситуации, от которых зависит тот или иной способ протекания или результат действия.

⁷ См.: Ломтев Т. П. Указ. работа.— С. 390; Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. Простое предложение.— М., 1978.— С. 387.

⁸ См.: Янович Е. И. Наречие в истории русского языка.— Минск, 1978.

СОКРАЩЕНИЯ

Сим. л.— Симеоновская летопись // ПСРЛ.— СПб, 1913.— Т. 18.

В-К, I— Вести-Куранты 1600—1639 гг.— М., 1972.

ПтЛ— Патриаршая или Никоновская летопись // ПСРЛ.— М., 1965.— Т. 9—13.

Усп. сб.— Успенский сборник XII—XIII вв.— М., 1971.

Ал.— Александрия.— Л., 1966.

Пал. толк.— Палея толковая.— М., 1892.

Каз. лет.— История о Казанском царстве (Казанский летописец) // ПСРЛ.— СПб, 1903.— Т. 19.

Соч. Авв.— Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и др. сочинения.— М., 1960.

Р. Хр.— Русский Хронограф в редакции 1512 г. // ПСРЛ.— СПб, 1914.— Т. 22.— Ч. II.

Пов. о см. воев.— Повесть о смерти воеводы М. К. Скопина-Шуйского // Русская повесть XVII в.— М., 1954.

ПЛ-1— Псковская 1-ая летопись // Псковские летописи.— М.; Л., 1941.— Вып. 1.

ДДГВУК— Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.— М.; Л., 1950.

МЛС — Московский летописный свод 1479 или 1480 года // ПСРЛ.— М.; Л., 1949.— Т. 25.

Дв. гр. XV — Шахматов А. А. Исследование о двинских грамотах XV в. // Исследования по русскому языку.— СПб, 1903.— Т. II.— Вып. 3.— Ч. II.

См. гр.— Смоленские грамоты XIII—XIV вв.— М., 1963.

Назир.— Назиратель. Книга глаголема назиратель сиречь уряд домовных детьль.— М., 1973.

Соф. II л.— Софийская II летопись // ПСРЛ.— СПб, 1853.— Т. 6.

Посл. Ив. Гр.— Послания Ивана Грозного.— М.; Л., 1951.

С. М. ПРОХОРОВА

ХАРАКТЕРИСТИКА СИНТАКСИЧЕСКИХ ПОЛЕЙ НА УРОВНЕ ГИПОТАКСИСА В ГОВОРАХ СМОЛЕНЩИНЫ

Пограничные с Белоруссией говоры Смоленщины исторически сформировались как переходные русско-белорусские на всех языковых уровнях. Сложное предложение оформилось в рамках восточнославянского ареала. Больше всего диалектных отличий отмечено на уровне гипотаксиса.

В описываемых говорах 10 районов выработана тонкая и гибкая система выражения подчинительных отношений. Полицентричные, семантически сложные синтаксические поля¹ имеют определенный набор средств для выражения разных оттенков значений. Различные синтаксические поля (в зависимости от семантики) по-разному характеризуются с точки зрения замкнутости — незамкнутости, тем самым различным образом реализуя такое свойство языковой системы, как прерывность — непрерывность. Все поля сложноподчиненных предложений как бы располагаются по оси замкнутость — незамкнутость (от замкнутого поля уступительности до крайне открытых полей объекта, определения, времени и условия). При этом большое количество значений выражается с помощью значительно меньшего количества союзных средств (закон асимметрии знака С. Карцевского).

Многие союзы и союзные слова могут функционировать в составе нескольких полей — от двух до пяти. Исследователи синтаксиса иногда считают большое количество средств внутри одного поля недостатком, свидетельствующим о незаконченности формирования какого-либо типа придаточных предложений. Наш материал свидетельствует о другом — большое количество средств функционирует в полицентрическом поле, способном выразить множество оттенков отношений, имеющем, кроме центров, периферию. Одно средство (иногда два) выступает в замкнутых полях, имеющих только один центр. Предопределено это прежде всего семантикой, способностью выражать одно или больше синтаксических значений. Пересечение способствует тому, что одно и то же средство функционирует в составе нескольких полей.

Совершенно естественно, что больше всего средств связи функционирует в поле объекта, которое в сложноподчиненном предложении, как и в составе простого предложения, является наиболее сложным как в семантическом, так и в структурном отношении — на его периферии находятся, как и в простом предложении, переходные объектно-обстоятельственные поля. Поле объекта — незамкнутое поле, тесно связанное с обстоятельственными полями условия, цели, времени, места, а также с полем определения. Поле объекта полицентрично — основным центром является микрополе собственно объекта, кроме него, в центре находятся микрополя делиберативного объекта и объекта сравнения. Все три микрополя тесно связаны между собою союзными средствами. В микрополях собственно объекта и делиберативного объекта функционирует союз *что*: Яны увидили, *што* ён идеть; Систра скъзала, *што* заўтра паедить у Смалёнск.

В микрополе объекта сравнения функционируют союзные средства как // *як*, которые при глаголах с архисемой 'обращаться с целью получить ответ' употребляются в микрополе делиберативного объекта: Спра-

си, як // как ані живўть. При этих же глаголах в микрополе делиберативного объекта в качестве союзного средства функционирует *ти*: Их спрасіли, *ти* ни вїдїли ані дятїй.

В переходных объектно-обстоятельственных микрополях употребляются союзные средства, функционирующие в обстоятельственных полях, — *калі, каб* и т. п.: Я хачў, *кап* ты пайшоў туды; Скажаш, *калі* па́деш у Смалёнск. Выбор средства зависит от семантики конструкции в целом.

Семантическая сложность и неоднородность поля объекта настолько велика, что в синтаксической литературе очень часто придаточные предложения со значением объекта классифицируют по-разному — как изъяснительные, дополнительные, отдельно рассматривают сравнительные, косвенную и прямую речь. Эти предложения — один из наиболее древних типов конструкций, способствующих развертыванию текста на участке поля объекта. Исследователи считают, что дополнительные (изъяснительные) предложения могли сформироваться еще в дописьменный период, а развитие этого типа предложений представляет собою эволюцию выражения объектных отношений в целом².

На втором месте по количеству союзных средств находится поле определения, являющееся также полицентричным. На его периферии находятся как объектно-определительные, так и обстоятельственно-определительные переходные микрополя.

В центре поля определения находится собственно определительное микрополе, в котором чаще всего функционируют союзные слова *катóры, які, які́й, які́й, які́й*: То быў Лёнька, *катóры* // *які́й* са Смаленску. *Які, які́й, які́й* широко функционируют в Монастырщинском, Хиславичском и Шумячском районах. В центре же поля находятся и семантически маркированные конструкции с *чы́й* (реже *чей*): А ё́та лю́ди, *чы́й* ха́ты.

В переходном определительно-объектном микрополе употребляется союзное средство *чо́*: Хачў сье́сть сўпу, *што* ты ва́рїш; Ё́та Мїшка, *што* прїехаў са Смалёнску.

В переходных определительно-обстоятельственных микрополях в зависимости от семантики конструкции функционируют *де, каб, кали*, обычно употребляющиеся в обстоятельственных полях: У до́ме, *де* канто́ра стаїть, дёлгли спикта́кли; Он нїзна́чыў день, *калі* яні́ бўдуць жа́нїца.

Поле определения — также незамкнутое, пересекающееся как с полем объекта, так и с обстоятельственными полями времени, места, условия и цели.

Из обстоятельственных полей, которые в сложном предложении, как и в составе простого предложения, являются как бы логическим продолжением поля объекта, больше всего союзных средств имеют полицентричные поля времени и условия. Эти поля часто пересекаются. На тесную связь временных и условных отношений обратил внимание академик В. В. Виноградов. Он писал: «От временных союзов легок переход к условным. Временные отношения частично совпадают в русском языке с условными»³. Следует отметить, что в русском литературном языке (в частности в КЛЯ) разделение этих полей более четкое, нежели в говорах Смоленщины.

В полицентричном поле времени в говорах Смоленщины чаще всего функционируют союзы *как // як*: *Как // як* бы́ла у Шумя́чах, ха́дїла да Стёпы свайўо́. Кроме *как // як*, в поле времени активно функционируют союзы *калі, ка́да, ко́гда*: *Калі* ё́н дэбра́лся да до́му, бы́ло ужо́ тїмно́; *Кэ́да* (реже *кэ́да*) развїднїть, пойдим у лес.

Для выражения предела в поле времени распространенным является союз *пакўль* (реже *пакўля*): *Пакўль* ё́н прїедїть, мы сходїм туды́. *Пакўль* (*пакўля*) употребляется параллельно с *пакўда* (*пакўдава*) и *пока́*. В Монастырщинском районе наряду с *пакўда* в единичных микросистемах функционирует *дакўля*: *Дакўля // пакўда* сїла бы́ла, я ха́дїла у по́ле.

В переходном условно-временном поле в качестве союзных средств функционируют *калі, када, когд́а*: *Калі* он придёт, скажыш мне; *Кгда* мьладь́я былі, плісáли мно́га.

В синтаксическом поле условия чаще всего используется союз *каб* (наряду с *када́б, як бы, ка́бы, калі, як // как, ёсли, ёсли б*), т. е. набор союзных средств в этом поле очень большой: *Кап* ни ты, я бы даўно́ ужó была́ до́ма; *Если // як бы // кгда́п* цэ́рква стаіть, *то* сяло́; *Как* ни було́ бы вайны́, добра́ жы́ли. Очевидно, такое большое количество союзных средств в поле условия связано с его сравнительно поздним и сложным формированием не только в говорах, но и в литературном языке. Исследователи считают, что «предложения, выражающие ирреальное или потенциальное условие, впервые появляются в старорусских памятниках XVII века»⁴.

Сформировалось в исследуемых говорах и причинно-условное переходное поле, в котором в качестве средства связи чаще выступает *как // як... то*: *Як* у яуб́ пьрасёнак, *то* он бьу́ат, а также переходное условно-целевое поле, в котором в качестве средства связи чаще всего употребляется *каб*: *До́бра* ста́ла жыть, *кап* то́льки вайны́ ни было́; *кап* вам па́жыть т́иха (второе *каб* — чисто целевое).

Можно уверенно утверждать, что поле условия в наибольшей степени характеризуется открытостью, а на его периферии формируется целый ряд переходных конструкций, что и способствовало образованию в говорах Смоленщины трех переходных обстоятельственных полей — причинно-условного, условно-целевого и условно-временного.

В синтаксическом поле причины (относительно закрытом) в качестве союзных средств функционируют русский союз *потому́ что*, белорусский *тамú што* и общеславянский *бо*: Так было́ *патаму́ што // тамú што* на саўхо́зи жыла́; Ни пьйшла́ туды́, *бо* балéла.

В синтаксическом поле цели функционируют два союза — *каб* и *чтоб (чтобы)*: Буть здаро́ва, *кап* жыть ра́дсьна было́; *Што́бы // штоп* ни ўня́ть ко́ний, й́х астьу́ляють на по́ли.

Синтаксическое поле локативности в нашем материале представлено небольшим количеством примеров. Поле локативности полицентрично. В микрополе места совершения действия в качестве союзных слов функционируют *иде́, де́ уде́*: *А иде́* цэ́ркьу́ не стьй́ть, *тут* дяре́ўня. Чаще всего, как и в приведенном примере, здесь используются местоименно-соотносительные конструкции. В микрополе направления движения также часто функционируют местоименно-соотносительные конструкции с союзными словами *куды́ // куда́, атку́ль* и *атку́дава*: *Ён шоў атту́дэва, атку́дэва* и брат. Микрополе направления движения пересекается с полем объекта, а микрополе места совершения действия — с полем определения.

Что касается поля уступительности, то здесь, как и в литературном языке, употребляется только одно союзное средство — *хоть, хотя́*, которое, по мнению исследователей, очень часто встречается и в текстах разговорной речи. Союзы *хотя, хоть*, унаследованные от древнерусского языка, являются единственным средством, функционирующим в поле уступительности: *Хоть* вы приéхли з Мінску, а хэрашо́ пь-на́шему ўва́рыте.

Как и в русском литературном языке, в описываемых говорах поле уступительности является наиболее замкнутым, имеющим только одно союзное средство и один центр. В отличие от полей причины и цели, тоже имеющих один центр, поле уступительности практически не имеет периферии, так как является замкнутым (а в системе языка выявляет такое качество, как прерывность).

¹ См.: Салькова Д. А. Синтаксические поля и семантическое моделирование на базе значений немецких придаточных предложений.— Л., 1983.

² См.: Структура предложения в истории восточнославянских языков.— М., 1983.— С. 269.

³ Виноградов В. В. Русский язык.— М., 1947.— С. 720.

⁴ Стеценко А. Н. Исторический синтаксис русского языка.— М., 1972.— С. 238.

ЭТНИЧЕСКИЕ ИМЕНА В ТОПОНИМИИ БЕЛОРУССИИ

Среди географических названий Белоруссии особое место занимают те, которые заключают в себе непосредственное отражение этнических имен или благодаря случайным созвучиям кажутся принадлежащими к этой категории.

Этнотопонимы ввиду чрезвычайно сильной обусловленности внеязыковыми факторами представляют собой специфическую группу географических имен. Принято считать, что этнические местные названия возникают на стыках и границах этнических групп, на иноплеменной или инонациональной территории, подчеркивая отличие жителей данного селения от окружающего коренного населения.¹ Благодаря такой особенности этнотопонимы, как ни одна другая группа географических названий, являются важным вспомогательным историческим источником. Вместе с тем в литературе справедливо отмечалась необходимость осторожного отношения к значению этнических географических имен при обосновании соображений о былом территориальном расселении того или другого народа.² Этого требуют, прежде всего, наряду с другими причинами, отсутствие точных критериев разграничения действительно этнических и псевдоэтнических географических названий и недостаточная определенность принципов номинации в этой группе топонимов.

Подтверждением сказанному является имеющее давнюю историю изучение топонимов с основой *рад-* в связи с проблемой происхождения радимичей. Радимичские древности в Посожье, как известно, появились с IX века, однако до сих пор неизвестны обстоятельства возникновения радимичской курганной культуры (миграция извне, с соседних земель, или какие-либо другие причины).

Критический анализ различных точек зрения по данной проблеме осуществлен Г. Ф. Соловьевой, впервые верно поставившей вопрос о том, правомерно ли каждое название с корнем *рад-* связывать с этнонимом *радимици*.³

Во всем комплексе проблем, связанных с происхождением радимичей, следует, на наш взгляд, выделить два аспекта, которые в ряде лингвистических и археологических работ не различаются. Первый — собственно исторический, археологический. «Археология пока не располагает данными для решения вопроса о месте, из которого расселились радимици».⁴ Второй аспект — языковой (топонимический и этнонимический). Рассмотрение данного аспекта, которому и посвящена настоящая статья, предполагает положительный или отрицательный ответ на следующие вопросы: возможность определения значения этнонима *радимици* и топонимов с основой *рад-*; установление действительного отношения топонимов с основой *рад-* к этнониму, а в случае положительного ответа на данный вопрос — возможность определения направления мотивации (этноним → топоним или топоним → этноним).

На трактовку этимологии этнонима *радимици* наложило отпечаток древнее патронимическое значение общеславянского форманта *-ичи* (* *itj-*) и его дальнейшее распространение в антропонимии. Многие авторы не сомневаются в происхождении названия *радимици* от имени легендарного вождя-прародителя Радима.⁵ Вместе с тем, как справедливо отмечает Г. Ф. Ковалев⁶, если поставить рядом с радимичами дреговичей, суличей, уличей или ободричей, названия которых никогда не были связаны с антропонимами, то выясняется, что и в первом возможна иная трактовка значения как корня, так и форманта *-ичи*. Этноним — факт социальный. Имя родоначальника или вождя могло стать основой наименования его потомков только при родовом строе.⁷ Но в VIII—X веках, и даже в более раннее время, родового, первобытнообщинного строя у восточных славян уже не было. Поэтому патронимическое значение этнонима *радимици* можно подвергнуть сомнению. В данном случае, по всей

видимости, мы сталкиваемся с обычным персонифицирующим мифом, плодом фантазии древнерусских летописцев, строго следовавших канонам историко-художественных произведений, когда «ставший непонятым этноним рождает имя легендарного предка».⁸

Тем не менее можно установить исходную структуру и первоначальное значение интересующего нас этнонима, опираясь на данные топонимики, прежде всего, исторических областей радимичей и прилегающих территорий.

У славянских народов в древности (в частности, у западных славян) действительно был известен антропоним Радим, который лег в основу многих названий населенных пунктов в Повисленье. Г. Ф. Соловьева документально доказывает происхождение ряда топонимов типа Radomín, Radomice, Radzymin от имени реального лица (Радима), не имеющего никакого отношения к радимичам.⁹ В Белоруссии среди названий населенных пунктов, по данным топонимических источников,¹⁰ по существу нет таких, которые были бы образованы от антропонима Радим.

Ряд названий населенных пунктов БССР, в разное время привлекавшихся для решения проблемы происхождения радимичей, относится к посессивному отантропонимическому типу и с радимичами не связан: Радеева (Буда-Кошелевский р-н Гомельской обл.), Радилев (Краснопольский р-н Могилевской обл.), Радьков (Быховский р-н Могилевской обл.), Радин (Хойникский р-н Гомельской обл.), Радёвцы (Молодечненский р-н Минской обл.), Радёвичи (Гродненский р-н), Радошкóвичи (Молодечненский р-н Минской обл.), Радивóнишки (Лидский р-н Гродненской обл.), Радюкí (Новогрудский р-н Гродненской обл., Шарковщинский р-н Витебской обл.), Радúтичи (Осиповичский р-н Могилевской обл., Борисовский р-н Минской обл.), Радчёнки (Городокский р-н Витебской обл.).

Поскольку каждое название лежит на пересечении рядов, образуемых названиями с одинаковой основой и названиями с одинаковым формантом¹¹, в следующих названиях населенных пунктов Белоруссии правомерно выделить корень *рад-*: Радунь — Вороновский, Кореличский р-ны Гродненской обл. (ср. Дрет-унь, Баб-ун-ичи); Радеж — Малоритский р-н Брестской обл. (ср. Тон-еж, Черт-еж); Радупля — Мядельский р-н Минской обл. (ср. Индр-уп-ка); Радецк — Пружанский р-н Брестской обл. (ср. Дуб-ецк-ое); Радогощ(а) — Ивановский р-н Брестской обл., Новогрудский р-н Гродненской обл. (ср. Сем-и-гост-ичи); Радница — Крупский р-н Минской обл. (ср. Бел-ица, Глуш-ица); Радута — Поставский р-н Витебской обл., Гродненский р-н (ср. Вел-ута); Радиня — Шумилинский р-н Витебской обл. (ср. Дорог-иня, Хат-ынь); Радостово — Дрогичинский р-н Брестской обл. (ср. Ставы, Ставици); Радость — Каменецкий р-н Брестской обл. (ср. Добр-ость, Смол-ость); Радуша — Жлобинский р-н Гомельской обл. (ср. Люб-уш-аны); Радюши — Островецкий р-н Гродненской обл. (допускаем и отантропонимическое происхождение этого топонима); Радощи — Лунинецкий р-н Брестской обл. (по всей видимости, из Рад-г-ощи, такую же структуру можно предполагать и для названий Радость из Рад-г-ость, Радостово из Рад-г-остово; ср. Радогощ-а); Радомля — Наровлянский р-н Гомельской обл., Чаусский р-н Могилевской обл.; Радовня — Ивановский р-н Брестской обл. (взаимозаменяемость формантов -ом-ля // -ов-ня может быть объяснена распространенной меной губных, в том числе и в // м в топонимии БССР и в белорусских говорах; ср. гидронимы Тóвба — Тóмба — басс. Днепра, Ипуть — Ивоть — басс. Сожа, Понёмель — Понéбель — Поневéйка — басс. Днепра и Сожа).

Перечисленные названия населенных пунктов содержат в своей структуре древние топоформанты (-еж, -унь, -инь-я, -уша, -уп-ля, -ута), непродуктивные в современную эпоху, за исключением, пожалуй, деминутивных (уменьшительных) суффиксов -ица, -ецк.¹²

Определение белорусских топонимов с корнем *рад-* позволяет проводить исторические параллели.

В центре полабско-балтийской славянской области на нижнем Одере с VIII века существовал мощный союз лютичей-велетов, в состав которого входило племя ратарей.¹³ На долю велетов выпало наиболее стойкое сопротивление немецкому наступлению на славянские земли. В источниках велеты характеризуются как «славные храбростью». Центром ратарей был известный и очень древний город Ридегост — Ретра, центр идолослужения и почитания бога Радогоста. Название этого города соответствует названиям упоминавшихся белорусских населенных пунктов (Радогощ-а и др.) и топонимам типа Радошь, Радогость и т. п., распространенным по всей восточнославянской территории.¹⁴ Этноним *велеты* косвенно отражен в белорусском слове *волат* — «богатырь», «великан» и в белорусских диалектных словах *валаток*, *валочка*, *валатюка* — «курган»¹⁵ (ср. названия населенных пунктов БССР: Волотынь — Берестовицкий р-н Гродненской обл., Волаты — Слуцкий р-н Минской обл., Волотовá — Гомельский р-н).

Переключка этих языковых фактов говорит о несомненных связях древнего славянского населения полабско-балтийского ареала, Повисленья и современной Белоруссии. И хотя семантика корня *рад-*¹⁶ по-прежнему остается неясной, наличие теонима Радогост помогает предположить, что этот корень обозначал какое-то важное религиозное понятие. Может быть, здесь есть определенная связь с самым загадочным и наименее изученным из всех славянских божеств, каким является Род, — «всеобъемлющее божество Вселенной со всеми ее мирами: верхним, небесным, откуда идет дождь и летят молнии, средним миром природы и нижним с его «огненным родством.»¹⁷

Этноним *радимичи* также мог возникнуть в данном аспекте мироощущения и мировосприятия, что подтверждает как-будто суффикс *-ичи* с его предполагаемым патронимическим значением, указывающим на общее происхождение от лица, обозначенного в топооснове (Рад=Род?).¹⁸

Таким образом, связь топонимов Белоруссии с корнем *рад-* и этнонима *радимичи* является возможной, при этом возникновение этих собственных имен могло осуществляться вполне самостоятельно, независимо друг от друга, так как мотивировалось общим представлением славянского населения об окружающем мире. Такая интерпретация проблемы не опровергает и не подтверждает летописную легенду о «ляшском» (западнославянском) происхождении радимичей, поскольку не очерчивает конкретных пространственных и временных рамок возникновения этнонима. Тем не менее изложенные обстоятельства подтверждают существование глубоких исторических связей славянских народов.

В проблеме происхождения этнонима *радимичи* есть еще один аспект, который не может не приниматься во внимание. Речь идет о многочисленных гидронимах с корнем *рад-* в Верхнем Поднепровье, в том числе и на территории Белоруссии. Обращают на себя внимание варианты имен и фонетическое варьирование одноименных названий водных объектов: Радучка — басс. Сожа; Радо́мка — басс. Десны; Ра́томка — басс. Березины; Ра́товка — басс. Сожа; Родимка — басс. Сожа; Радохочка — басс. Припяти; Ра́дча, вар. Родча — басс. Припяти; Ра́дча, вар. Ра́ча — басс. Днепра; Ра́дча — оз. в Мозырском р-не; Ра́дчинка — басс. Десны; Ра́тча — басс. Днепра; Ра́тец, вар. Ра́тень, Ра́тен — басс. Сейма; Ра́тка — басс. Сожа; Родича, вар. Рди́ца, Орди́ца — басс. Днепра; Раде́я, вар. Руде́я — басс. Днепра и Сожа; Руде́я, вар. Ру́денка — басс. Сожа; Ру́денка — басс. Днепра; Нера́товка, вар. Рудя́нка — басс. Березины, Припяти; Рудомка — басс. Днепра; Рудомб́йка — басс. Днепра и Сожа; Рудомья́ — басс. Десны; Ру́дка, вар. Иржа́вец — басс. Десны.

Как видно из данного списка гидронимов, фонетическое изменение корня осуществляется в следующих основных вариантах: *рад-*, *род-*, *руд-*, *рат-*, *рд-*. Гидронимы с корнем *рат-*, *рет-*, *руд-* в бассейне Днепра, Десны и Сейма В. Н. Топоров, О. Н. Трубачев и А. С. Сtryжак считают по происхождению иранскими.¹⁹ В работах последних лет распространение этих речных имен сопоставляется с ареалами археологических культур, носи-

тели которых, предположительно, были ираноязычны.²⁰ Рассматриваемые речные имена на территории Белоруссии могли образоваться и на славянской почве, на основе тех апеллятивов, которые с древних времен являлись общим наследием ряда языков Восточной Европы (напр.: *рада* — «болото», иран. *gautah* — «река», приводимые Э. М. Мурзаевым,²¹ тем более, что носители иранских археологических культур (срубной и андроновской) на территорию Белоруссии не заходили).

Белорусские гидронимы с корнем *рад-* (*род-, руд-, рат-*) являются небольшими реками, нередко заболоченными, ручьями и старицами. Все они расположены в лесной, влажной и болотистой местности. Примечательно, что ареал этих гидронимов как бы очерчивает границы распространения радимичских древностей, хотя интересующих нас речных названий много как внутри этих границ (Посожье), так и за их пределами (бассейны Березины и Припяти).

В относительно замкнутых ареалах, при сходных географических условиях и одинаковых хозяйственно-культурных типах, возникают одинаковые по семантике и структуре этнические имена.²² Поречье Днепра было пограничьем радимичей с дреговичами. Дреговичи, жившие в лесах и болотах поречья Припяти, дословно — «жители болотистой территории». Может быть, и название *радимици* объясняется подобным образом.

Такой интерпретации проблемы не противоречит наличие в топонимии БССР названий населенных пунктов с корнем *рад-*. Из 14 названий с этим корнем только два (*Ра́душа* и *Ра́домля*) располагаются рядом с древним ареалом радимичей (Жлобинский и Наровлянский р-ны Гомельской обл.), остальные находятся на тех территориях, где радимичские древности не выявлены. Название н. п. *Ра́дчиск* (Столинский р-н Брестской обл.), по всей видимости, соотносится с гидронимами типа *Ра́дча*. Все это подтверждает наше предположение, что названия населенных пунктов Белоруссии с корнем *рад-* и этноним *радимици* возникли независимо друг от друга. Возникновение этнонима относится ко времени освоения восточнославянскими племенами левобережья Днепра вверх по течению Сожа, Ипути и Беседи (с IX века). Этноним был мотивирован характерными особенностями природной среды (леса, обилие рек, болот). Остается неясным, был ли известен расселявшимся славянским группировкам «речной» корнеслов *рад-* или он был усвоен в результате контактов с местным населением. Радимичская культура сложилась в результате синтеза культуры славян-пришельцев с культурой предшествовавшего населения. Что представляло собой это коренное население с этноязыковой точки зрения, откуда двигались переселявшиеся славяне, наконец, чей вклад в культуру будущих радимичей больше, — на эти вопросы пока еще нет однозначных ответов.

¹ См.: Гринблат М. Я. Этнонимическая топонимия и антропонимия Белоруссии // Всесоюзная конференция по топонимике СССР. Тезисы докладов и сообщений. — Л., 1965. — С. 80; Охманьский Е. Иноземные поселения в Литве XIII—XIV вв. в свете этнонимических местных названий // Балто-славянские исследования. — М., 1981. — С. 113.

² См.: Попов А. И. Следы времен минувших. — Л., 1981. — С. 94.

³ См.: Соловьева Г. Ф. К вопросу о приходе радимичей на Русь // Славяне и Русь. — М., 1968.

⁴ Седов В. В. Восточные славяне в VI—XIII вв. — М., 1982. — С. 157.

⁵ См.: Попов А. И. Названия народов СССР (Введение в этнонимистику). — Л., 1973. — С. 40; Соловьева Г. Ф. К вопросу о приходе радимичей на Русь. — С. 354.

⁶ См.: Ковалев Г. Ф. История русских этнических названий. — Воронеж, 1982. — С. 37.

⁷ См.: Чеснов Я. В. О социальной мотивированности древних этнонимов // Этнонимы. — М., 1970. — С. 47.

⁸ Никонов В. А. Этнонимия // Этнонимы. — С. 19.

⁹ См.: Соловьева Г. Ф. К вопросу о приходе радимичей на Русь. — С. 353.

¹⁰ В качестве источников фактического материала нами использованы словари Е. Н. Рапановича (Слоўнік назваў населеных пунктаў Віцебскай вобласці. — Мінск, 1977; Слоўнік назваў населеных пунктаў Гродзенскай вобласці. — Мінск, 1979; Слоўнік назваў населеных пунктаў Брэсцкай вобласці. — Мінск, 1980; Слоўнік назваў населеных пунктаў Мінскай вобласці. — Мінск, 1981; Слоўнік назваў населеных пунктаў

Магілёўскай вобласці.— Мінск, 1983) и «Краткий топонимический словарь Белоруссии» В. А. Жучкевича (Мінск, 1974).

¹¹ См.: Никонов В. А. Закон ряда в географических названиях // *Onomastica*.— 1958.— IV.— 1.

¹² В гидронимии БССР формант -унь представлен всего пятью названиями, формант -инь-я — восемь; нерегулярно, нечасто встречаются также форманты -уша, -ежа, -ута, -овня; суффикса -ецк в речных названиях нет. С другой стороны, в Белоруссии много рек, названия которых включают форманты -ля, -ица. См.: Топоров В. Н., Трубачев О. Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья.— М., 1962.

¹³ См.: Державин Н. С. Славяне в древности.— М., 1946.— С. 31.

¹⁴ См.: Нерознак В. П. Названия древнерусских городов.— М., 1983.— С. 145.

¹⁵ По народным представлениям, в древних курганах захоронены богатыри, великаны.

¹⁶ Этот корень наличествует также в славянских антропонимах Радомысл, Радослав, Радим.

¹⁷ Рыбаков Б. А. Язычество древних славян.— М., 1981.— С. 453.

¹⁸ Допустима вероятность определенной «переделки» этнонима *радимичи* древнерусскими хронистами, «этимологизировавшими» его от имени Радим.

¹⁹ См.: Топоров В. Н., Трубачев О. Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья; Стрижак О. С. Назви річок Полтавщини.— Київ, 1963.

²⁰ См.: Членова Н. Л. О времени появления ираноязычного населения в Северном Причерноморье // *Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья*.— М., 1984.

²¹ См.: Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов.— М., 1984.

²² См.: Чеснов Я. В. О социальной мотивированности древних этнонимов.— С. 49.

С. В. МАХОНЬ

ВИДЫ ЛЕКСИЧЕСКОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ В АУТОПЕРЕВОДАХ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ

Многоплановый интерес вызывают переводы белорусской художественной литературы на русский язык. С лингвистической точки зрения они имеют ряд особенностей, которые отличают их от языка произведений писателей, живущих в БССР, но пишущих на русском языке, а также от языка произведений русских писателей. Перевод художественного произведения выполняется чаще всего для читателей, не владеющих белорусским языком, живущих в БССР и за ее пределами.

Среди переводов художественной прозы особый интерес представляют переводы, выполненные авторами (автопереводы). Как и переводчик, автор в данном случае двуязычен, однако для него белорусский язык является родным. В построенном на белорусском материале произведении героями, как правило, являются двуязычные жители республики. Поэтому анализ языковых явлений произведения будет способствовать установлению некоторых особенностей и закономерностей взаимодействия и взаимовлияния двух языковых систем — русской и белорусской, а также установлению некоторых характерных черт белорусско-русской интерференции.

Материалом для наблюдений автора статьи послужили автопереводы произведений В. Быкова, П. Мисько, Е. Кобец-Филимоновой, А. Карпука, В. Карпова, И. Мележа¹.

Определение интерференции как лингвистического явления можно свести к следующему: это «неосознанное, бесконтрольное использование при построении текстов на одном языке элементов другого языкового устройства»². Поэтому далеко не все вкрапления белорусского языка в текстах переводов можно считать проявлением интерференции. Так, не стоит считать интерференцией речь персонажей, если эта речь построена по правилам белорусского языка и состоит из белорусских слов. Герои повестей В. Быкова «Пойти и не вернуться» и «Волчья стая» перевозчик-связной Бормотухин и ездовой партизанского отряда Грибоед говорят по-белорусски. И если в речи остальных персонажей встречаются отдельные белорусские слова, то речь Бормотухина и Грибоеда полностью построена из белорусских лексем: [Грибоед]: *Чакай, чакай! Ходи сюды!*

Ну во! Бачыли? Там она собирала что-то. Зёлки какие или что (Волчья стая, с. 58); Не, хлеба нема, а посолить трохи буде. Ощажать треба. Хай поспить, ёй теперь треба. Боюсь, голову напяче (Волчья стая, с. 63); [Бормотухин]: Будто не ведала, нашто за Неман ходють. Абы варочалися. Во! Так все гаворать. Тольки не все варочаюцца. В няделю перевозил шастярых, два раза лодку ганяв. А учора вяртаюцца трое. И то один нежывы. Убитый (Пойти и не вернуться, с. 175).

В повести-были А. Карпюка «Вершалинский рай» белорусские лексемы приводятся как образцы незнакомой местным жителям речи: *К церкви подходила компания юношей и девушек и удивлялась говору теток из-под Новогрудка. Употребляли какие-то смешные слова: «н я ў жо», «н е ш т а», «г э н ы», «с ё н н я»...* (с. 120).

Среди довольно обширной группы белорусизмов можно выделить в отдельный разряд слова — наименования реалий. Болгарские исследователи С. Влахов и С. Флорин определяют их как «слова (и словосочетания), характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития) одного народа и чуждые другому»³. Генетическая общность белорусского и русского народов, тесные контакты, близость материальной и духовной культур предопределили сравнительно небольшой объем данного разряда лексики. К нему относятся следующие слова, употребленные в переводных текстах: *варивня, житник, затирка, местечко, обора, преснак, трасянка, цукровка*.

Из перечисленных в «Словаре русского языка в 4-х томах» отмечено только слово *местечко* в значении 'большое селение городского типа на Украине, в Белоруссии и близких им областях'. Таким образом, уже в толковании слова имеется указание на некоторую ограниченность употребления в связи с местной принадлежностью референта. Это позволяет с полной уверенностью отнести слово *местечко* к разряду местных реалий. В переводах употреблены производные от *местечко*: *местечковый люд, местечковые* улицы, а также *местечковцы* — для обозначения жителей местечка. В «Тлумачальным слоўніку беларускай мовы» находим указание на ограниченность в связи с исторической принадлежностью референта: в словарной статье имеется помета «устарелое», а слово объясняется как 'вялікае сяло з некаторымі прыкметамі горада'. На ограниченность указывают и употребления лексемы в тематическом ряду «населенные пункты» в романе А. Карпюка «Вершалинский рай», действие которого происходит в начале века: *Сектанты соседней Пинщины с духовым оркестром обходили хутора, местечки, рабочие посёлки* (с. 202), *Скоро кончилась в городах и местечках вольница* (с. 20).

Названия реалий могут оказаться в числе слов ограниченного употребления, в первую очередь — диалектизм. Слово *варивня* в ТСБМ имеет помету «областное», а значение его раскрывается как 'невялікі будынак для захавання бульбы, агародніны; стопка' (ТСБМ, I, 466). Остальные слова (*трасянка* — 'стрэсенае сена з саломай, якое ідзе на корм жывёле', ТСБМ, V, 515, *обора* — 'вялікае памяшканне для жывёлы; кароўнік', ТСБМ, I, 68; *затирка* — 'рэдкая страва з дробных мучных камячкоў, згатаваных на вадзе або малацэ', ТСБМ, II, 412; *преснак* — 'тоўсты блін з прэснага цеста', ТСБМ, IV, 368) даются без каких-либо ограничительных или запретительных помет. Как видно, к реалиям отнесены слова, называющие предметы быта народа — наименования пищи, строений, предметов сельского хозяйства.

Лексема *житник* в значении 'сорт яблук' вообще не зафиксирована в ТСБМ; это слово является местным названием для определенного сорта яблук. Автор в переводе употребляет его как языковую черту местности, где происходят события повести; учитывая узкую локальность слова, он берет его в кавычки: *Лежала гора яблук — «ж и т н и к о в»* (Земля у нас такая, с. 204). Одним из условий, позволяющим использовать данное слово в переводе, является его прозрачная внутренняя форма.

В рассматриваемых переводах реалии, как правило, объясняются в

тексте. Например: *Похоже, в самом деле это была старинная хуторская обора — длинное, сложенное из валунов и булыжника помещение для скота* (Пойти и не вернуться, с. 187).

В наиболее значительную по объему группу лексических белорусизмов входят общенародные, общеупотребительные слова, распространенные в белорусском литературном языке и в белорусских говорах, но не зафиксированные словарями русского литературного языка. К ним отнесены: *аксамитки* 'названия цветов', *багна, будан, бульба, бусел, варьят, взлесье, вир, горотник, допыт, жменя, застрешек, клямка, ковалок, крушня, лесничевка, людцы, навала, неразумение, панщина, партизанка* 'партизанская борьба', *раница, розум, сеножать, стрельба, тата, цибуля*; глаголы *догодить, побогатеть, распанеть, чуть* 'слышать'; прилагательные *любый, мурзатый, пекучий*; иные лексико-грамматические разряды: *ат* (междометие), *каб, нема, треба*; единицы речевого этикета: *бывай, будь ласкова, кали ласка*.

Для установления причин употребления перечисленных белорусских слов необходимо рассмотреть ту роль, которую они играют в тексте. Если белорусские лексемы выполняют художественно обусловленные функции, то первопричиной их употребления является стремление автора-переводчика при помощи данных слов сделать художественный образ емче, выразительнее, придать ему определенные характеристики. В этом случае белорусская лексема сохраняется в переводном тексте сознательно, наличие ее не является результатом интерференции. Если же белорусское слово не имеет никаких художественных функций, нередко затрудняет понимание текста не знающими белорусский язык читателями, то в таком случае причиной употребления белорусизмов является межъязыковой контакт, а особенности художественной прозы — лишь условием, способствующим их использованию.

Иногда белорусское слово служит для передачи каламбуров, версификационных особенностей оригинала, при описании комичных ситуаций. Так, в повести П. Мисько «Земля у нас такая» (с. 205) читаем:

[Ребята]: *А варианты? На варианты ответа еще нет?*

— *Какие варьяты? Кто — варьят? — сразу же переспросил дед Стахей.*

Пришлось объяснять, что ни о каких сумасшедших речь не идет.

В данном случае на первое место выдвинуты художественные функции, а межъязыковой контакт служит условием, способствующим выполнению белорусским словом *варьят* определенной роли в тексте.

Особого внимания заслуживают те слова в русских переводах, которые широко распространены в белорусском языке, являются стилистически нейтральными и в то же время в большей или меньшей мере известные и русскому языку, хотя для многих носителей русской литературной речи они остаются достоянием пассивного запаса. В словарях русского языка такие слова сопровождаются обычно пояснительными и ограничительными пометами «разг.», «обл.», «прост.», «устар.», «поэтич.», а сфера употребления некоторых из них определяется двойными пометами «прост. обл.», «прост. устар.». В белорусском языке большинство таких слов относится к нейтральной общеупотребительной лексике, а в словарях русского языка квалифицируются как областные, просторечные, устаревшие, разговорные, поэтические и др. Такое несоответствие в стилистическом плане и в сфере употребления позволяет нам относить эти лексемы в разряд белорусизмов.

В этом разряде белорусизмов нами выделено несколько групп.

К первой группе отнесены слова, являющиеся стилистически нейтральными, общеупотребительными в белорусском языке и зафиксированные с пометой «разг.» в «Словаре русского языка в 4-х томах»: *большак, взгорок, видать, гомон, грёши, девчата, добро, доглядеть, дядька, загодя, зарáz, наведать, палить, помаленьку, разом, смак, смачно, смачный, спалить, хворать, хлопец, хлопчик, цигарка, часом*.

Вторая группа состоит из общеупотребительных белорусских слов,

которые в «Словаре русского языка» снабжены пометой «обл.», т. е. являются принадлежностью русских говоров: *абы, беремя, бурак, горелка, гребля, гуторить, жито, завируха, зараз, криница, кузня, лихоманка, молодица, нехай, примак, пуня, росстань, рудой, стежка, хмара*. Помимо пометы «обл.» лексемы *молодица* и *стежка* снабжены пометой «нар.—поэтич.».

В третью группу вошли слова общеупотребительные и просторечные соответственно в белорусском и русском языках: *аж, батька, бедовать, вертаться, гомонить, девчина, дюжий, женка, ихний, кликать, лютовать, наказывать, непогодь, помереть, развиднеть, хвороба, хворый, чугунка, шалеть*. Сфера употребления лексем *батька* и *вертаться* определена добавочной пометой «обл.».

Значительно меньшими по объему являются остальные группы. Так, группа общеупотребительных в белорусском языке и устаревших слов с пометой «нар.—поэтич.» в русском представлена шестью лексемами: *ведать, ворог, полонить, потылица, розуметь, цивильный*. Лексема *ведать* 'знать' находится на периферии русской литературной речи, а в белорусском языке входит в активный запас носителей языка.

Несоответствие при переводе наблюдается не только между группами общеупотребительной лексики и лексики ограниченного употребления, но и между определенными разрядами последней. Так, в следующую группу отнесены разговорные белорусские лексемы и просторечные в русском языке: *браток, притомиться, тетка*, а слово *бать* снабжено в «Словаре русского языка» сразу тремя пометами: «прост., уст. и обл.».

И, наконец, в отдельную группу выделено слово *свербеть*, снабженное пометой «разговорное» в «Тлумачальным слоўніку беларускай мовы» и квалифицированное как устаревшее «Словарем русского языка в 4-х томах».

В данном случае несоответствие стилистической окраски слов белорусского и русского языков интересно в следующем отношении. Используемое автором в тексте общеупотребительное белорусское слово переводится им же стилистически окрашенным. Говоря иначе, наблюдается стилистический сдвиг, стилистическая интерференция. Выборка таких примеров по автореводам показала, что случаи стилистического несоответствия при переводе не единичны, а представлены широко и разнообразно. Об этом свидетельствуют как приведенные выше группы белорусизмов, так и статистический анализ. Так, в авторских переводах общеупотребительное *дзяўчаты* передается русским разговорным *девчата* в речи автора 35 раз, в речи же героев — 20 раз, общеупотребительное *сцежка* и областное *стежка* — 17 раз в речи автора и 2 раза в речи героев; общеупотребительное *гаманіць* и просторечное *гомонить* — 6 раз в речи автора и ни разу в речи героев. Подобный подсчет можно было бы привести для каждой из представленных выше лексем, однако ограничимся лишь некоторыми из них. В связи с рассмотрением несоответствий при переводе необходимо сделать следующее замечание. Несомненно, что процесс перевода художественных произведений накладывает отпечаток на выбор средств выражения, как и то, что переводы выполняются самими авторами, которые в процессе работы «вольны переосмысливать и переделывать текст в любом отношении и в любой степени»⁴, вправе выбирать из огромного разнообразия выразительных средств те, которые помогают создать наиболее убедительный художественный образ.

В переводах вызывает интерес семантическая интерференция, к которой относится употребление слов одного языка для создания выражений на другом языке, но в значениях, которые характерны для другого языка. Реальным источником семантической интерференции является межъязыковая амонимия и паронимия⁵. В условиях близкородственного белорусско-русского двуязычия группа межъязыковых омонимов довольно многочисленна. Рассмотрим два слова — *пекло* и *сход*. Лексема *пекло* в ТСБМ определяется как 'ад, сильный зной, место, где происходят опас-

ные события, невыносимые условия жизни' (IV, 153). В «Словаре русского языка (III, 38)» разг. *пекло* обладает всеми значениями белорусского слова, кроме значения 'место, где в соответствии с религиозно-мистическими представлениями терпят вечные муки души умерших грешников', которое имеет лексема *ад*. В повести В. Быкова «Его батальон» *пекло* употребляется в значении 'место, где происходит жаркий бой': *Сам в бою лез в пекло* (с. 157); в произведении А. Карпука «Вершинский рай» находим пример семантической интерференции: *Без бога и пекла на земле воцарится мрак* (с. 65), *За святотатство их ожидали вечные муки в пекле* (с. 338).

Неодинаковым объемом значения характеризуются белорусское *сход* и русское *сход*, полностью совпадающие по форме. Для русского слова не характерно значение 'совместное заседание членов какой-либо организации, коллектива для обсуждения чего-либо; члены какой-либо организации, собравшиеся для обсуждения чего-либо'. В этом же произведении читаем: *Люди почувствовали себя как на сельском сходе* (с. 93).

Семантический и стилистический сдвиги наблюдаются как результат нескольких причин: во-первых, генетическое родство двух языков — русского и белорусского, крайняя близость систем как следствие генетического родства языков, результатом чего является наличие большого числа лексических единиц, общих для белорусского и русского языков и различающихся лишь по некоторым показателям. Далее, одной из причин выступает межъязыковой контакт, двуязычность писателя-переводчика. На стилистическое несоответствие могут влиять и художественные функции.

¹ Быков В. Его батальон.— М., 1976; Пойти и не вернуться // Быков В. Альпийская баллада.— М., 1979; Дожить до рассвета.— Минск, 1977; Сотников.— Петрозаводск, 1980; Мисько П. Земля у нас такая.— Минск, 1975; Кобец-Филимонова Е. Жаворонки над Хатынью.— Минск, 1982; Карпук А. Вершинский рай.— М., 1976; Карпов В. Весенние ливни. Сотая молодость.— М., 1977; Мележ И. Минское направление.— М., 1973.

² Супрун А. Е. Лингвистические основы изучения грамматики русского языка в белорусской школе.— Минск, 1974.— С. 31.

³ Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе.— М., 1980.— С. 47.

⁴ Там же.— С. 174.

⁵ См.: Шуба П. П. Міжмоўная беларуска-руская аманімія і паранімія // Пытанні білінгвізму і ўзаемадзеяння моў.— Мінск, 1982.— С. 109.

Т. Г. МИХАЛЬЧУК

ФОРМЫ СОГЛАСИЯ-НЕСОГЛАСИЯ В ДЕЛОВЫХ СТИЛЯХ РУССКОГО ЯЗЫКА

Категория согласия-несогласия (СН) дает богатый материал для функционально-стилистического анализа письменных стилей русского литературного языка. Функционирование форм СН целесообразно начать рассматривать с газетного стиля. В публицистическом стиле — универсальная коммуникативная направленность, ему принадлежит ведущая общественная значимость. В то же время благодаря разнообразной тематике газета является зеркалом других стилей.

На материале публицистики 1920—1927 годов мы выделили следующие газетно-композиционные приемы выражения согласия-несогласия: синтаксически организованная препозиция по отношению к поддерживаемому или отрицаемому тезису; призывно-лозунговые формы; вопросно-ответные конструкции; риторический вопрос.

В дискуссионных статьях, статьях-комментариях по поводу чьего-либо выступления используется анафорическое согласие-несогласие, после которого следует продолжение, объяснение мысли, например: Не подлежит сомнению, что ...; Совершенно очевидно, что... (Правда — 1926, № 126). Нельзя отрицать того факта, что ... (Торговые Известия.— 1927, № 52). Ср. с подобными формами, выражающими несогласие: Вряд

ли можно утверждать, что... (Известия ВЦИК.—1924, № 210); Но мы считаем в корне неправильным, что... (Известия ВЦИК.—1921, № 82); Смешно было бы сделать предположение, что... (Правда.—1921, № 7). Из примеров видно, что такое инверсивное СН образует главную часть сложноподчиненного предложения, зависимая часть которого (изъяснительное придаточное) представляет собой тезис оппонента (другого лица). Вынесение на первое место формы СН активно обращает на себя внимание читающего.

Передовые и пропагандистские статьи 20-х годов по стилю и языку отличаются призывным лозунговым характером. В них широко представлены здравицы, приветствия, призывы — своеобразные общественно коммуникативные формы согласия с новым прагматическим эффектом (выражение солидарности, поддержки, общественного одобрения). Например: Горячо приветствуем партийную конференцию пролетарской столицы! (Правда.—1926, № 142). Да здравствует братская помощь английским горнякам! (там же). Ср.: «антиздравницы»: Долой польских захватчиков, насильников и угнетателей! (Известия ВЦИК.—1920, № 92); Не позволим английской буржуазии навязывать нам свои порядки. Мы не потерпим вмешательства в наши внутренние дела! (Правда.—1926, № 142). Примеры показывают, что лозунгово-призывные формы СН образуют простые восклицательно-побудительные предложения.

Внутри газетно-публицистического стиля существенным является разграничение форм СН на нейтральные и экспрессивные. Анафорическое СН — это типичные газетные стереотипы. Призывно-лозунговые формы из-за широкого употребления утратили экспрессивную свежесть и впечатляющую силу. В газетном языке использовался прием личного адресования СН, лично ориентированных оценок позиции руководящего политического деятеля. Например: Абсолютно прав был товарищ Сталин, когда он категорически поставил вопрос: демократия для кого? (Известия ВЦИК.—1927, № 279). Как верно заметил товарищ Молотов, мы во многом отстали от экономического, политического, культурного роста деревни (Известия ВЦИК.—1924, № 243).

Перед публицистами того времени стояли задачи ясно и доступно излагать материал, так как культурный уровень многих читателей был невысок. Может быть, этим объясняется частое дублирование риторического вопроса ответом в повествовательной форме. Например: Разве у военкора не молодое восприятие, не свежий молодой язык? Все это есть (Правда.—1923, № 274). Использование вопросно-ответных (катехических) форм позволяет ясно и недвусмысленно донести до читателя основную мысль, отчетливо обозначить авторскую позицию.

К особенностям газетного языка 20-х годов относится и широкий стилистический диапазон используемых форм. При этом СН выражено преимущественно в виде пересказа. Пересказ заключается в авторской передаче чужого СН со сдвигом субъекта СН и форм его речи в позицию 3-го лица. Как в рамках собственно газетного стиля, так и в случае отражения других стилей в рассматриваемый период происходит заметная смена и обновление конкретного состава форм СН.

Приведем примеры форм пересказа СН с различной стилистической окраской: 1. **Собственно-публицистической:** печать определено признает это; приветствует решительное выступление; относится скептически; выражает недовольство; возмущение; 2. **С устно-разговорной окраской:** является вздором; не по душе капиталистам что... 3. **С окраской официально-деловой сферы общения:** предложение одобрено; большинство высказалось «за», предложение не нашло отклика; резолюция принята единогласно; поставлен вопрос об отказе; собрание вынесло резолюцию протеста; состоялось соглашение; встреча была бы желательна; правительство готово вступить в переговоры; согласен занять пост; отказался войти в новый кабинет; правительство заявило протест; Государственный Совет отклонил кандидатуру; конференция осудила; решение Верховного суда признает суверенитет; считать оправданным. Из при-

меров видно, что с газетной речью смыкается деловая речь, которая также имеет выход в массовую коммуникацию.

Функция выражения СН является основой содержания ряда форм официальных документов; справка подтверждает или отрицает некий факт; резолюция сводится часто к выражению одобрения, неодобрения идеи, выраженной в заявлении, служебной записке, докладе: «одобрить», «согласен», «не возражаю», «разрешаю». При одном уровне инстанций, связанных отношением согласия, используется резолюция «согласовано». Договор (соглашение) представляет фиксацию согласия по пунктам.

В деловой речи послеоктябрьского периода использовались нейтральные формы СН, простые и доступные для понимания, в отличие от архаичных формул царской канцелярии, как: «низложить», «низвергнуть», «упразднить» и т. д. Хотя в то же время некоторые из них, например, «настоящим изъявляем свое согласие», были очень употребительны в 20-е годы и позднее, вплоть до нашего времени ¹.

Ушли в прошлое комплиментарные речевые средства согласия, заимствованные из лексики царских чиновников, а также широко употреблявшиеся в языке дореволюционной военной документации казенные формулы зачина и завершения речи. Ср. имплицитное согласие при завершении текста документа: «готовый к услугам», «покорный слуга», «прошу принять уверение в совершенном почтении», разного рода обороты почтительности, фразы изысканной вежливости с побуждением к согласию: «благоугодно ли будет выразить согласие?»

Для директивных государственных решений стал характерным не единичный («Мы, Николай II, Император и Самодержавец Всероссийский...»), а коллегиальный субъект СН (съезд, ВЦИК, пленум, конференция). Например: Съезд признает политику правильной; одобряет; с одобрением отмечает; отмечает с особым удовлетворением; солидаризируется с линией... полностью одобряет решение; Пленум постановляет: одобрить в основном план...; резолюцию утвердить; принять в основном практические предложения; признать возможным поддерживать; признать допустимым. Конференция постановляет: целиком и полностью присоединиться к решениям... считает правильной линией. Ср. с формулами «несогласия». Съезд отмечает недостаток; решительно осуждает... Пленум постановил: признать недопустимой отдачу... решительно бороться против... Партия в корне отрицает... ЦК ВКП(б) постановил: принять решительные меры против... Конференция категорически осуждает; постановляет: открыто отгородиться от... признать абсолютно недопустимой...

В декретах Советской власти часто проявляется государственное волеизъявление в формах СН. Ср. употребление инфинитива в значении императива: СНК постановил: предоставлять право; признать желательным; принять предложение; разрешить Московскому Совету; утвердить постановление, решение; одобрить; допустить; подтвердить (мирное предложение). Ср. «несогласие»: СНК постановил: воспретить; решительно устранить; постановлением воспрещается, запрещается; не допускать...

Новые формы делового общения (СН от лица учреждения, политического органа, а не от себя лично) нашли широкое применение в устной публичной речи на собраниях, заседаниях, митингах. Этот процесс отразила художественная литература. Приведем примеры, где говорящий стремится охарактеризовать себя как представителя государственного политического органа, а не как частное лицо: [Доктор:]. Это воспоминание тревожит меня, ибо тиф в России, с ее жестокими морозами, еще более чреват последствиями. Я боюсь гибели всей нации — [Председатель Совета:] Я, товарищи, со своей стороны, как председатель Совета, могу подтвердить, что положение действительно тяжелое. (В. Билль-Белоцерковский. Шторм) [Коромыслов:] Вы говорите о новой секретарше Брунка? Я уже слышал эту сплетню. — [Гусаков:] Местком протестует и примет меры (Б. Ромашов. Воздушный пирог). Секретарь, по

фамилии Рыбников, сказал Федору: — Вот что, товарищ, подавай-ка ты в нарсуд заявление, а мы от ячейки поддержим (М. Шолохов. Батраки).

Для научного стиля 20-х годов, в отличие от делового, было характерно расширенное употребление сугубо личного мнения.

Так, в научных произведениях первого послеоктябрьского десятилетия распространенными были одиночные формы СН с уклоном от оценки строго объективного плана к эмоционально-субъективному, ориентированные на разные аспекты научной теории. Они использовались: 1) для положительной или отрицательной характеристики идей, концепций, трудов. Например: Одно из открытий нашего выдающегося покойного физиолога Н. Е. Введенского глубоко справедливо (И. П. Павлов). 2) для характеристики объекта исследования. Например: Особенно ценным представляется мне обзор продуктивных аффиксов (Г. О. Винокур). Все подобные образования совершенно противоречат принципу сложения слов в русском языке (А. Баранников). И, как фактический материал, он имеет цену и будет впоследствии утилизирован (И. П. Павлов); 3) для оценки хода, течения научного эксперимента: Я неоднократно указывал на полную негодность этого приема (К. А. Тимирязев). И этому нельзя не придавать существенного значения в вопросе об отношении внутреннего торможения ко сну (И. П. Павлов); 4) для описания результатов научного исследования: Попытка объяснения была остроумна, но фактически не верна (К. А. Тимирязев). Такой вывод, положительно утверждаю, крайне не верен (И. В. Мичурин).

Приведенные нами оценочные формы представляют собой в основном косвенное выражение СН.

Из экспрессивных приемов преобладала внутренняя диалогизация в высказывании СН, которая побуждала к активизации мыслительной деятельности, а также позволяла ученым доказывать убедительность или неубедительность того или иного факта, вывода. Велся внутренний полемический диалог с собеседником. Диалогичность получала внешнее выражение в высказываниях с риторическим вопросом: «— Неужели эти сорта так хороши, что лучшего и не требуется? — Конечно нет. Этот вопрос оспаривать, я предполагаю, не будет ни один разумный садовод» (И. В. Мичурин).

Для научного стиля было характерно подключать читателя к авторскому СН. Например: **Читатель согласится, конечно**, что это стиль эпохи, продиктованный войной и революцией (М. А. Рыбникова). Вовсе не следует утверждать, что будто...; не может быть сомнения, что...; нельзя сказать, чтобы...; никто, понятно, не отрицал, что...; решительно ничего нельзя возразить против...

Подобные высказывания, как правило, являются частью сложноподчиненных предложений. Но нередко они самостоятельно могут образовывать простые предложения. Например: Это не оспаривается сейчас, кажется, никем (У. Фохт); Эти указания следует всемерно приветствовать (Г. О. Винокур).

В научных произведениях послеоктябрьского десятилетия встречаются и синтаксические конструкции с разговорной окраской. Например: Напрасный труд, господа! (И. В. Мичурин). Нет, от такой настойчивости избави боже! (Г. О. Винокур). Как отмечено в исследованиях современных лингвистов², экспрессивность и средства ее выражения (оценочность, разговорные, фразеологизированные конструкции, средства прагматической установки на читателя) характерны и для современной научной прозы.

¹ Логинова К. А. Деловая речь и ее стилистические изменения в советскую эпоху // Развитие функциональных стилей современного русского языка.— М., 1968.— С. 208.

² См.: Милованова Н. Я. О некоторых стилистических и лексических средствах выражения экспрессии в стиле научной прозы // Исследования по стилистике.— Пермь, 1974.— В. 4.

РОЛЬ АВТОРСКИХ РЕМАРОК В СТИЛИЗАЦИИ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ А. И. КУПРИНЫМ

Разговорная речь в художественном тексте существенно отличается от живой разговорной речи. Она отражается в тексте художественного произведения небольшим в количественном отношении набором приемов, создающих иллюзию разговорности.

Творчество А. И. Куприна дает нам интересный материал для исследования способов стилизации разговорной речи в художественном тексте. Куприн был очень изобретателен в способах изображения разговорной речи. Он не позволял себе примитивно изображать ее, во-первых, потому, что это невозможно, а, во-вторых, потому, что ни один настоящий писатель не будет бездумно и слепо копировать разговорную речь. Речь героев Куприна живая, яркая, эмоциональная, отличается богатством разговорных интонаций. Наиболее точно передается у писателя своеобразие естественной разговорной речи в тех случаях, когда приводятся повседневные, «бытовые» разговоры персонажей. Для Куприна изображение бытовых сторон жизни народа приобретает конкретную эстетическую значимость и входит в его художественную программу. Поэтому он уделяет такое большое внимание воспроизведению всех особенностей речи того или иного персонажа. Однако прямая речь персонажей не должна являться и не является точным отражением всех сторон реальной разговорной речи, потому что «естественная разговорная речь возникает неожиданно, а художественный диалог является произведением писателя, цель которого состоит в том, чтобы каждое слово произведения было включено в систему выражения авторской мысли, которая должна быть понятна тому, для кого художественное произведение написано,— читателю.»¹

Живая разговорная речь воспроизводится в тексте художественного произведения самыми различными приемами. Наиболее распространенным из них является описательный. Главная роль в описании отводится авторской ремарке. Основное назначение авторских ремарок — фиксировать факт речи, указывая ее принадлежность говорящему лицу. Однако в художественной литературе функции авторских слов значительно расширяются. Авторская ремарка, в частности, играет значительную роль при стилизации разговорной речи. При этом она, прежде всего, дает представление о самом персонаже, о его социальном положении, о взаимоотношениях с другими персонажами, об авторском отношении к изображаемому явлению или герою.

Рассказ А. И. Куприна «Хорошее общество» начинается с такой ремарки: «Собираясь войти в гостиную, Дружинин вытирал платком запотевшие стекла пенсне. За малиновой бархатной портьерой послышалось твердое, уверенное, хорошо знакомое ему постукивание каблучков. Щеголеватой походкой нестареющего сорокапятилетнего мужчины Башкирцев шел через переднюю с какими-то чертежами и планами.»² Такие ремарки напоминают сценические, помогают читателю представить конкретного человека. Определенная информация содержится и в описаниях, где передается душевное состояние и поведение говорящего: «И он начал говорить тихим, преувеличенно ровным голосом, но с такими частыми паузами между словами, с такими странными вздрагиваниями в голосе, что всем стало ясно, как трудно ему сдерживать внутреннее волнение и скорбь.» («Убийца», 4, 262). Авторский комментарий может также показывать состояние чувств и мыслей говорящего путем внешней характеристики персонажей, описанием жестов, выражения лица:— «Так. Прекрасно. Продолжайте, молодой человек, в том же духе,— произнес Завалишин, **язвительно кривя губы.**» («Корь», 3, 324). Без авторских слов эту реплику можно было бы понять как одобрительную.

Куприн всегда заботился о естественности речи своих персонажей,

придавал большое значение изображению того, как звучит их речь. При помощи авторского комментирования он конкретизирует представления читателя о звуковой реализации высказываний. Для этого писатель использует самые разнообразные приемы. Один из них — указание на высоту и силу голоса, на тембр речи. Вот примеры: «Он замолчал, тихо и скорбно покачивая головой. После первых же фраз слушатели привыкли к глухому и сиплому тембру его голоса» («Трус», 3, 221). «— Никифор! — крикнул Авилов громко» («Ночлег», 1, 331). «— И помощь эта должна выражаться в том, — заговорил раздельно, сухо и металлически звонко Башкирцев...» («Хорошее общество»). Ряд ремарок у Куприна указывает на темп речи: «— Давно я собираюсь тебя спросить, где ты свои пальцы загубил? — медленно ронял Бузыга низкие, ленивые звуки.» («Конокрады», 3, 246). «Рита подняла к подбородку стиснутые руки и зазвеневшим голосом заговорила быстро.» («Хорошее общество», 3, 421). Такие ремарки помогают нам представить обстановку разговора. Если персонаж говорит «медленно», «нараспев», или, наоборот, «быстро», «живо», то это свидетельствует о том, что разговор происходит в неофициальной, непринужденной обстановке, когда говорящий мало заботится о средствах выражения мысли. В составе таких ремарок чаще всего — глагол звучания (в прямом или переносном смысле) и наречие. Для передачи характера звучания Куприн использует в качестве авторского комментария и словосочетания типа «сказать каким-нибудь голосом». Например: «грубо сказал Бобров», «вдруг он загудел глухим, могильным, завывающим голосом», «страшный, захлебывающийся голос», «скомандовал громовым голосом». В авторском тексте встречается прямое описание разного звучания голосов: «— Степан! — крикнул он еще раз раздраженным и плачущим голосом. — Степан! — поддержал отрывистым и глухим басом студент. («Болото», 2, 62). «Авилов прислушался. Спорили два голоса: мужской — низкий, то дребезжащий, то глухой, точно из бочки, какой бывает только у чахоточных пьяниц, и женский — очень нежный, молодой и печальный», («Ночлег», 1, 338). Как видно из приведенных примеров, описание разного звучания голосов помогает восприятию речи как бы на слух, делает написанный текст слышимым. А в последнем примере такое описание голосов является и средством характеристики персонажей.

Отражая звучание живой разговорной речи, Куприн большое внимание уделяет воспроизведению интонации разговора. Как известно, в разговорной речи интонация часто является основным средством выразительности и организации речи. В художественном тексте, создавая впечатление «разговорности», писатель своими ремарками указывает на различные проявления и функции интонации в разговоре. В авторском тексте мы находим прямое описание интонации: «— Идите, идите, паныч, — одобряет меня Щербатый» («На глухарей», 2, 408). «— Скажите, пожалуйста! — возражает она с кокетливой насмешкой» («Река жизни», 4, 275). В ряде случаев указание на интонацию уточняет смысл высказывания: «— Ничего я не помню... Гадкий мальчишка, — ответила она, мило смеясь». Без учета интонации эту фразу можно понять как выражение недовольства кем-то.

Более других поддается письменно-художественному изображению эмоциональная интонация. Авторское указание на такую интонацию служит средством восполнения неполноты высказывания персонажа: «Дружинин что-то замыкал и нерешительно промолвил: — Но я не вижу особенных причин так волноваться... хотя, впрочем...» («Хорошее общество», 3, 217). Интонация незавершенности в разговорной речи часто употребляется при перечислении. У Куприна мы тоже находим указание на такую интонацию: «— Я бы его сонного зарезал... Я бы ему зубами глотку перервал! Я бы...» («Конокрады», 3, 251). Для передачи эмоциональной интонации Куприн использует в авторских ремарках много разного рода определений, которые распространяют существительное «голос»: «— Как тебя зовут? — Василь, — ответил мальчик и тотчас же

откашлялся: таким **слабым** и **свистящим** показался ему собственный голос («Конокрады», 3, 245). Сигналом эмоциональной интонации являются и конструкции с опущенным сказуемым со значением речи. Например: «— Куда? На бега? С моим удовольствием.— **Рыбников шумно встал, опрокинув стол.**— Это где лошади скачут?» («Штабс-капитан Рыбников», 4, 234). Такие ремарки фиксируют не факт речи, а сопутствующее действие. По интонационному оформлению и синтаксическим связям с прямой речью многие ремарки представляют собой вставные предложения. «Включенные в прямую речь в качестве попутного сообщения, они интонационно обособляются, воспринимаются как нечто побочное и второстепенное по сравнению с основной частью и создают особый ритмико-интонационный склад речи, близкий к живому разговорному.»³

Авторская ремарка может уточнять эмоциональность интонации, которая содержится в реплике персонажа: «Я спросил, указав на кричавшего младенца: — Сколько месяцев ребенку-то? — Ме-ся-цев? — **удивилась баба.**— Что ты, кормилец, господь с тобой. Только вчера вечером родила.» («Черная молния», 5, 386). Удивление, которое передается репликой, характеризующей длительность звучания слова, уточняется авторской ремаркой.

В авторских словах мы находим и указания на спонтанность, неподготовленность речи персонажа. Как известно, в условиях спонтанного общения бывает трудно подобрать нужное слово. И своими ремарками автор показывает это: «— О нет, нет,— живо возразила она.— Это ничего, что наше знакомство слишком коротко... Знаете... знаете...— **Она запнулась и искала слова.**» («На разъезде», 1, 236). Такие ремарки активизируют воображение читателя.

Итак, роль авторских ремарок в воспроизведении разговорной речи весьма велика. Они уточняют речь персонажей, указывают на ее особенности. С помощью авторского комментария читатель узнает о том, с какой интонацией была сказана та или иная фраза, какие мысли и чувства говорящего скрыты за ней. В произведениях Куприна чаще всего авторские ремарки имеют значение оценки говорящего лица, его характеристики. Поэтому они способствуют стилизации разговорной речи, созданию иллюзии живого разговора.

¹ Полищук Г. Г. и др. Некоторые особенности художественного отражения разговорной речи // Вопросы стилистики.— Саратов, 1976.— С. 27.

² Куприн А. И. Собрание сочинений: В 9 т.— М., 1971—1973.— Т. 3.— С. 409. Другие ссылки на это издание даются в тексте статьи с указанием цифрами (через запятую) тома и страницы.

³ Пискунов П. К. Некоторые структурно-стилистические особенности авторских ремарок при прямой речи в «Поднятой целине» М. Шолохова // Вопросы русского и общего языкознания.— Душанбе, 1965.— С. 42.

С. А. КИСЕЛЕВ

СИНТАКСИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ РУССКОГО ЯЗЫКА И ИХ РЕАЛИЗАЦИЯ В ГАЗЕТНОМ ТЕКСТЕ

Синтаксическая модель (структурная схема, структурная основа предложения) — это элементарная синтаксическая структура со своей формальной организацией и определенным типовым значением, способная выступать в качестве образца для построения бесконечного множества высказываний. Как единица синтаксического описания синтаксическая модель позволяет свести необозримый инвентарь конкретных высказываний к довольно ограниченному списку, что дает возможность, к примеру, интенсифицировать процесс обучения русскому языку как иностранному и т. д. Однако следует отметить и тот факт, что вопросы о критериях синтаксической элементарности, о количестве конституиру-

ющих элементов являются до сих пор спорными. Так, сторонники «грамматического» подхода включают в схему предложения только традиционно выделяемые главные члены, ограничивая количественный состав модели одним-двумя компонентами. Сторонники «информативно-грамматического» подхода, исходя из необходимости обеспечить как грамматическую, так и информативную полноту модели, ее независимость от контекста, предлагают включать в состав модели, на правах обязательных, два, три и более компонентов.

В качестве основания построения структурной схемы в данной статье принята предложенная Т. П. Ломтевым идея представления структуры высказывания как своего рода «системы с отношениями». При таком подходе структура информации, выражаемой предложением, рассматривается как «множество предметов, связанных некоторым отношением». Следовательно, вопрос об обязательности / факультативности того или иного компонента решается довольно однозначно: в структурную схему предложения входят имена предметов, связанных какими-либо отношениями, и имя отношения, т. е. глагол и другие формы¹.

Во многом аналогичный подход, реализуемый в трудах чехословацких русистов², позволяет выделять модели с количественным составом от одного до пяти компонентов. Синтаксическая модель предложения, в таком понимании, позволяет, на наш взгляд, более адекватно, чем в рамках «грамматического» подхода, описывать синтаксические особенности отдельных функциональных разновидностей литературного языка, различающихся как совокупностью языковых средств (моделей), так и частотностью их употребления. Следует, однако, подчеркнуть, что в отношении интерпретации количественного состава структурных основ имеются некоторые различия между авторами «Русской грамматики», вышедшей в Праге в 1979 году, и советскими лингвистами. Характер различий сводится в основном к проблеме включения / невключения в состав модели на правах обязательных компонентов глагольной связки или связочного полужаменательного глагола. В работах советских лингвистов при установлении количественного состава модели глагольная связка в качестве особого (самостоятельного) компонента обычно не учитывается. В концепции авторов пражской «Русской грамматики» глагольная связка (полужаменательный глагол) входит в состав модели на правах обязательного компонента. Впрочем, данное расхождение применительно к нашим целям можно считать непринципиальным, так как оно касается сравнительно небольшой доли исследуемого материала.

С опорой на систему структурных основ предложения, представленных в пражской «Русской грамматике»³, нами было проанализировано методом сплошной выборки свыше пяти тысяч различных синтаксических структур из текстов «Правды», «Известий», «За рубежом», «Комсомольской правды», «Литературной газеты». Анализу подвергались как простые предложения, так и сложные синтаксические структуры, составные части которых возможно было свести к грамматически и семантически автономным моделям. Это позволило выделить следующие особенности языка газеты.

Во-первых, в газетных текстах ощущается значительное влияние такого экстралингвистического фактора, как стремление дать максимум информации в ограниченном объеме текста. Однако достигается это, в отличие, например, от языка научного стиля, не за счет стремления к языковой экономности, лаконичности формы и точности изложения, а во многом за счет структурного усложнения модели предложения. В силу этого в газетных текстах широко используются предложения, распространяемые причастными и деепричастными оборотами, нередко несущими значительно большую информативную нагрузку, чем сама структурная основа. Нередки, например, случаи, когда синтаксическая модель предложения бывает представлена тремя компонентами, количественный же состав распространителя объектного компонента включает до двадцати словоформ. Нередко используется также «ступенчатое» рас-

пространение простого предложения, когда ключевое слово деепричастного оборота, распространяющего главный член структуры, распространяется, в свою очередь, причастным оборотом.

Во-вторых, язык газеты бывает усложнен наличием иного рода распространителей, относящихся как к субъектному, так и к объектному компонентам. Во многих случаях субъектный компонент выражен сочетанием трех и более словоформ. Можно наблюдать и наличие нескольких распространенных субъектов при одном предикате, причем общее количество словоформ подобного «субъекта-гиганта» доходит иногда до пятнадцати: «На аэродроме делегацию провожали председатель советско-французской секции Парламентской группы СССР., другие официальные лица, а также посол Франции в СССР...» (Известия.— 1985, 13 июля). Таким образом, исходя из того, что большая часть субъектных и объектных компонентов представлена в виде многочленных блоков (в основном цепочек генитивных словосочетаний), было бы целесообразным, наряду с употреблением соответствующих традиционных терминов, использовать термины «субъектный (объектный) блок-компонент».

В-третьих, обстоятельственный компонент модели нередко представлен сочетанием нескольких соподчиненных словоформ, из которых выделить одну в качестве основной довольно затруднительно ввиду их равной информативной ценности. Например: «Сижу на улице за столиком кафе на площади Мигель Дасо» (Лит. газета.— 1985, 17 июля).

В-четвертых, большое количество моделей встречается в виде различных модификаций, вносящих дополнительные смысловые нагрузки: 1) грамматических: «...Тысячи американских солдат будут погибать в этой партизанской войне...» (Комс. правда.— 1985, 2 июля). 2) фазисных: «...Его ученики начинают работать самостоятельно» (Комс. правда.— 1985, 18 августа). 3) модальных: «...Число безработных должно сократиться...» (За рубежом.— 1985, 30 августа — 5 сентября). Зачастую несколько модификаций, как бы наслаиваясь друг на друга, создают довольно сложную структуру, например: «Мы будем продолжать бороться» (Комс. правда.— 1985, 20 августа). Вероятно, предложение это, сводимое к простой модели *Мы боремся*, получено путем двухступенчатой модификации — грамматической: *Мы будем бороться* и фазисной: *Мы продолжаем бороться*. Указанные структуры в качестве центральных моделей должны быть нейтральными, т. е. иметь следующий вид: 1) Тысячи солдат погибают; 2) Ученики работают; 3) Число безработных сокращается.

Лингвостатистический анализ газетных текстов позволил выявить своего рода частотную иерархию моделей, характерную для данной разновидности литературного языка. В целом получилась следующая картина употребительности моделей. Двусоставные структурные основы предложений как с глагольным, так и с именным сказуемым отличаются более высокой степенью частотности, чем односоставные. Их доля составляет 92,6 % всего материала, в то время как на долю односоставных приходится соответственно 7,4 %. Среди двусоставных наибольшей частотностью употребления характеризуются предложения, сводимые к трехкомпонентной модели с глагольным сказуемым — 48,4 %. Из них наиболее активна (более половины трехкомпонентных моделей с глагольным сказуемым) модель с переходным глаголом: «Пленум утвердил проект повестки дня съезда» (Правда.— 1985, 4 июля). Предложения, сводимые к модели с объектным компонентом в форме косвенных падежей с предлогом, употреблены примерно в два раза реже, их количество составило 12 % материала. Пятая часть трехкомпонентных структур представлена моделью с обстоятельственным компонентом. Например: «Филиалы фирмы находятся в Австрии, Италии, Франции и Аргентине» (Лит. газета.— 1985, 17 июля).

Четырехкомпонентные модели, составляющие 11,4 % всех предложений, подразделяются на три большие группы: 1) модели с двумя объектными компонентами без предлога. Например: «Советская делегация

вручила корейским друзьям Красное знамя...» (За рубежом.— 1985, 23—29 августа); 2) модели с одним объектным и одним обстоятельством компонентом. Например: «Правящая диктатура без суда и следствия бросает в тюрьмы сотни людей...» (За рубежом.— 1985, 23—29 августа); 3) модели со вторым объектным компонентом в форме косвенных падежей с предлогом: «США и НАТО превратили нашу страну в военный плацдарм» (Известия.— 1985, 16 июля). Последняя модель наиболее активна — на нее приходится почти половина предложений, сводимых к четырехкомпонентным моделям с глагольным сказуемым. К двухкомпонентной модели сводимо 9,7 % всех предложений. Это конструкции типа «Однако подземные испытания продолжались» (За рубежом.— 1985, 23—29 августа).

Для языка газеты характерно употребление предложений с непrouстым сказуемым. Например: «Газета призывает трудовые коллективы республики повысить организованность в работе...» (Правда.— 1985, 5 июля). В пражской «Русской грамматике» для них не предусмотрено специальной формулы. Они объединены в группу структурных основ с придаточным предложением / инфинитивом, где инфинитив вводится в трех- или четырехкомпонентную схему на правах объектного детерминанта. На наш взгляд, было бы более рациональным выделить для предложений указанного типа особую разновидность модели с инфинитивным компонентом. В пользу такого решения говорит и количество вышеуказанных структур: их встретилось в текстах 2,3 %, что больше, чем число предложений, сводимых, к примеру, к модели инфинитивной, и некоторых других.

Предложения, сводимые к структурной основе с именным сказуемым, составили 20,6 %. Наибольшее количество предложений приходится на долю трехкомпонентных моделей (15,5 %). В свою очередь, они подразделяются на три большие группы: 1) модель, представляющая предложения с именем существительным в позиции сказуемого: «Безработица — это преступность...» (Комс. правда.— 1985, 18 августа); 2) модель с именем прилагательным в позиции сказуемого, манифестируемая предложениями типа: «Мирная передышка была недолгой» (Комс. правда.— 1985, 18 августа); 3) модель с кратким причастием в позиции сказуемого, представленная предложениями типа: «Однако их планы были сорваны» (За рубежом.— 1985, 30 августа — 5 сентября).

Модели с инфинитивом в позиции подлежащего малоактивны — на их долю приходится 0,6 % всех предложений. Например: «Пойти на такой шаг СССР было совсем непросто» (За рубежом.— 1985, 30 августа — 5 сентября). Среди четырехкомпонентных моделей, представляющих 4,7 % всех предложений, наиболее активна модель с кратким причастием в позиции сказуемого. Например: «Его именем назван и этот крупнейший город» (За рубежом.— 1985, 23—29 августа).

Простые односоставные предложения по сравнению с двусоставными употребляются значительно реже. Среди них наиболее частотны предложения с глагольным сказуемым — 7 %. Для удобства их можно представить в виде нескольких групп: 1) предложения, в которых главный член выражен безличным или неопределенно-личным глаголом, сводимые к двухкомпонентной модели. Например: «Французам повезло» (Известия.— 1985, 16 июля); 2) предложения, в которых главный член выражен безличным или неопределенно-личным глаголом в сочетании с инфинитивом, сводимые к трехкомпонентным моделям. Это предложения типа: «Но убеждать его пришлось недолго» (Лит. газета.— 1985, 26 июня); 3) предложения, где главный член выражен модальным словом или предикативным наречием в сочетании с инфинитивом, сводимые к трех- и четырехкомпонентным моделям. Их встретилось примерно столько же, сколько и предложений второй группы. Это структуры типа: «С алкоголизмом можно справиться» (Лит. газета.— 1985, 26 июня).

Представляется существенным, что модели неопределенно-личных предложений более активны, чем модели с безличным глаголом в соста-

ве главного члена. В целом последняя модель представлена примерно в три раза меньшим количеством предложений, чем первая.

Довольно малочисленную группу (0,4 %) составили структурные основы с именным сказуемым. Это предложения типа: «Раулю в 1975 году было сорок...» (Лит. газета.— 1985, 17 июля).

Таким образом, взгляд на газетный текст сквозь призму синтаксической модели дает возможность для более детального изучения особенностей языка данного стиля (публицистического) как системы с типичными и периферийными явлениями. Это, в свою очередь, позволяет дать ответ на многие вопросы отбора учебного материала, указать некоторые пути оптимизации учебного процесса и организовать более целенаправленное представление синтаксических структур, по которым строятся высказывания, с учетом их частотности и значимости в текстах.

¹ См.: Ломтев Т. П. Принципы построения формулы предложения // Филологические науки.— 1965.— № 5.— С. 56.

² См.: Адамец П. К вопросу о синтаксической парадигматике // Československá rusistika.— 1966.— № 2; Крижижкова Е. Проблемы простого предложения // Československá rusistika.— 1967.— № 2; Светлик Я. Синтаксис русского языка в сопоставлении со словацким.— Братислава, 1970.

³ См.: Русская грамматика.— Прага, 1979.

Л. Н. ЧУМАК

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОККАЗИОНАЛИЗМЫ В ПРОЗЕ Е. ЕВТУШЕНКО

Е. Евтушенко — писатель ярко выраженной индивидуальности. Характерной особенностью романа «Ягодные места», его речевой организации является использование автором не только тропов и метафор (*липкое гостеприимство* (56)¹, *пушистая угроза* (62), *веселящиеся окна* (60), но и многочисленных отступлений от литературной нормы. Это обращение к элементам жаргона (*кореш* (87), *субчик* (57), *схимиченная* (73), *ремеслуха* (84); диалектизмам (*затерханный* (38), *вывершивать* (21), *ледизна быстреди* (16), *кошечное место* (16); характерное для писателя создание неологизмов (*полунепонятное* (22), *зловатое* (58), а также синтаксических окказионализмов, основанных на сознательном нарушении синтаксической и лексической сочетаемости слов (*ягодный уполномоченный* (10), *шашлычный папа* (45), *сыноустроительная дрожь* (75).

Цель данной статьи — исследовать на синтаксическом уровне способы создания и использования автором окказионализмов. Приемы окказионального преобразования синтаксических связей всегда глубоко индивидуальны, наиболее имманентны для каждого художника слова.

Наиболее частотной представлена в романе модель *прил.+сущ.* По данной модели формируются, во-первых, словосочетания, возникшие в результате изменения синтаксической связи зависимого компонента в словосочетании — перехода из управляемой формы в согласованную: *вертолетная храбрость* (80) — храбрость вертолетчика, *женское нахождение* (63) — тема о кошачьих, история о тортах, *рисовальные способности* (31) — способности к рисованию, *денежная честность* (57) — честность в деньгах, *глазной контакт* (2) — контакт посредством глаз, *вершинные ветви* (94) — ветви вершин и др. С изменением синтаксической модели изменяется и характер семантико-синтаксических отношений в словосочетании — объектные и субъектные отношения трансформируются в атрибутивные. В подобных синтаксических окказионализмах происходят и грамматические преобразования: изменяется, как правило, и лексико-грамматический разряд образованного прилагательного. Слова, соединенные несколько необычно, останавливают на себе внимание, выступают своеобразным стилистическим приемом повествования.

Во-вторых, словосочетания, созданные в результате опрощения сложных словосочетаний или синтаксических конструкций путем «выпадения», как правило, глагольного компонента: *экранная жизнь* (15) — жизнь, показанная на экране; *открыточный киноартист* (15) — киноартист, изображенный на открытке; *сапожный ножик* (104) — ножик, находящийся за голенищем сапога; *высотные знаменитости* (66) — знаменитости, достигшие высокого положения; *иностраннный портрет* (36) — портрет, нарисованный иностранным художником. Зачастую синтаксически окказиональное образование порождает и словообразовательный неологизм: *безотцовный ребенок* (29) — ребенок, оставшийся без отца. Ср. также: *постальневший голос* (44), *обдышанные кострами руки* (40), *необманная нота пионерского горна* (42), *сыноустроительная дрожь* (75), *самоуважительные глаза* (10), *самозаслушавшаяся безнадежность* (68). Окказиональное сочетание называет понятие, которое в соответствии с нормой обозначается описательно. Такой прием «свертывания», синтаксической компрессии — явление лингвистики текста. Формирование подобных словосочетаний обусловлено, с одной стороны, общей тенденцией активизации в современном русском языке таких средств, которые обеспечивают большую лаконичность, экономность и, с другой стороны, большую экспрессивность, действенность высказывания², информационную оперативность.

В-третьих, в авторской речи отмечены случаи преднамеренного нарушения фразеологичности словосочетаний путем замены лексемы (*медовое столетие* (106), *библиотека на всяческих языках* (36) либо путем словообразовательных инноваций (*жизненные припековения* (91), *едучий дым* (94) — едкий дым, *боковой сын* (36) — побочный сын, *стыдная слабость* (34) — постыдная слабость), либо сочетанием этих приемов (*обреченный на незначительность* (99)). Необычные сочетания требуют переключения внимания читателя со значения, содержания на форму и последующее переосмысление.

Четвертую группу составляют сочетания, выступающие как индивидуально-стилистические неологизмы контекста. Смысловые сдвиги создают совершенно неожиданные соединения слов, например, *шашлычный папа*: «Ее *шашлычный папа* покупает все редкие книги, только не читает, конечно» (45). *Тряпичная география*: «Шкафы были набиты шмотками, представляющими собой *тряпичную географию* земного шара» (78). *Датская поэзия*: «Но всем было ясно, что Кривцов пишет стихи. Когда у него попросили стихи для стенгазеты к Первому Мая, Кривцов мрачно ответил: — Я не специалист по *датской поэзии*. — Какой это — датской?.. Датская поэзия — это стихи к датам, — насмешливо пояснил Кривцов» (43). *Книжная роскошь*: «В этой просторной старинной квартире не было никакой особенной роскоши, за исключением одной, передавшейся из поколения в поколение, — *книжной*» (41). Окказиональные образования пополняют свое значение теми ассоциациями, которые предлагаются контекстом.

К этой группе примыкают синтаксические окказионализмы, образованные по другим моделям, например, *категория девочек «при»*: «Но она вовсе не походила на *категорию девочек «при»* — при актерах, при писателях, при спортсменах, при космонавтах» (5); *художества сына*: «А это мой Никанорка намалевал, — первый раз с гордостью за *художества сына* ответил Бархоткин-старший» (31). Стяжение структуры высказывания порождает максимально уплотненную фразу, не только сохраняющую новое метафорическое значение. Непредсказуемое по смыслу сочетание слов выступает новым средством изобразительного синтаксиса.

Характерным для идиостиля Е. Евтушенко является прием, когда окказиональные образования даются в тексте после тех слов, которые использованы в прямом значении или в обычном сочетании: «Оно (сухое вино — Л. Ч.) простому народу кажется кислым. Разве *кислое вино* будешь пить при *кислой жизни?*» (102). «Селезнев занимался не только *культуризмом мускулов*, но и *культуризмом взгляда*» (48). «Но опасная

штука *железное здоровье* вместе с *железной душой*» (8). Этим представлен как бы путь формирования синтаксического окказионализма и тем самым объяснено его значение для читателя, что обуславливает правильное взаимопонимание между читателем и писателем.

Типологией сложного синтаксического целого, его коммуникативной установкой — по-своему определить понятие «народ» (8) — объясняется изменение синтаксической связи глагола *думать* с изъяснительным объектом (в современном русском языке — о чем, над чем): «Космонавт задумался над словом «народ». Слово изрядно замусоленное, затертое, столько раз употребляемое всуе, а все-таки могучее. Слово это нельзя слишком часто говорить — его надо думать».

Характеризуя стремление Эдуарда Ситечкина «*пробиться в верхние этажи*», статья образованным, автор изменяет управляемую форму при глаголе *подсматривать* (за кем-чем) — подсматривать что: «Эдик стал *подсматривать манеры* у тех, из верхних этажей, даже пробор у него был подсмотренный... Целый год брал уроки пения, развивал голос, ходил на все концерты Магомаева и Кобзона — манеры подсматривал» (66). Синтаксический окказионализм стал образным средством раскрытия внутреннего облика персонажа.

Как отмечает В. А. Ицкович, возможности соединения слов в русском языке обусловлены грамматической, семантической, лексической и смысловой сочетаемостью слова³. Суть синтаксически окказионального образования определяется расширением границ нормативной сочетаемости слова, т. е. сознательным нарушением его валентности, дистрибуции. Наиболее распространенными в языке художественной литературы являются отступления от норм лексической сочетаемости слов, обусловленной их индивидуальным значением, на которые язык накладывает определенные ограничения. Для синтаксической организации романа «Ягодные места» характерны также и отступления от семантической сочетаемости называемых словами понятий: *ягодный уполномоченный* (10), *спасительная измазанность* (78), *смелый страх* (35), *счастливая крамола* (3), *очаровательная подловатость* (10) и др. Подобные алогизмы способствуют переосмыслению одного из компонентов. Содержание слова начинает обогащаться дополнительными значениями, определяемыми контекстом. Нарушение нормативности сочетания слов — основа метафорической образности художественного текста.

Продуктивность именного атрибутивного словосочетания (прил. + +сущ.) в качестве основной модели окказионального образования объясняется прежде всего грамматической сочетаемостью слов, из которых один компонент — опорное существительное, а другой — прилагательное, оставшееся в результате энтропии сложного синтаксического построения или окказионально образованное. Согласование является слабой связью. Любое существительное, заключая в себе значение предметности, принимает любую определяющую согласуемую форму зависимого слова. Синтаксическое же «поведение» прилагательных различных семантических разрядов единообразно.

Окказиональная сочетаемость лексем в художественном тексте характеризует речевую манеру автора и его персонажей, выступает средством творческого создания ярких, реалистических художественных образов.

¹ Евтушенко Е. Ягодные места // Роман-газета.— 1983.— № 15. В скобках указаны страницы журнала.

² См. сб.: Развитие синтаксиса современного русского языка.— М., 1966.— С. 4.
³ См.: Ицкович В. А. Языковая норма.— М., 1968.— С. 70.

МОДЕЛЬ ЭФФЕКТИВНОЙ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Понятие «речевая деятельность» (далее РД), появившееся в лингвистической литературе относительно недавно, буквально революционизировало исследования языковой реальности. Осознание третьего измерения (язык — речь — РД) породило новую дисциплину — психолингвистику, которая избрала это измерение языка объектом своего изучения. Непосредственно вовлеченной в изучение РД оказалась и социолингвистика. Без понятия «РД» немислим современный курс общего языкознания. Осознание РД становится определяющим для целевых установок и базовых исследований такой прикладной науки, как методика преподавания языка. И, наконец, к этому понятию не может не обратиться теория и практика средств массовой пропаганды. Причем, в контексте исследований РД в средствах массовой пропаганды первостепенной становится проблема ее эффективности.

Попытки моделирования РД отражают стремление исследователей проникнуть в самую суть данного понятия и явления, стоящего за ним, выявить его структуру. Являясь объектом изучения разных дисциплин, РД освещается ее исследователями с разных сторон. Отсюда и наличие нескольких моделей РД: психолингвистической, социолингвистической, психологической и собственно лингвистической. Кратко остановимся на каждом из подходов.

Понимание РД советскими учеными исходит из общего подхода к деятельности как «сложной совокупности процессов, объединенных общей направленностью на достижение определенного результата, который является, вместе с тем, объективным побудителем данной деятельности, т. е. тем, в чем конкретизируется та или иная потребность субъекта»¹. Соответственно психологическая модель РД, указывающая на ее трехчленную структуру: «мотив — план — результат» (с соответствующими тремя сторонами деятельности: мотивационной, целевой и исполнительской) является как бы изначальной, базовой, указывающей на тождество РД с деятельностью вообще. Но она оставляет в определенной степени открытыми вопросы: 1) в чем сущность речевой деятельности как таковой? 2) на достижение какого результата она направлена?

Психолингвистическая модель РД акцентирует внимание на трех этапах: 1) субъект деятельности — ее энергетическая основа, характеризующаяся активностью, целенаправленностью; 2) собственно сама деятельность с такими ее элементами, как действие, операция; 3) объект или продукт деятельности, характеризующийся предметностью, зависимостью способа выражения от внешних условий. Сохраняя связь с психологической моделью РД, исследование уходит в глубь моделируемого объекта, направлено на проведение анализа изучаемого явления под углом зрения психической деятельности человека. Это обстоятельство несколько сужает видение объекта, затрудняет выход на широкий социальный контекст.

Несколько раздвигает рамки исследования, сохраняя в поле зрения все тот же объект с акцентом на слово «речевая», социолингвистическая модель РД. Она предлагает учитывать семь компонентов: 1) адресант; 2) адресат; 3) контекст (референт); 4) код (язык); 5) контакт; 6) сообщение; 7) канал связи.

Дальнейшей ступенью в развитии моделирования РД, возвращающей, однако, исследование к трем ее сторонам, является лингвистическая модель. Она выделяет в РД следующие стороны: коммуникативную, связанную, в первую очередь, с самим фактом зарождения языка в его различных формах, а также с его дальнейшим развитием (и, значит, она являет собой мотив РД); информационную, непосредственно определяющую целевую характеристику речевых актов (и, тем самым, соотносимую с планированием РД); знаковую, семиотическую (представляющую РД как бы непосредственно на выходе, в ее результате). Лингвистическая модель, как мы видим, вписывается в психологическую, пояс-

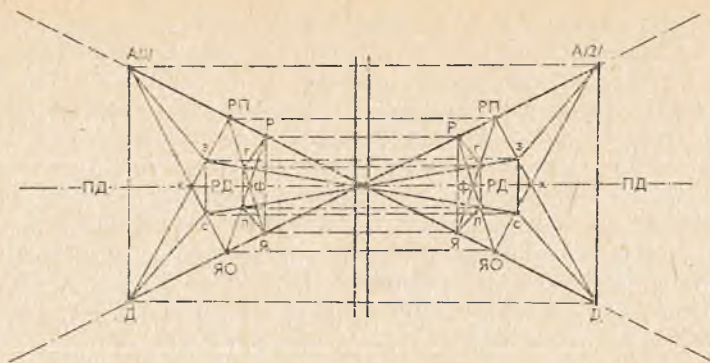
няя, каким она видит каждый из ее компонентов; является, своего рода, продолжением психолингвистической модели, однако уже на более широкой основе; вбирает в себя, как часть, социолингвистическую модель, которая здесь выступает уже лишь как одна из сторон РД — информационная. Вопросы производства и воспроизводства устной и письменной речи, различных форм общения (диалог, монолог), выявление правил общения и их становление, поиски оптимального кортежа общения при определенных условиях, в рамках определенного вида словесности, проблемы правильности и эффективности приема информации, активности адресанта и адресата — все это в соответствии с лингвистической моделью РД относится к ее **коммуникативной стороне**. **Информационная сторона** лингвистической модели имеет непосредственный выход на типологию РД по целям речевого акта. **Знаковая сторона** предполагает, с одной стороны, углубление в проблемы характеристики языковых знаков (прагматические, дискрипторы и т. д.), поднимает вопросы использования разных знаковых систем, разных каналов связи, т. е. разных воплощений материальной стороны знаков (плана выражения); а с другой стороны, поворачивает исследователя к вопросам дешифровки знаков в их соотношении с действительностью, с их значимостью для человека, а также в их соотношении с другими знаками в языковой системе и в потоке речи (план содержания)².

Итак, перед нами четыре модели РД. Все они опираются на идею определения сущности РД через ее основное назначение, ее основные функции. При этом на первую ступеньку в иерархии функций РД (также, как и языка в целом) помещаются две — коммуникативная и мыслительная. Но возникает закономерный вопрос: почему на их основании выделяются **три** стороны РД? И если вполне логичным нам представляются такие построения, непосредственно конкретизирующие наше видение объекта исследования, как «функция общения — мотив — коммуникативная сторона РД» и «мыслительная функция — план — информационная сторона РД», то где же первое звено в цепочке «результат — знаковая сторона РД»? Несомненно, две названные функции РД воздействуют на результат лишь в той степени, в какой это делают мотив и план, не более того. Что же здесь не учтено?

Общепризнан тот факт, что язык является второй сигнальной системой человека, сигналом сигналов, знаком знаков, выступает в качестве регулятора высшей нервной системы человека, всей его деятельности, всей его жизни. Это указывает на заложенную в его основе регулятивную функцию³, которая по своей значимости не только не уступает коммуникативной и мыслительной, но, более того, в контексте речевой деятельности становится **стержневой**, ибо **речевая** деятельность является **регулятором деятельности** сугубо **человеческой**. Таким образом, трехчленная модель РД обогащается еще одной цепочкой: «регулятивная функция — результат — знаковая сторона».

Значимость знаковой стороны РД трудно преувеличить, ибо РД — это всегда знаковая деятельность, причем не только на выходе, в своем результате, но и в значительной степени в подходе, т. е. может проявляться уже на уровнях мотива и плана. Но получила ли знаковая сторона должное место в моделировании РД? Отрицательный ответ на этот вопрос, а также определенная неудовлетворенность имеющимися моделями в связи с отсутствием у них таких качеств, как **целостность** объекта модели во всех его проявлениях, **динамизм**, **достаточная глубина** для выработки оптимальных критериев успешности протекания РД, а тем самым и **иллюстративность**, дают основание для построения пятой модели РД. (См. модель эффективной РД).

Предлагаемую **модель РД** можно в равной степени назвать и семиотической и лингвистической, ибо она **строится на модели плана содержания языкового знака**, корни которой можно обнаружить в обеих дисциплинах⁴. Возможность преемственности построений заложена в **качественных особенностях** базовой модели, рассматривающей план содер-

жания в единстве его потенциального и актуального семантических состояний, внелингвистического и лингвистического планов, его материального и идеального, а главное — в деятельности не как нечто застывшее, раз и навсегда данное, а как постоянно порождающую динамическую систему, что и прокладывает мостик к стыковке этих моделей, к их взаимопроникновению и взаимопроявлению⁵.

Слушание или созерцание непонятных знаков (без установки на их содержание), как и воспроизведение случайного набора звуков или графических символов — пусть и деятельность, но не речевая. Такая деятельность не будет в достаточной степени коммуникативно мотивированной, в ней неизбежно отсутствие целевых установок, она, что называется, безрезультатна. Таким образом, содержательная характеристика, а значит и наша модель, синтезирует все этапы и стороны РД, ибо она включает в себя значимость (з) и смысл (с) — элементы, в которых конкретизируется мотив РД, зарождающийся в практической деятельности (ПД) человека, которые лежат в основе планирования РД, от которых наконец, зависит выбор предмета РД — референта сообщения (к-контекст); в модели представлен продукт РД — собственно сообщение — в определенной материальной (материя звука или буквы) форме (ф), идеальное содержание референта, манифестирующееся в парадигматических и синтагматических отношениях кода и проявляющееся в единстве своего лексического (л) и грамматического (г) значений — передаваемый адресантом (А¹) через определенный канал связи адресату (А²) при наличии контакта между ними. В ней, далее, проявляется и содержание линейных (актуальных) и системных (потенциальных) двупланных отношений РД: отношений кода, становящихся лингвистическим контекстом РД, включающим ассоциативно-коннотативные поля как плана содержания, так и плана выражения (см. зоны, выходящие из точек Р-речь и Я-язык); и отношений фона (зоны, выходящие из точки Д-действительность) — внелингвистический контекст; а также сопутствующий, «окололингвистический» контекст, сопровождающий всякую РД (взаимонаправленные зоны, выходящие от точек РП — речевое поведение и ЯО — языковой опыт). Такое обогащенное видение РД дает нам новая модель еще только на подступах к ее анализу. И здесь она проявляет себя как макро-модель, включающая все этапы РД, выступающая в целостности своих потенциальной и актуальной сторон. Данная модель может демонстрировать также и характер протекания всех видов РД — продуктивных (говорение, письмо) и репродуктивных (аудирование, чтение), расположенных, соответственно, в левой и правой частях модели. Так, сравним характер отражения модели в зеркальной пластине с характером отражения человека в зеркале: как, поднимая левую руку, человек видит себя поднимающим правую, так и модель как бы поворачивается по оси «ПД... ПД», а линии, являющиеся левыми в одной части, становятся правыми в другой. Таким образом как бы меняется последовательность действий: если продуктивные виды РД идут от мыс-

ли к форме, от глубинной (потенциальной) части модели вверх к актуальной, то репродуктивные — в обратном порядке (доказывая тем самым необходимость закрепления при обучении РД, как и ПД, не только практических умений и навыков, но и выработки системных знаний).

Итак, модель является синтезирующей, демонстрирует как множество взаимообусловленных и взаимонаправленных линий модели сливаясь в единое целое, образуя при этом **новое качество**. Однако это далеко не единственное применение модели. Дальнейшие рассуждения о выявлении центрального, координирующего звена модели выводят нас на определения **объективно-субъективного характера РД**, с одной стороны, деятельностно-детерминированной (в историческом смысле слова), но, с другой стороны, регулирующей эту деятельность, изменяющей саму действительность (видение действительности, ее теоретическое осмысление, отраженное в семантической картине мира). Отсюда — определяющая, активная роль субъекта при сохранении объективных характеристик РД в целом, иначе бы межличностное общение было бы просто невозможным. И все же нет какой-то абстрактной РД. Она всегда конкретна, как конкретны и все элементы, вовлеченные в нее. Учет этого необходимо при анализе каждого конкретного речевого акта, а использование модели для такого анализа указывает на возможность ее функционирования в качестве микро-модели РД. Итак, модель представляет A^1 и A^2 ; каждого со своим опытом ПД и РД, со своим знанием Д и языка (ЯО), со своим, характерным для него и подходящим для данной речевой ситуации РП, включением своей степени z и вкладывающим свой c в сообщение, со своим видением k , своим отношением (оценками, ассоциациями) к его ϕ , каждый со своими мотивами, целями, установками, ожиданием, предвосхищением РД. Но, как мы говорили, содержание каждого элемента модели, каждой зоны лишь относительно самостоятельно и относительно индивидуально. ПД и РД, теряющие всякий смысл вне социального контекста, постоянно уточняют, выверяют содержание элементов, вовлеченных в их круг, берут под контроль результаты своей деятельности, в том числе и такой «продукт рода человеческого», как язык. Но эта объективная координационная тенденция сталкивается с другими объективными параметрами, как то: социальная неоднородность общества, различные материальные условия жизни, уровень образования и др. Все это говорит о **диалектическом единстве**, предполагающем значительное разнообразие содержания вплоть до противоположного. А значит в РД уже заложена такая ее характеристика, как **эффективность-неэффективность**, исследование которой есть исследование степени единства, степени включенности, степени возможного осознания, понимания, принятия разнообразных компонентов модели, каждого в отдельности и в их разнообразной соотнесенности. Предлагаемая модель и указывает нам на эти подлежащие сопоставлению элементы, обозначения которых лишь называют области исследования, но еще ничего не говорят об их содержании. Таким образом, модель раскрывает широкие возможности не только в плане синтеза объекта исследования, но и в плане его аналитического изучения.

Итак, перед нами, в первом приближении, модель эффективной РД, фиксирующая все необходимые точки отсчета, т. е. те элементы, которые необходимо учитывать в процессе РД для достижения максимальной эффективности. Ее ценность мы видим даже не столько в том, что она называет эти компоненты, сколько в том, что она определяет им четкую позицию, показывая соответственно, что и сама эта деятельность системна, независимо от того, осознается это участниками или нет.

Сферы применения данной модели весьма разнообразны. Остановимся лишь на ее дидактической ценности. Так, объяснительная сила модели позволяет с успехом применять ее в процессе преподавания специальных дисциплин, занимающихся проблемами эффективности пропаганды и контрпропаганды, эффективности труда журналистов⁶. Модель эффективной РД позволяет также выработать критерии пригодности мето-

дических приемов (и методики в целом) для обучения навыкам и умениям различных видов РД.

¹ Леонтьев А. Н., Панов Д. Ю. Психология человека и технический прогресс // *Философские вопросы физиологии высшей нервной деятельности и психологии*.— 1963.— С. 415.

² Подробное описание лингвистической модели РД см.: Супрун А. Е. Лекции по лингвистике.— Минск, 1980.

³ Ср. рассмотрение регулятивной функции в кн.: Леонтьев А. А. Язык, речь, речевая деятельность.— М., 1969.

⁴ Подробнее см.: Ухванова-Шмыгова И. Ф. Построение семантической модели слова на основании соединения внелингвистического и лингвистического семантических треугольников // *Вестник Белорусского ун-та. Сер. 4, филол., журн., пед., психол.*— 1982.— № 3.

⁵ Проявляясь в модели РД, модель плана содержания снова претерпевает некоторые модификации, уточнения. Таковыми являются: **во-первых**, множественность воспроизведения модели в соответствии с количеством участников РД. Здесь мы условно взяли минимальный кортеж — два человека; **во-вторых**, двойная повернутость модели: если ранее она смотрелась в себя, то теперь при сохранении и этой направленности, служащей идее координации всех элементов в одном пучке в каждой из частей модели (ибо в каждой есть свой координационный центр — А 1 или А 2), модель в целом, линии модели и даже как бы каждый ее элемент, каждая зона развернулись в сторону зеркальной пластины, отделяющей участников общения; **третье изменение** и представляет собой введение этой зеркальной пластины. Однако здесь следует иметь в виду тот факт, что симметричность модели РД скорее в ее форме, чем в содержании. Единство содержания всех парных компонентов (точек) модели есть идеал, к которому эффективная РД стремится и достигает лишь в единичных случаях. Об относительной зеркальности предлагаемой модели можно говорить применительно к ее зонам (треугольникам, другим построениям), что и необходимо выявлять в процессе конкретного анализа различных видов РД, анализа конкретных речевых актов. Надо также подчеркнуть, что внутри данного построения нет ни одной случайной фигуры, каждая зона имеет свой смысл, свое значение, свое назначение; и **четвертое изменение** — отказ от параллельной презентации таких линий модели плана содержания слова, как «Д—Я» и «Ч—Я» (здесь «А (1 или 2)—Я»), что помогает проиллюстрировать тот факт, что РД является ядром всей практической деятельности человека.

⁶ Апробация модели была проведена в лекциях спецкурса «Теория и практика речевого воздействия» на факультете журналистики БГУ имени В. И. Ленина.

О. Б. КОВАЛЬ, А. С. КОВАЛЬ

АСПЕКТУАЛЬНО-ВИДОВЫЕ СВОЙСТВА УЗУАЛЬНЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ В ГАЗЕТНЫХ ТЕКСТАХ

Узуальные словосочетания (в дальнейшем изложении УС) представляют собой обширную группу словосочетаний нефразеологического и вместе с тем не совсем свободного синтаксического характера, фиксируемых словарями и являющихся готовыми к употреблению единицами языка.¹ В настоящей статье речь пойдет о характерных для немецкого языка УС типа глагол + абстрактное отглагольное существительное (имя действия) с суффиксом -ung с точки зрения реализуемых ими аспектуально-видовых свойств в газетных текстах.

В текстах газетной прозы УС раскрываются в многообразии своих функционально-семантических потенций, причем как в аспекте собственно семантических различий, так и в аспекте оттенков — видовых, модальных и стилистических. Этому способствует развитость серий, или лексико-парадигматических рядов, для обоих компонентов, которые допускают к тому же еще и синтагматическое варьирование. Оба компонента выступают, например, в рядах: Anerkennung, Unterstützung, Zustimmung finden; in Aufregung bringen, geraten.

С помощью УС анализируемого типа действие может характеризоваться с точки зрения его начинательности или ингрессивности (инхоативности), длительности, результативности, окончания, каузативности.² Рассматривая функционирование УС под углом зрения их аспектуальных значений, можно заметить, что ряд словосочетаний образован глаголами с семантикой начинательности типа beginnen, einleiten, antreten, anbahnen, aufnehmen, eröffnen и др. В формировании общего значения УС участвуют оба компонента, однако значение ингрессивности в глаголе сохраняется. Например: Die Zeit bis zum XI. Parteitag der SED

gilt es zu nutzen, um die Aufgaben zu bestimmen und mit ihrer Lösung zu beginnen.³ Die drei Staaten Indochinas bekundeten erneut den Willen, alles in ihren Kräften Stehende zu tun, um **gutnachbarliche Beziehungen** mit Finnland herzustellen.

Приведенные примеры показывают, что УС с глаголами *beginnen* и *herstellen*, воплощающие в своей функциональной семантике общекатегориальное значение «акциональность», обладают и ярко выраженной видовой семой «ингрессивность» («инхоативность»). Иначе ведут себя в текстах словосочетания с глаголами *kommen*, *gelangen*: Bekanntlich sehen die Vorschläge der UdSSR vor, die nuklearen Arsenale einzufrieren, **mit der Aufrüstung im Weltraum gar nicht zu beginnen** und durch konkrete Schritte zur Reduzierung der Kernwaffen **zu kommen** und schließlich **zu ihrer Abschaffung zu gelangen**.

Для глаголов *kommen*, *gelangen* в целом характерна видовая сема «результативность» («завершенность»), но значение предлога *zu* вносит в семантику словосочетаний оттенок перемены, наступления нового состояния. Наблюдение над этими и другими словосочетаниями с глаголами *kommen*, *gelangen* выявляет, что семантика УС совмещает в себе семы «переход», «результативность» и «инхоативность».

В словосочетаниях рассматриваемого типа с глаголами *erleben*, *genießen*, *beruhen* и др. передаются уже отношения неакционального характера. Например: Frankreich **genießt bei uns hohe Achtung**. Beide Generalsekretäre betonten die Verbundenheit ihrer Staaten, die **auf der gemeinsamen Weltanschauung und der gegenseitigen Achtung beruhen**.

Для этих словосочетаний характерно доминирующее общекатегориальное значение «статальность», лексически конкретизируемое семой именного компонента, а в аспектуально-видовом плане они передают признаки «интенсивность», «длительность» состояния. В исследуемом материале нами выделен ряд УС с каузативными глаголами *fördern*, *zwingen*, *auslösen*, *bewirken*, *hervorrufen*, *stoppen* и др., например: Nach

Abstimmung mit den Regierungen der DDR und der CSSR **würden** die kürzlich begonnenen **Vorbereitungen** zur Stationierung operativ taktischer Raketen **beschleunigt**. Die Auslassungen des Vorsitzenden der CDU/CSU — Fraktion **haben** in politischen Kreisen Frankreichs **Empörung ausgelöst**.

В семантической структуре этих УС четко выступает сема «каузативность», которая находит в каждом случае конкретное проявление.

Изучение семантики словосочетаний позволяет сделать вывод о том, что в общей организации содержания газетного стиля доминирующей оказывается их группировка с общим значением «социальная активность», с которой взаимодействуют и аспектно-видовые значения. Целе-направленная деятельность социального типа, отражению которой служит лексическая семантика обоих компонентов в их взаимодействии, модифицируется в диапазоне газетного содержания в основном как политическая активность. Например: Beide deutschen Staaten **müßten** ihren Beitrag leisten, um **eine Militarisierung** des Weltraums **zu verhindern**. Die Berliner Tagung **möge** der olympischen Bewegung **neue Impulse verleihen** und **die Verständigung** der Völker und ihre Freundschaft **miteinander fördern**.

В первом из приведенных примеров УС присуща видовая сема «законченность», во втором — сема «длительность». Аспектуально-видовая модификация общекатегориального значения «акциональность» вообще переводит его в значение «процессуальность», с которым преимущественно и совмещается видовая сема «длительность».

Таким образом, рассмотренные примеры достаточно убедительно подтверждают мысль о семантико-видовом многообразии потенций, заложенных в УС. Именно словосочетания часто оказываются удобным средством передачи действия с точки зрения его начинательности, завершенности, каузативности, а процесса — с точки зрения его длительности.

¹ См.: Чернышева И. И. Фразеология современного немецкого языка.— М., 1970.— С. 315; ее же: Feste Wortkomplexe des Deutschen in Sprache und Rede.— М., 1980.— С. 126.

² См.: Маслов Ю. С. Система основных понятий и терминов славянской аспектологии // Вопросы общего языкознания.— Л., 1965; Helbig G. Probleme der Beschreibung von Funktionsverfügungen im Deutschen // Deutsche als Fremdsprache.— 1979.— N 5.— С. 281.

³ Здесь и далее приводятся примеры из газеты «Neues Deutschland» за 1985 год.

Л. А. МЕЛЬНИКОВА

КОЛОРАТИВНЫЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ А. С. ГРИНА

Изучение цветообозначений в художественной речи отдельных писателей является удобной моделью, рассмотрение которой приближает исследователя к разгадке «тайны слова» автора, позволяет выявить ряд закономерностей использования эпитетов.

Настоящая работа выполнена на базе сплошного просмотра свыше 14 тысяч атрибутивно-именных словосочетаний, употребленных в пяти произведениях А. С. Грина («Блестящий мир», «Золотая цепь», «Бегущая по волнам», «Дорога никуда», «Автобиографическая повесть»). При этом общая выборка была разделена на три частотные зоны (в соответствии с законом Ципфа), ограниченные следующими порогами валентности*: первая (высокочастотная) зона — свыше 20; третья (низкочастотная) — 1—2; вторая (среднечастотная) — от 3 до 19.

В гриновском семантическом поле «цвета» представлены все основные цвета спектра. Цветообозначения с указанием данных о валентности каждого определения во всех трех частотных зонах приводятся в таблице, где определения расположены в порядке традиционной последовательности цветов в спектре; приводятся также значения следующих показателей, при помощи которых измерялось употребление цветообозначений в художественной прозе А. С. Грина:

$$\text{чистота цвета} = \frac{\text{валентность основного цвета}}{\text{сумма валентности основного цвета и его оттенков}}$$

$$\text{вариативность цвета} = \frac{\text{сумма валентности оттенков основного цвета}}{\text{сумма валентности всех цветов и оттенков спектра}}$$

При сравнении «теплых» и «холодных» цветов спектра между ними наблюдается некоторое равновесие в отношении валентности (68 и 75 соответственно), однако рассмотрение их вариативности показывает преобладание «теплой» цветовой гаммы. Определения, обозначающие оттенки фиолетового цвета, появляются лишь во второй зоне (*лиловый*), однако основной цвет этой подгруппы назван только в третьей зоне (*мертвенно-фиолетовый*, *сине-фиолетово-коричневый*). «Оранжевая» часть спектра располагается также во второй и третьей зонах.

Поскольку природа цвета родственна природе света, т. е. свет согласно законам физики распадается на цветовой спектр, можно с полным правом рассматривать их в одном семантическом поле. В первой зоне — *блестящий* (26), *золотой* (55), *серебряный* (20), во второй — *золоченый* (4), *блестящий* (2), *лучистый* (7), *лунный* (6), *огненный* (14), *озаренный* (9), *ослепительный* (6), *позолоченный* (3), *пылающий* (5), *сверкающий* (10), *сияющий* (4), *солнечный* (10). В это же семантическое поле могут быть включены слова, обозначающие степень интенсивности, насыщенности цвета и света: *темный* (66), *яркий* (31), *светлый* (28), *ясный* (27), *тусклый* (4); степень прозрачности: *прозрачный* (8), *дымный* (3), *дымчатый* (3), *матовый* (4), *зеркальный* (6). Семантическое поле «цвета»

* Валентность — показатель встречаемости в тексте прилагательного в сочетании с разными существительными; частота — встречаемость в тексте этого же прилагательного со всеми существительными, в том числе и с одинаковыми.

Цветовые обозначения в прозе А. С. Грина

Показатели цветовых обозначения	Цвета спектра						
	красный	оранже- вый	желтый	зеленый	голубой	синий	фиолето- вый
Валентность основного цвета	39	2	27	31	31	44	0
Сумма валентнос- ти основного цве- та и его оттенков	66	31	41	36	34	48	11
Сумма валентнос- ти оттенков ос- новного цвета	27	29	14	5	3	4	11
Чистота цвета, %	59	6	67,5	86	91	92	0
Вариативность цвета, %	10,6	11,4	4,9	1,9	1	1,5	4
Оттенки основно- го цвета спектра с указанием ва- лентности	розо- вый 13 алый 6 малино- вый 2 пунцо- вый 2 вишне- вый 1 карми- новый 1 красно- ватый 1 румя- ный 1	ры- жий 18 красно- жел- тый 3 апельси- новый 2 желто- крас- ный 2 рыжева- тый 2 бурый 1 рыжень- кий 1	коричне- вый 8 белова- то-жел- тый 1 бело- жел- тый 1 золотис- тый 1 огненно- жел- тый 1 оливко- вый 1 ярко- жел- тый 1	зелено- ватый 1 дремуче- зеле- ный 1 серо-зе- леный 1 темно- зеле- ный 1 ярко-зе- леный 1	голу- бень- кий 1 грязно- голу- бой 1 лазурно- сталь- ной 1	сизый 3 туман- но-си- ний 1	лило- вый 6 лило- вею- щий 1 мертвен- но-фио- лето- вый 1 сирене- вый 1 темно- лило- вый 1

было бы неполным, если бы в него не были включены ахроматические цвета: *белый* (94), *черный* (92), *серый* (27) и их производные: *стальной* (14), *свинцовый* (1), *снежно-белый* (1), *графитовый* (1), *черненький* (1), а также определения с ограниченной цветовой семантикой: *смуглый* (9), *бледный* (1), *седой* (1), *чернявый* (1). К числу слов с ограниченной цветовой семантикой относятся композиты, которые входят в это поле лишь одной своей гранью, например: *чернокудрый*, *розовощекий*, *рыжеватокудрявый* и т. д.

У каждого писателя есть свои излюбленные цвета. У Паустовского — серый, золотой, синий, черный, желтый; у Горького — синий, голубой, белый, черный, зеленый, серый, золотой; у Лермонтова — бледный, седой, голубой, синий; у Баратынского — седой; у Тютчева — бледный, золотой, златой; у Фета — бледный, голубой, златой¹; у Пришвина — черный, белый, красный, желтый, зеленый, голубой². У А. С. Грина невозможно ограничиться перечислением нескольких определений. Его любимые цвета — все основные цвета спектра, за исключением фиолетового и оран-

жевого, которых нет в первой зоне; это определения первой зоны: *белый, черный, темный, золотой, синий, красный, голубой, зеленый, яркий, светлый, желтый, серый, блестящий, цветной, серебряный*.

В семантическом поле цвета, кроме лексем первой зоны, обозначающих чистый цвет, во второй зоне появляются такие, которые обозначают переходные цвета спектра, оттенки основного цвета, в том числе сложные, например: *алый, апельсиновый, желто-красный, красно-желтый* и пр. Наличие уже в первой зоне основной части спектра, а также контрастов: *белый — черный, светлый — темный, мрачный — ясный* — дает возможность считать А. С. Грина живописцем, воспринимающим и отражающим мир многоцветно. Но в то же время мир Грина не окрашен хаотично разбросанными цветовыми пятнами; это мир «говорящий» и значимый, подчиненный определенным закономерностям авторского творчества. Обилие переходных состояний цвета во второй и особенно третьей зонах характеризует стилистическую и художественную манеру писателя.

Прилагательные, обозначающие цвет, выполняют у А. С. Грина различные функции. Первая и основная их функция — обозначение реально-го цвета предметов. Так, в «Автобиографической повести» значительное место отводится уже в первой зоне основной части спектра, а также контрастов: *воротник (5), костюм (2), матроска (2), вицмундир, «пижама», рубашка, фуражка, китель, даба (ткань)* и т. п.

Используя словосочетание *синий лес*, писатель как бы обращается к живописи: «Вокруг стояли круглые горы, заросшие синим лесом, и, хоть стыдно сознаться, но, когда я прошел верст пять, дикий, мрачный вид этой страны золота посеял во мне наивные надежды» («Автобиографическая повесть»). В этой же функции выступает прилагательное *зеленый* в словосочетании *зеленое дно*: «Шоссе стало поворачивать, огибая лежащий вправо большой холм так, что между горой и дорогой открылась долина с блестящей тонкой чертой реки; от реки вился пар, и зеленое дно долины предстало страннику, как летящей птице» («Дорога никуда»).

К живописующей функции прилагательного *красный* можно отнести его употребление в словосочетании *красный блеск костров*: «Сильное эхо окрестностей сообщало ночью картине скидки характер дьявольской оргии, особенно когда на красном блеске костров, обвеянные дымом и речным паром, мелькали всклоченные черные фигуры» («Автобиографическая повесть»). Здесь Грин использует один из излюбленных своих приемов — прием контраста. В словосочетании *красный блеск костров* прилагательное приобретает дополнительный семантический оттенок — 'способный к свечению, сиянию'. Ср. это же значение прилагательного *зеленый* в словосочетании *зеленое серебро* (лиственных просветов). Прилагательное *красный* выступает у Грина в составе устойчивых словосочетаний: *красное дерево, красный перец, красная рыба, красное вино*.

Цветообозначения характеризуют предметы, окраска которых традиционно связывается с тем или иным цветом, например: *белое лицо*. Иногда здесь имеет место известная символика цвета: «Дым, паруса, корабли, поезда, пароходы, мачты, синий рейд — все было там, и всего было сразу не пересмотреть» («Автобиографическая повесть») — синий цвет в традиционном представлении связывается с морем: *синий* значит *морской*. То же — в случае с *голубым полем*: «Эта гостиница называлась «Суша и море», о чем возвещала деревянная вывеска с надписью желтой краской по голубому полю» («Дорога никуда»).

Особенно ярко авторская символика цвета проявляется в словосочетании *голубой свет*: «При чужом человеке, естественно, самое прекрасное должно прятаться. Там что-то мелькает, вспыхивает, звенит — казалось ему, там плачут от смеха и летают среди улыбок таинственные существа, озаренные голубым светом». Здесь *голубое* значит *прекрасное*.

Н. Д. Беляева, говоря о переносных значениях прилагательного *голубой*, отмечает, что оно «используется для обозначения качеств нравственно высоких: благородный, возвышенный, чистый, спокойный. Чаще всего

прилагательное *голубой* в переносном значении обозначает что-то яркое, радостное, приятное. И тогда у слова *голубой* часто появляется поэтическая стилистическая окраска, которая определяется контекстом»³. Символическое значение прилагательного *голубой* отражено в языке наличием устойчивого сочетания *голубые мечты*, где прилагательное выступает «символом мечты человека о чем-то радостном, приятном и счастливом»⁴. В этом же значении употреблены Грином сочетания *голубой день*, *голубой зигзаг*.

Прилагательное *желтый* (валентность 27, частота 35) употреблено писателем в двух значениях: 1. в прямом, 'цвет'; 2. 'золотой, блестящий, сверкающий, горящий': *желтые руки* (6), *платье* (6), *краска*, *лицо*, *точка* (2), *батареи*, *ботинки*, *вино*, *домино*, *платок* (1) — употреблены в первом значении. Использование прилагательного во втором значении представляет особый интерес, поскольку оно не является для Грина окказиональным.

«Во тьме красный и желтый огонь, застилая звезды, указывал движение парохода» («Блистающий мир»). Здесь прилагательное *желтый* употреблено в первом значении, так как в предложении содержится противопоставление красного и желтого огня.

«Меж тем стало светать; первое усилие дня, намечающего свой путь в бурной громаде ночи, окружило желтое пятно лампы серым утренним беспорядком...» («Блистающий мир») — в этом примере прилагательное совмещает в себе оба значения. Здесь также проявляется художественная манера писателя живописать картины увиденного, обогащая их внутренним состоянием человека. Контраст цвета (*желтый* и *серый*) усиливается благодаря наличию второго значения прилагательного *желтый*.

«...Странное явление опрокинуло все ее внимание на круг световой пыли, неподвижно стоящей прямо под ней фосфорическим туманным узором; по полу с медленностью мух бродили желтые и красные точки» («Блистающий мир») — прилагательное *желтый* здесь соседствует с *красный*. Оба прилагательных обозначают цвет огня, т. е. помимо непосредственного цветового значения в них присутствует значение 'блестящий, сверкающий, горящий'.

«Зрочки были черны и блестящи, как у всех нас, но не было в них той трепетной желтой точки, какая является, если против лица сияет огонь...» («Дорога никуда») — в этом случае *желтая точка* означает 'отраженный свет (в глазах)'. Эпитет *трепетная* очень убедительно передает впечатлительное отраженного живого огня, т. е. динамику.

«Внизу свободно раскинутыми петлями лежала сияющая желтая цепь якорной толщины, каждое звено которой было, вероятно, фунтов в двадцать весом» («Золотая цепь»). В приведенном примере *желтая цепь* обозначает одновременно *золотая цепь*.

Контекст предоставляет писателю большие возможности для открытия в словах новых семантических оттенков. Например, *желтый узор роз*: «...внизу, на золоченой решетке, обходящей три стены, вился желтый узор роз» («Золотая цепь») — желтые розы вились, образуя узор, розы вились, образуя желтый узор.

В третьей зоне семантическое поле цвета, кроме определений со значением цвета и его оттенков, включает в свой состав определения, которые лишь частично обладают цвето-световой семантикой (*багроволицый усач*, *белогривая лошадь*, *белозубые рты*, *золотообрезный том*, *чернокудрая Целестина*). В этой зоне большое количество сложных прилагательных, отображающих оттенки цвета и сложные цвета (*беловато-желтый*, *грязно-голубой*, *желто-черный*, *золотисто-серый*, *сине-фиолетово-коричневый*, *снежно-белый*). Большинство сочетаний с определениями этого поля обычны, стандартны, обладают несложной семантикой (*оливковый бархат*, *пепельный цвет*, *сиреневый оттенок* и др.).

В словосочетании *меловое мелькание сабель* (валентность и частота 1) заключена сложная метафора. Возможна следующая интерпретация: мелькание сабель в холодном свете, при котором не видно металлическо-

го блеска сабель, а только их почти белый цвет → цвет мела, при полном отсутствии блеска: «Застыв, прижалась Тави к стене, с поднятой для защиты рукой; изнемогая от страха, стала она кричать, в то время как паника и грохот лошадиных копыт вместе с меловым мельканием сабель кружились кругом нее, подкашивая колени» («Блистающий мир»). Более широкий контекст подтверждает наше предположение: действие происходило среди тьмы: «Было темно, как человеку с завязанными глазами: ни звезд, ни луны; редкие фонари окраины мерцали издали...» («Блистающий мир»). В этом случае мы сталкиваемся с характерным для А. С. Грина сложным приемом точной передачи цвета.

Свето-цветовая характеристика незрительных ощущений дается также в словосочетании *графитовый полусвет сна*: «Я иду где-то, замечая тень или человека, скользящего высоко вверху, во всей странности подобного лицезрения; иные формы, иные положения той встречи смутно выделяются одна из другой в графитовом полусвете сна; и я не знаю — мое ли яркое впечатление о том вводит всю муть в формы отчетливых сцен, было ли то мне рассказано или случилось со мной» («Блистающий мир»). В словосочетании *графитовый полусвет* второе слово как бы опровергает первое. Прилагательное *графитовый*, как и *меловой* в предыдущем словосочетании, обозначает цвет с отсутствием блеска, цвет субстанции, не отражающей и не пропускающей свет. Однако этим качеством наделен полусвет. К тому же половинное качество определено полным. На первый взгляд, абсурдное сочетание, но по сути яркий, убедительный образ, заданный сложной метафорикой. Синонимами прилагательного могли бы быть *темный*, *мрачный*, однако более образно и «непонятно» — *графитовый*.

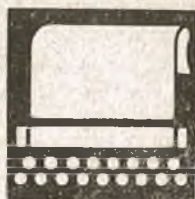
Таким образом, употребляя колоративные прилагательные, отражающие как все цвета спектра, так и значительное количество разнообразных переходных оттенков того или иного цвета, А. С. Грин добивается чрезвычайно точной, исчерпывающей по сути и поэтической по форме передачи цвета. Для атрибутивных сочетаний, в состав которых входят прилагательные, обозначающие цвет, характерна яркая метафоричность, их употребление часто подчинено одной из «сверхзадач» писателя — отображению внутреннего мира человека во всей его полноте и сложности.

¹ См.: Попов К. Особенности языка и стиля «Сказок об Италии» М. Горького // Годичник на Софийския университет.— 1976.— Т. XIX.— Кн. 1.— С. 165.

² См.: Удалова Л. И., Давыдова О. А. Колоративные прилагательные в повести-поэме М. М. Пришвина «Женьшень» // Очерки по стилистике русского языка: Науч. тр. Курск. пед. ин-та.— Курск, 1974.— Т. 30.— Вып. 1.

³ Беляева Н. Д. Семантико-стилистическая характеристика прилагательных *голубой* и *серый* в творчестве И. Ильфа и Е. Петрова // Русский язык и методика его преподавания в Армянской ССР: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 1.— Ереван, 1977.— С. 118.

⁴ Там же.

Л. П. САЕНКОВА

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ СИСТЕМНО-ЦЕЛОСТНОГО АНАЛИЗА ФИЛЬМА В СОВРЕМЕННОЙ КИНОКРИТИКЕ

В истории кинокритики прошли апробирование различные методы анализа произведений, в том числе семиотический, структурный, морфологический. Кинокритиков нередко упрекали в том, что многим их рецензиям не хватает кинематографичности, чувства фильма, что они не охватывают всех сторон, всех компонентов сложного синтетического целого. Преодолеть такую односторонность поможет, как нам кажется, системно-целостный анализ. На наш взгляд, он заключается в следующем. Анализ фильма должен происходить на двух уровнях: макроструктурном и микроструктурном. На макроструктурном уровне фильм анализируется во взаимосвязи со средой, исследуются эстетические особенности функционирования фильма вовне. На микроструктурном уровне фильм анализируется во взаимодействии внутренних элементов, в обязательном выявлении их взаимосвязи. Фильм может исследоваться на уровне кадра, образа, композиции, жанрово-стилистического, идейно-тематического единства. Но это как бы горизонтальный срез. В основе вертикального среза лежит авторское видение, восприятие мира. На этом этапе системно-целостного анализа как бы соединяются познание произведения и познание личности автора. Последнее определяет познание ритмического, композиционного единства произведения, организации пространства, времени, драматургического построения целого, звуко-зрительного синтеза.

В качестве примера можно привести анализ фильма белорусского режиссера В. Рыбарева «Чужая вотчина» в рецензии кинокритика Е. Стишовой «Время по вертикали» (Искусство кино. — 1984. — № 5). Вначале критик рассматривает этот фильм как бы извне, в контексте проблем художественной культуры. Основная проблема — ярко выраженное историческое сознание. Действительно, в конце 70-х — начале 80-х годов в нашем искусстве появляются произведения, которые являют особый тип отношений со временем, Историей. Произведения эти как бы воплощают в художественной форме, материализуют эмоциональную память. Вспомним прозу В. Быкова, документальный цикл С. Алексиевич, живопись М. Савицкого. У этих художников обостренное восприятие истории, событий эпохального значения выражается в выявлении своего, субъективного отношения к народной истории, в желании соединить память о времени со своим присутствием в этом времени. Присутствие во времени — не значит присутствие автора в виде какого-нибудь персонажа. Присутствие во времени — значит активное нравственное отношение ко времени. Вот такое авторское «участие» в событиях прошлого помогает по-новому воздействовать на развитие эпического жанра в искусстве.

В фильме «Чужая вотчина» режиссер, показывая эпоху, не ограничивается исторически правдивым изображением событий. И личность свою скрывать не хочет — с высоты своего исторического опыта он эстетически и нравственно вмешивается в события. Такая тенденция даже обозначена

термином «новая эпичность». Критик, начиная с обрисовки такой тенденции, как бы расширила границы фильма, сделала его более объемным, стереоскопичным.

Подробно анализируя необычную поэтику фильма, Е. Стишова рассматривает ее в контексте кинематографического процесса, тем самым выявляя родословную такой тенденции в кинематографе. У основания этой тенденции — эпический кинематограф 20-х годов и поэтический кинематограф 50-х — 60-х годов. Таким образом, фильм предстает как часть единой системы художественной культуры. Но это лишь внешний уровень системно-целостного анализа.

Критик рассматривает внутреннее единство фильма. Поскольку взаимоотношения автора с исторической действительностью являются главной сюжетной пружиной повествования, то важно выяснить, как реагирует структура фильма на такое поведение автора. Авторский взгляд (и не просто взгляд, а соизмеримость своего «я» с Историей) сказывается во всем. И прежде всего в передаче движения времени, которое свободно переходит из прошлого в настоящее, из настоящего вот-вот перейдет в будущее. Но будущим оно является для героев фильма, а для нас, зрителей, настоящим. Значит, герои фильма, пройдя через временные пласты, станут нашими современниками. А мы, в свою очередь, переносимся из своего настоящего времени во время фильма, оказываясь участниками Истории.

Такая организация времени диктует соответствующую организацию пространства. Методологической основой рецензии является рассмотрение художественного хронотопа, воплощающего историческое время-пространство. Критик видит фильм как единый образ времени и показывает, как этот образ создается. Организация пространства подчинена идее безграничности. Оно строится так, что часть его как бы обрывается в зрительном зале. Мы, зрители, опять оказываемся внутри пространства фильма. А это опять сопряжено с авторской установкой, о которой мы уже говорили. Более того, автор достигает высокой степени художественного обобщения. Маленькая белорусская деревня оказывается частью Вселенной и сама по себе становится планетой, на которой частные судьбы разыгрываются как вселенские.

Хронотоп фильма в значительной мере определяет ритм, композицию произведения, его изобразительную стилистику, звуко-зрительную среду. Все вторит авторскому замыслу, абсолютно точно передает реальности. Фильм и воспринимается как цельный кусок реальности, перенесенный на экран прямо из жизни.

Анализируя форму, критик анализирует содержание и наоборот. Все художественные элементы рассматриваются во взаимосвязи и соподчиненности, в контексте единой художественной системы. Внутренняя структура фильма представляет собой динамичную систему. Таким образом, благодаря системно-целостному анализу фильм предстает как единый живой организм.

Пример этот не единственный. В последнее время критики все чаще и чаще обращаются к данному методу. Это характерно для творчества Ю. Богомолова, В. Демина, М. Туровской, Н. Зоркой. Элементы системно-целостного анализа использованы в рецензиях на фильм режиссера В. Турова «Люди на болоте» (Е. Бондарева «Ад рамана да кінафільма» — ЛІМ. — 1981, 4 верасня; Л. Павлючик «Кинопоэма о Полесье» — Правда. — 1983, 24 августа). Фильм анализируется во взаимосвязи внешних и внутренних характеристик. Только теперь во внимание принимаются литературная основа, художественный контекст и книги Мележа, и фильма Турова, закономерность появления такого фильма в творчестве режиссера. Исследование внутреннего мира фильма начинается с исследования авторского мира. А ведь образ автора здесь подобно рентгеновским лучам проникает во все составляющие произведения. Он связывает события и персонажи единством нравственного отношения к жизни. Именно взглядом автора определяется организация многочисленных элементов картины.

Системно-целостный анализ позволяет исследовать художественное произведение, опираясь на законы искусства, соответствует предмету исследования. Фильм — это своего рода микромир, где критерием «измерений» служат тип и характер взаимодействия выразительных элементов.

Одна из насущных задач кинотеории — на основе изучения опыта системно-целостного анализа, применяемого кинокритикой, создать теорию такого анализа. Она вооружит критику методикой и инструментарием, которые ей сегодня жизненно необходимы.

ЖАНР-ГИБРИД

(о проблемах взаимодействия спортивного отчета и репортажа)

Каждый день в республике, стране, мире происходит множество различных спортивных событий. Рассказывая о них, журналисты часто и охотно прибегают к жанру отчета и репортажа.

Оставаясь самостоятельными жанрами, отчет и репортаж, однако, не могут не иметь точек соприкосновения. Это тем более очевидно, если принять во внимание, что «советский репортаж ведет свое происхождение от рубрики «Впечатления», являвшейся первоначально одним, хотя и специфическим видом отчета»¹. Поэтому в репортаже и сегодня обстоятельно освещаются существенные стороны объекта, отображаются действия. В отчете также передаются существенные стороны объекта изображения. Журналисты выбирают из имеющегося большого материала наиболее значимое, важное, типичное. К публицистической тональности фактов добавляются собственно авторские аналитические конструкции.

С другой стороны, как отмечает исследователь Е. Прохоров, «отчет, интервью и репортаж четко разграничены по предмету, и это неоднократно отмечалось. Но не менее важно и другое: моментное состояние ситуации как модификация общепублицистического предмета предопределяет для всех событийно-информационных жанров общее свойство — репортажность, т. е. такое сообщение о событии, которое содержит фабульное повествование о нем, передает характерные детали, складывающиеся в цельную картину явления. И чем ярче репортажность интервью и отчета (речь идет, конечно, не об официальных интервью и отчетах, представляющих собой политические документы), тем активнее и полнее они восполняют свою роль в публицистическом ориентировании»².

В отчетах на спортивные темы репортажность часто заявляет о себе динамичным описанием события, показом различных его сторон, документальностью, точной достоверностью фактов, эпитетами, метафорами. Причем, средства эти не разрознены, не случайны. Они соответствуют всей структуре публикации, ее содержательному наполнению: развитию мысли, изложению фактов, отбору и передаче деталей.

Процесс взаимодействия отчета и репортажа в их традиционных видах продолжается. Особенно сильно ассимиляция репортажем и отчетом элементов друг друга заметна при подготовке материалов со спортивных соревнований. Все чаще на страницах газет, наряду с отчетом и репортажем в их традиционном виде, появляются публикации, которые сложно назвать однозначно «отчетом» или «репортажем». Образовалось особое направление, свойственное только спортивной журналистике, в которой публикации с соревнований занимают много места.

Смешение жанров интуитивно почувствовали практики. Нередко одну и ту же публикацию один и тот же журналист называет то «отчетом», то «репортажем». К примеру, обозревая газету «Горьковская правда», рецензент пишет: «**Репортажами** (выделено нами — В. Г.) и хроникой соревнования некоторые органы печати и ограничивают свое участие в освещении физкультурно-спортивной тематики. И рядом, «на странице опубликован **отчет** (выделено нами — В. Г.) об очередном матче по хоккею с мячом»³. Газета «Советский спорт» пишет: «Мы разыскали номер от 23 ноября 1924 года, в котором был помещен **отчет** (выделено нами — В. Г.) о первом матче сборной СССР». И рядом — фотография газетной страницы 60-летней давности с этим отчетом. Но в текстовке под фотографией уже читаем: «Так выглядит **репортаж** (выделено нами — В. Г.) в «Красном спорте» о первой игре советской сборной...»⁴. Налицо явная неопределенность в жанровой принадлежности материала.

Почему же один и тот же материал называют по-разному? Думается, не потому, что журналисты-практики не знают дифференциации жанров. Это скорее свидетельство ярко выраженной специфики публикаций со спортивного соревнования, т. е. своеобразная форма постижения и оформления конкретного материала.

Проблема взаимопроникновения жанров — это естественный процесс. Взаимопроникновение друг в друга элементов отчета и репортажа при подготовке материала со спортивного соревнования достигло столь высокой

степени, что, на наш взгляд, образовался новый жизнеспособный вариант, сложилось устойчивое гибридное образование.

Известный репортер Л. Колодный пишет об этом так: «И применяя репортерский метод, рассказывая о встречах с интересными людьми, мы, по-своему, правда, решаем ту же задачу, что и очеркисты. Иногда даже трудно сказать, что получилось — репортаж или очерк, а возможно, и то, и другое: «репортаж-очерк»⁵. Такого же мнения репортер В. Евсеев, который также пользуется двойным наименованием «репортажи-отчеты со... спортивных праздников»⁶.

Процесс взаимного обогащения жанров происходит безостановочно. Элементы репортажа и отчета взаимодействуют и взаимопроникают, обогащая друг друга и лишняя раз подтверждая известную истину — любой жанр трудно уложить в прокрустово ложе жанровой классификации. Более того, эволюционируют самые признаки жанров.

Конечно, говорить о новом жанровом образовании, органически сочетающем в себе признаки и отчета, и репортажа, еще рано. При соединении отчета и репортажа что-то теряется одним жанром, например, отчетом и приобретает другим — репортажем, и наоборот. Потери и приобретения в каждом конкретном случае различны. Они зависят, прежде всего, от мастерства журналиста, от задачи, стоящей перед ним, ряда других причин. Все это вместе взятое и порождает в спортивной журналистике своеобразные объединения, союз отчета и репортажа. Это, конечно, не идеальные модели. Характеризовать их трудно, ибо выбор конкретной классификации предполагает устойчивость тех или иных жанровых компонентов. Однако такое соединение лишняя раз доказывает гибкость средств массовой информации.

Жанры, как известно из теории печати, отличаются друг от друга по совокупности четырех признаков. Как же выглядят в этом отношении отчет и репортаж со спортивного соревнования? Что приводит к тому, что в печати все чаще встречаются материалы, органически сочетающие в себе признаки обоих жанров?

Начнем с первого признака — характера объекта, предмета познания. У обоих жанров он одинаков — конкретное событие, например, футбольный или хоккейный матч, соревнования по легкой атлетике или фехтованию, словом, по любому виду спорта. Правда, предмет этот специфический. Если в других видах отчета действие отображается в словах, то в этом — в динамике. Причем, отображаемым предметом становится даже не спорт вообще, а спортивное соревнование. Динамичность, острозюжетность события требуют и динамичного сообщения о нем, живого рассказа о его ходе и развитии. Такое же требование предъявляется и к репортажу, предмет которого — событие, отображающее момент изменения, развития действительности. Это событие (в нашем случае — спортивное состязание) получает наглядное отражение, которое является результатом непосредственных наблюдений журналиста, осмысленных им под определенным углом зрения. Здесь отчет перекликается с репортажем. Ведь и тот, и другой жанр призваны, прежде всего, отражать ход динамичных событий, зачатую полных драматизма. Указание времени, когда свершилось событие, описание обстановки, в которой оно происходило, и другие атрибуты события передаются и в репортаже, и в отчете с абсолютной точностью. Документальная точность здесь крайне необходима обоим жанрам. Отсюда и точки соприкосновения, и возможность создания смешанного жанра. Поэтому в спортивном отчете, как и в спортивном репортаже, как правило, дается наглядное представление о событии через непосредственное восприятие его автором.

Вторая характеристика жанра — конкретное его назначение. И здесь мы находим много общего. Назначение отчета — сообщить читателям о событии, его ходе и развитии так, чтобы дать достаточно полное представление о значении описываемого. Перед автором отчета стоит задача рассказать о состязании так, чтобы читатель понял закономерность итогов спортивной борьбы, узнал о них все существенные подробности, ощутил эмоциональный накал состязания. Это, конечно, не означает, что журналисту необходимо пересказать ход соревнования с начала и до конца. Нет, стенографическая запись соревнования не нужна. Зато нужна не просто констатация фактов, а их осмысление. Необходимо высказать свое мнение об увиденном, свое отношение к нему. А это приближает отчет к репортажу.

Задача автора репортажа — рассказать о соревновании как его очевидец, свидетель. Сделать это требуется так, чтобы читатель наглядно пред-

ставил себе состязание, как бы сам увидел то, о чем сообщает репортер.

Задачи, как видно, очень близкие. И в репортаже решение достигается схожим путем, т. е. не просто пересказом, а осмыслением увиденного, динамичным, живым рассказом.

Близость целей и создает возможности для глубокого взаимопроникновения, для смешения жанров. Стремясь усилить воздействие своего выступления, автор отчета о спортивном соревновании показывает обстановку, в которой оно проходит, рассказывает о впечатляющих подробностях, деталях и т. п. Нужный эффект достигается путем насыщения материала репортажными элементами, которые передают динамичность предмета отображения. Таких элементов в отдельных публикациях встречается довольно много. Репортажем такой материал назвать еще нельзя, но и рамки отчета ему уже узки. Подобные публикации, на наш взгляд, следовало бы относить к гибриднему, смешанному типу.

Схожая специфика предмета отображения в отчете и репортаже со спортивного соревнования, общность задач и приводят порой к написанию материала, органически сочетающего приметы обоих жанров.

Третий признак, по которому дифференцируются жанры, — масштаб охвата действительности, широта ее освещения и соответственно масштаб выводов и обобщений. Указанный признак позволяет выявить степень проникновения автора в глубину, в существо затрагиваемой проблемы. И в отчете, и в репортаже со спортивного соревнования автор высказывает свое мнение о происходящем событии, пытается выяснить причины неудачи одного спортсмена и успеха другого, дает оценку увиденному, размышляет. И здесь налицо один и тот же масштаб охвата действительности, выводов и обобщений. Такое совпадение также дает реальную почву для взаимопроникновения структурных элементов жанров.

Жанры разнятся и по характеру литературно-стилистических средств, композиционно-стилистическим особенностям. И отчет, и репортаж «строятся» в соответствии с темой, содержанием, методом отображения действительности и т. п. Правда, утверждается, что «композиция газетного и журнального репортажа носит значительно более свободный характер, чем, например, в отчете. Разумеется, и в репортаже последовательность элементов рассказа о событии чаще всего соответствует последовательности этих элементов в действительности. Но при необходимости автор может отказаться от этого соответствия, вынести вперед более поздний момент события, например, начать репортаж с описания финала»⁷.

В целом композиция репортажа со спортивного соревнования, безусловно, «раскованнее», чем у отчета об этом же событии. Однако в последние годы и отчеты о различных турнирах порой «строятся» в свободной последовательности. Никого теперь не удивляет, когда в газетном отчете репортер вначале сообщает итоги соревнования, называет его отличительные особенности и только затем напоминает об основных деталях события, восстанавливая в хронологическом порядке картину действий.

Специфика репортажа проявляется и в его стиле. Наглядность репортажных материалов, стремление спортивного журналиста показать читателям то, о чем он сообщает, обусловливает и выбор стилистических средств. Неслучайно авторы репортажей охотно используют яркие эпитеты, образные сравнения, метафоры, прямую речь. Эти образные средства активно используются и в отчетах.

Итак, сравнивая по совокупности признаков репортаж и отчет со спортивного соревнования, мы находим в отдельных материалах много общего. По ряду характеристик эти публикации можно отнести и к одному, и к другому жанру.

Что же касается соотношения элементов отчета и репортажа в таких материалах, то здесь просматривается такая закономерность: чем динамичнее событие, тем, как правило, больше репортажных элементов. Если же событие более статично, то в публикации больше элементов отчета.

¹ Варустин Л. Э. Тайны газетной строки.— Л., 1971.— С. 179.

² Прохоров Е. П. Публицист и действительность.— М., 1973.— С. 292.

³ Распевин К. В добрый путь, «Стадион»! // Журналист.— 1980.— № 4.— С. 19.

⁴ Советский спорт.— 1984, 16 ноября.

⁵ Колодный Л. По московскому меридиану // Журналист.— 1984.— № 4.— С. 37.

⁶ Евсеев В. Репортер изменяет профессии? // Журналист.— 1980.— № 2.—

С. 34.

⁷ Жанры советской газеты.— М., 1972.— С. 120.

В. В. РЕВИЦКИЙ, И. П. БОНДАРЕНКО

ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ ВЕРОЯТНОСТНОМУ ПРОГНОЗИРОВАНИЮ ЗНАЧЕНИЙ ИСКОННО РУССКОЙ ЛЕКСИКИ

Основным показателем уровня речевой компетенции при овладении любым иностранным языком является, как известно, объем словарного запаса учащихся. В силу этого задача расширения словаря иностранных студентов, изучающих русский язык, является одной из важнейших при любой форме обучения (полной, включенной, краткосрочной). Но особенно актуальна эта проблема для преподавателей, обучающих русскому языку студентов-нефилологов и зарубежных аспирантов. Эта категория учащихся испытывает наибольшие затруднения, поскольку недостаточный словарный запас тормозит процесс овладения полным объемом знаний по их будущей специальности как при слушании лекций, так и при самостоятельном изучении специальной научной литературы на русском языке.

Как показала практика, довольно эффективным способом расширения словарного запаса иностранных учащихся является обучение их различным видам языковой догадки (т. е. вероятностному прогнозированию значений незнакомых русских слов). Существует ряд объективных факторов, обеспечивающих результативность такого рода учебной подготовки студентов.

1. Сравнительно четкая словообразовательная система русского языка, позволяющая выделить наиболее частотные и продуктивные способы и типы словообразования, а также относительная устойчивость основных словообразовательных значений русских аффиксов.

2. Открытость лексической системы и демократичность русского языка, позволяющие ему активно обогащаться за счет заимствований из других языков и интернационализмов. Как известно, интернациональный фонд лишь общеупотребительной русской лексики и общераспространенных терминов составляет свыше 20 тысяч единиц, что, по мнению Л. В. Щербы, намного облегчает изучение иностранных языков русскими, и соответственно — русского языка иностранцами.¹

3. Наличие реального русскоязычного окружения, которое обеспечивает многоканальность (носители языка, радио, телевидение, пресса, «тексты улиц») поступления языковой информации и возможность активной самостоятельной работы учащихся по накоплению и семантизации новой лексики, а также позволяет незамедлительно проверить на практике правильность усвоенного лексического значения.

В круг проблем, связанных с языковой догадкой, входят вопросы, которыми занимаются психология (механизм догадки), лингвистика (виды языковой догадки, анализ эвристически усваиваемой лексики) и методика (приемы и способы формирования навыков языковой догадки). В литературе по этим вопросам не существует как единой точки зрения на феномен догадки, так и единства терминологии, характеризующей данный процесс (ср.: языковая и речевая догадка, языковое чутье, язы-

ковая интуиция, «импринтинг», инсайт, вероятностное прогнозирование, антиципация и т. п.). Но поскольку наша статья носит прикладной характер, мы не будем заострять внимание на этой проблеме и в качестве отправной примем общую как для лингвистики, так и для методики точку зрения, в соответствии с которой выделяются и поддаются целенаправленному формированию три вида языковой догадки: словообразовательная, контекстуальная, контекстуально-ситуативная. Эвристическое усвоение семантики слова в первом случае базируется на словообразовательном анализе новой лексемы: *подоконник* — *окно*, *подлокотник* — *локоть*, *подстаканник* — *стакан*. Во втором случае «узнавание» значения нового слова осуществляется в результате анализа контекста (главным образом на уровне предложения (фразы)). Однако произойти это может лишь при наличии двух условий. Во-первых, все остальные слова в предложении или фразе должны быть уже знакомы учащемуся. А во-вторых, их семантика в какой-то мере должна указывать на лексическое значение неизвестного (*корова, лошадь, собака, кошка* — *домашние животные*, а *тигр, лев, жираф* — *дикие*. *Рот* есть только у человека, у птиц — *клюв*, а у животных — *пасть*). Семантизация лексического значения нового слова в третьем случае происходит в результате анализа контекста и описываемой ситуации, которая учащемуся знакома из его жизненного опыта (На уроке географии учитель подошел к доске, на которой висела карта, и указкой **показал**, где находится Сибирь. По-весеннему засветило солнце, и снег быстро начал **таять**. Цветы стояли в вазе очень долго и **увяли** лишь через месяц.).

К этому же виду языковой догадки относится и процесс семантизации новой лексики с помощью анализа предметного контекста, под которым понимается возможность непосредственного соотнесения в условиях языковой среды названий предметов с самими предметами, обозначенными данными названиями. Например: названия продуктов питания в магазинах обычно всегда указаны на ценниках, выставленных рядом с этими продуктами.

В целях активизации процесса эвристического накопления лексики необходима планомерная и систематическая работа преподавателя по формированию у учащихся всех трех видов языковой догадки.

Для отработки навыков словообразовательной догадки используются упражнения и задания, развивающие у учащихся способности словообразовательного анализа незнакомой лексики как при чтении, так и при аудировании. Система таких упражнений в методике русского языка как иностранного в какой-то мере уже разработана, а поэтому мы ограничимся лишь кратким ее изложением. Так, Н. Г. Большакова для начального этапа обучения этому виду догадки предлагает следующие задания:

1. Прочитайте существительные, назовите глаголы, от которых они образованы: *строитель, житель, писатель, читатель*.

2. Определите общие корни в существительных, данных в задании 1, и глаголах, от которых эти существительные образованы.

3. Найдите суффиксы в существительных, данных в задании 1.

4. Вспомните другие, уже известные вам слова с суффиксом *-тель*.

5. Прочитайте предложение, в котором содержится незнакомое вам слово с суффиксом *-тель*: «Мой друг — большой *любитель* классической музыки». Сравните слово «любитель» с известным вам глаголом «любить». Сопоставьте значение и форму слова «любитель» с известными вам словами с суффиксом *-тель*. Определите на основе этого сопоставления значение незнакомое вам слова². По такой же схеме может строиться работа и над другими продуктивными суффиксами и префиксами русского языка: *-тор, -ение, -ание, -ость; пере-, раз(с)-, под-* и т. п.

Усвоив таким образом основные словообразующие значения наиболее продуктивных аффиксов и схемы, по которым создаются производные слова в русском языке, учащиеся впоследствии смогут применять эти знания на практике при самостоятельном чтении или аудировании оригинальных текстов.

В дальнейшем такого рода работу рекомендуется проводить на словообразовательных аффиксах. Отечественной методикой уже накоплен определенный опыт такой работы, в частности с будущими специалистами в области горного дела, с медиками и биологами³.

Значительно менее разработана система заданий, формирующая у учащихся навыки контекстуальной и контекстуально-ситуативной догадки. Мы полагаем, что для развития этих навыков могут быть использованы отдельные упражнения или блоки упражнений со следующими предварительными установками:

1. Прочитайте предложения, в которых подчеркнуты незнакомые вам слова. Исходя из содержания уже известных вам слов, попытайтесь догадаться о значении нового слова.

2. Попробуйте догадаться о значении незнакомого вам обобщающего слова в следующих предложениях.

3. Определите значение незнакомых слов в предложениях с помощью анализа контекста и ситуации общения (или описываемой ситуации).

4. Анализируя ответы (три ответа), определите значение незнакомого слова, содержащегося в вопросе (один вопрос).

5. Определите, какое значение имеет слово (...) в каждом из двух диалогов.

6. Определите по контексту основные значения слова (...).

7. Путем анализа контекста и описываемой ситуации определите значение словосочетаний в следующих предложениях. Объясните назначение предметов, которые данными словосочетаниями обозначены.

Для обучения прогнозированию возможного содержания коммуникативного акта, в целях восприятия общего смысла высказывания, а также для установления приблизительного значения незнакомых слов рекомендуется использовать задания типа:

1. Ответьте на вопрос, где и в какой ситуации можно услышать следующие диалоги...

2. Сформулируйте вопросы, на которые могут быть получены следующие ответы...

3. Ответьте на вопрос, какие из прилагательных, данных в скобках, могут сочетаться со следующими существительными...

4. Определите, на какой из вопросов (три вопроса) нельзя ответить следующим образом (один ответ)...

5. Ответьте на вопрос, о чем может идти речь в газетных статьях и заметках, которые озаглавлены следующим образом...

6. По контексту и описываемой ситуации определите значение незнакомых слов в следующих диалогах... В целях проверки правильности понимания вами общего содержания диалогов после каждого из них приводятся три предложения, формулирующие главную мысль диалога. Из них лишь один вариант правильный. Установите, какой именно.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что правильно организованная и согласованная с общей программой обучения русскому языку работа преподавателя по формированию навыков языковой догадки и обучение межъязыковому отождествлению лексем незамедлительно скажутся на расширении коммуникативных возможностей иностранных учащихся и позволят им в более полном объеме овладеть практическими и научными знаниями в области своей будущей специальности.

¹ См.: Щерба Л. В. Транскрипция иностранных слов и собственных имен и фамилий // Избранные работы по языкознанию и фонетике.— Л., 1958.—Т. 1.

² Большакова Н. Г. Развитие языковой догадки в процессе работы над учебными текстами // Лингвометодические проблемы обучения русскому языку студентов-иностранцев.— М., 1983.

³ См.: Ким Л. К. К вопросу о составлении картотеки словообразований, словосочетаний в языке горных специальностей. (Из опыта работы Московского горного института) // Русский язык для студентов-иностранцев.— М., 1974.— Вып. 14; Хватов С. А. Терминологическое словообразование в преподавании русского языка как иностранного // Русский язык для студентов-иностранцев.— М., 1983.— Вып. 22.

О НЕКОТОРЫХ ФОРМАХ И МЕТОДАХ РАБОТЫ СО СТУДЕНТАМИ-ЗАОЧНИКАМИ ПО ИЗУЧЕНИЮ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

В последние годы все больше внимания уделяется интенсификации учебного процесса. Разработано немало эффективных приемов обучения иностранному языку, однако далеко не все они пригодны для работы со студентами-заочниками, ибо основным видом занятий является самостоятельная работа над учебным материалом, на которую отводится около 75 % всего времени, предназначенного для изучения иностранного языка.

Самостоятельная работа включает не только индивидуальную работу по выполнению определенных заданий. Это еще и умение студента усваивать знания, творчески подходить к тому или иному аспекту изучения языка. В этом смысле исключительное значение для заочников имеет установочная сессия, на которой преподаватели помогают студентам правильно организовать работу в межсессионный период, разъясняют, как распределить время при изучении отдельных этапов программы, организуют повторение изученного в школе грамматического и лексического материала. На установочных занятиях студенты приобретают практические навыки самостоятельной работы.

При работе с грамматическими явлениями выделяется то основное и главное, что составляет специфику иностранного языка сравнительно с родным. В первую очередь обращается внимание на особенности грамматического строя немецкого языка в сравнении с русским, в том числе на порядок слов в вопросительных и повествовательных предложениях, на употребление артикля. Для самостоятельной работы рекомендуются подбор примеров из читаемой литературы на заданную грамматическую конструкцию или правило, составление лексических и грамматических таблиц и др.

Для преодоления лексических трудностей студентам даются задания по освоению практических навыков работы с многозначными словами. Под руководством преподавателя они самостоятельно обучаются выявлять значения таких слов в контексте (при этом наряду с общими заданиями студенты получают индивидуальные карточки), распознают интернациональные слова, а также приучаются делать частичный перевод по ключевым словам на основе формальных данных. С помощью семантического анализа составных элементов слова они учатся раскрывать его значение.

На установочных занятиях студенты усваивают правильный подход к переводу, выделяя сначала синтаксические-смысловые единицы, основные и второстепенные, а затем именно в этом порядке, а не построчно, ищут новые слова в словаре.

Немаловажное значение для самостоятельной работы студента по переводу имеет правильное пользование словарем. Задача преподавателя — научить студентов основным правилам этой работы. Однако методической помощи студентам в период установочной и экзаменационной сессий недостаточно. Поэтому одной из форм связи преподавателя со студентом, основным средством руководства самостоятельной работой заочника по изучению иностранного языка, формой проверки усвоения им грамматического и лексического материала являются устные и письменные консультации и рецензирование контрольных работ.

Устные консультации, как индивидуальные, так и коллективные, позволяют осуществлять всесторонний и глубокий контроль знаний студента, но подобный контроль не является самоцелью, а имеет также обучающий характер. На консультациях студентам указываются не только пути устранения пробелов в знаниях, но и оказывается помощь по правильной и наиболее эффективной организации самостоятельной работы, проводятся микрозачеты по учебнику, применяются лексико-грамматические тесты.

Проводятся еще и специальные индивидуальные консультации (не в «Дни заочника»), на которые приглашаются студенты, получившие неудовлетворительную оценку или допустившие в контрольных работах ошибки. Студент может исправить ошибки, пользуясь учебником или справочным материалом, в случае необходимости обратиться за помощью к преподавателю. Такая работа помогает уяснить причины возникновения ошибок, осознанно устранить их, а также (что, на наш взгляд, самое глав-

ное) ликвидирует возможность несамостоятельного выполнения задания. Удостоверившись в верном исправлении ошибок, преподаватель или ставит зачет, или разрешает студенту написать второй вариант работы. Индивидуальные специальные консультации проводятся в основном со студентами, живущими недалеко от вуза.

Письменные консультации даются в ответ на письменный запрос студента по некоторым грамматическим и практическим вопросам, возникшим при изучении указанного преподавателем материала.

Одним из наиболее ответственных видов руководства самостоятельной работой студентов между сессиями является рецензирование контрольных работ. От правильной постановки рецензирования, которое оказывает практическую помощь студенту и стимулирует его интерес к иностранному языку, зависит успешность учебных занятий.

Для осуществления правильного руководства самостоятельной работой студентов и обеспечения постоянной связи с ними преподаватели закрепляются за факультетом и систематически ведут журнал «Записи о работе студентов», в который заносятся оценки их знаний по всем аспектам языка, замечания и рекомендации, касающиеся работы над учебным материалом, даются дополнительные задания.

В. А. ПОЛИКАРПОВ

АНАЛИЗ ЧЕРЕЗ СИНТЕЗ В УСЛОВИЯХ ДИАДИЧЕСКОГО РЕШЕНИЯ МЫСЛИТЕЛЬНОЙ ЗАДАЧИ

Наличие субъект-субъектной связи в познании и процессах формирования сознания (шире — психики) человека — одно из важнейших открытий современной философии и психологии. На ее значение указывал С. Л. Рубинштейн¹. До сих пор основной механизм мышления (анализ через синтез) изучался преимущественно в рамках субъект-объектного отношения. Но в процессе мышления о том или ином объекте всегда сохраняется субъект-субъектная связь. Поэтому перед психологией мышления встает вопрос о механизмах субъект-субъектного взаимодействия.

Для того чтобы найти основной механизм субъект-субъектного взаимодействия индивидов, мыслящих об одном и том же объекте, надо рассмотреть основные проявления мышления в условиях группового решения мыслительной задачи. С этой целью нами проведен лабораторный эксперимент по методике подсказок². Для опытов была выбрана диадная группа, в которой субъект-субъектное взаимодействие осуществляется в наиболее явной и элементарной форме. Испытуемым предлагалось решить следующую задачу: «Приклейте маленький огарок свечи на дно стеклянной банки. Зажгите огарок, накройте банку крышкой и проследите за пламенем в двух случаях: 1) банка покоится; 2) банка свободно падает с высоты двух — трех метров на мягкую кучу песка (чтобы банка не разбилась при падении). Объясните разницу в форме и яркости пламени в этих двух случаях». (Ответ: При свободном падении в банке возникает невесомость, которая исключает конвекцию воздуха, что приводит к затуханию свечи). В соответствии с требованиями методики подсказок, испытуемым в качестве явных и неявных подсказок на разных этапах решения предлагались вспомогательные задачи, решение которых также основано на учете конвекции.

В ходе микросемантического анализа запротоколированной живой устной речи человека, решающего мыслительную задачу³, были выделены три группы общих закономерностей. Они послужили основанием для итоговых выводов исследования.

Первая из этих групп закономерностей касается прогнозирования в условиях группового решения мыслительной задачи. Было установлено, что в процессе диадического решения задачи прогнозы, т. е. предлагаемые испытуемыми направления решения, формулируемые в виде проблематических суждений, могут быть высказаны как в повествовательной, так и в вопросительной форме. Кроме того, они могут быть обращены либо к партнеру, либо к самому себе.

Рассмотрим вначале прогнозы, высказанные в вопросительной форме и обращенные к партнеру. Как оказалось, прогноз, формулируемый в форме вопроса партнеру, всегда содержит в себе побуждение к совместному решению задачи. Судя по месту, которое занимает вопрос в структуре

диалога испытуемых, это главная причина появления вопросительных формулировок прогнозов. Приведем пример. Испытуемый Т. А. формулирует глобальный прогноз: «А погаснуть свеча никак не может?» Испытуемый Т. А. предлагает партнеру рассмотреть возможность угасания свечи в полете. После чего они, анализируя явление, открывают факт изолированности объема банки, который будет членом каузального отношения в правильном решении: И. Ф.: «Ну, может и погаснет». Т. А.: «Тут имеется в виду, что крышка банки будет плотно закрыта. Свеча может и погаснуть. Потому что, если крышка закрыта, то кислорода для горения не хватает, и свеча может погаснуть». Далее испытуемые вместе приходят к правильному решению.

Анализ повествовательной формы прогнозов позволил углубить представление об их функции в диадическом решении. Было обнаружено, что прогнозом в повествовательной форме, обращенным к партнеру, испытуемый не просто стремится сделать общим свое направление решения, но и старается побудить активность партнера. Это подтверждается следующим: 1. Во всех случаях испытуемый, предложивший прогноз, внимательно прислушивается к мнению партнера; 2. Если партнер не принимал прогноза, испытуемый, стараясь отстоять свое мнение, либо спорил с ним, тем самым углубляя анализ, либо сразу отказывался от прогноза; 3. Если прогноз принимался, тогда автор прогноза, стараясь быть понятным партнеру, подробно объяснял ему ход мыслей и старался понять ход мыслей партнера, требуя уточнений; 4. Испытуемый, предложивший прогноз, заканчивал решение только в том случае, когда с ним соглашался партнер.

Прогнозы, обращенные испытуемыми к себе, имели только повествовательную форму. Их изучение позволило полнее вскрыть коммуникативную функцию прогнозирования. Было установлено, что в реализации прогнозов, сделанных в индивидуальном решении, всегда присутствует решение другой задачи, сходной по прогнозируемому выводу с решаемой. Это было обнаружено благодаря специфике формулировки основной задачи, которая требовала столкнуться в одном решении два — относительно покоящейся банки и относительно падающей. Приведем пример. Испытуемый Р. Х., переходя к индивидуальному решению, прогнозирует вывод о том, что в падающей банке с пламенем свечи никаких изменений не произойдет. Р. Х.: «Конечно, тут с ним вряд ли что-нибудь произойдет». Сначала он выделяет агрегатное свойство пламени: «Плазма — это же плазма». Этот аналитический шаг оказывается не совсем в русле прогноза. Все, что известно о плазме, никак не связано с горением или угасанием пламени. Пламя — это низкотемпературная плазма, но плазма никогда не рассматривается как горение. Далее идет следующий аналитический шаг: «Оно зависит только от воздействия среды, т. е. окружающего воздуха, а банка закрыта». Уже в этом высказывании появляется элемент, играющий важную роль в решении задачи о покоящейся банке: банка закрыта. Вывод в решении первой части задачи был такой: в закрытой банке свеча будет гореть до тех пор, пока не выгорит весь кислород. Никакие внешние воздействия, будь то ветер или влага, или еще что-то, на нее повлиять не могут. В этом, втором, аналитическом шаге уже устанавливается связь с только что решенной задачей: «Падает или стоит — все равно». Далее испытуемый приводит аргументы, которые вполне могли быть использованы в решении задачи о покоящейся банке. «Если на открытом воздухе свечу опускать, то у нее сразу пламя вытягивается. А если вверх поднимать резко, пламя прижимает. Потому что воздух на него воздействует. А тут оно абсолютно неподвижно». Потом испытуемый как бы уточняет решение, полученное для первого случая: «Тут, в принципе, не учитывается, что выгорит кислород в банке. Тут важна разница в форме и яркости? В двух случаях?» Эти вопросы обращены к экспериментатору. Весь монолог заканчивается выводом, повторяющим прогноз, который переходит в обобщение. Его содержание передается уже не проблематическим суждением, а аподиктическим: «В общем, абсолютно никакой разницы не будет». Из данного примера видно, что акт прогнозирования был осуществлен до нахождения необходимой для его обоснования операционной схемы, т. е. схемы умственных операций и действий, формируемой человеком в мыслительном процессе решения какой-либо задачи или проблемы и содержащей в себе необходимость включить в анализ определенные факты³. Необходимая операционная схема находится после установления связи с уже решенной задачей, имевшей вывод, сходный с прогно-

зом. В нашем примере это оказалась задача, составлявшая первую часть предлагавшегося условия. Используя эту операционную схему, испытуемый развивает ее, уточняя и вывод, сделанный применительно к первой части задачи.

Рассмотрим теперь функционирование подсказок в диадическом решении. Применение подсказок в ходе диадического решения мыслительной задачи позволило обнаружить, что испытуемые, решающие общую задачу и имеющие установку решать ее сообща, могут находиться на разных уровнях анализа. Совпадение уровней анализа, а также прогнозов, сделанных испытуемыми, оказывает прямое влияние на характер их взаимодействия.

Как показал анализ протоколов, когда испытуемые находятся на одном уровне анализа и затем делают одинаковые прогнозы, их взаимодействие осуществляется следующим образом. Каждый аналитический шаг, сделанный одним из партнеров, синтезируется и вторым. Результат этого синтеза включается ими в дальнейшую аналитико-синтетическую деятельность. Вот пример такого взаимодействия. Испытуемый И. Б.: «Так... Теплый воздух поднимается вверх. Почему?» Испытуемый Т. Г.: «Потому, что он более легкий». И. Б.: «Почему он более легкий?» Т. Г.: «Меньше молекул, может быть. Ну с этой точки зрения: почему пламя сохраняет свою форму? Возможно, что и теплый воздух вверх не будет двигаться». И. Б.: «Все молекулы будут одинаково перемещаться вниз, свободно падать. И горячий и холодный воздух не будет перемещаться». Здесь каждая новая реплика одного из испытуемых продолжает реплику партнера и, несмотря на свою свернутость, понимается им.

Третья группа закономерностей связана с анализом ситуации, когда испытуемые находятся на одном уровне анализа и затем делают разные прогнозы. Оказалось, что в ходе диадического решения испытуемыми мыслительной задачи накапливается общий банк решения, являющийся одним из проявлений совокупного фонда, открытого Б. Ф. Ломовым.⁴ Это удалось обнаружить благодаря зафиксированному в ходе эксперимента явлению специфической крипомнезии, т. е. забыванию какой-либо мысли и внезапному припоминанию ее.⁵ После спора бывает, что испытуемые вдруг вспоминают высказывание партнера как свое. Например, испытуемый Г. Н. заявляет: «А, так я же говорил, что в банке пламя может вытягиваться за счет сил инерции». Это утверждал его партнер в начале спора. Г. Н. отстаивал точку зрения, что в падающей банке не произойдет никаких изменений по сравнению с покоящейся. Но теперь, следя за аргументацией партнера, он вдруг меняет свою позицию. Таким образом, во время спора испытуемые оперируют одними и теми же смысловыми единицами и открытые ими свойства и отношения задачи принадлежат обоим.

Итак, в ходе нашего эксперимента обнаружено сохранение прогнозирования в диадическом решении мыслительной задачи. В этих специфических условиях оно выполняет функцию сближения аналитико-синтетических процессов партнеров. Взаимодействие испытуемых осуществляется как включение их в общую аналитико-синтетическую деятельность. В ходе диадического решения мыслительной задачи накапливается общий банк решения — аналог совокупности актуализированного знания в процессе аналитико-синтетического взаимодействия субъекта с объектом в индивидуальном решении.

Анализ через синтез является не только основным механизмом, обеспечивающим познавательное взаимодействие субъекта с объектом, но также и основным механизмом, обеспечивающим процессуальную сторону субъект-субъектного взаимодействия в диаде. Иными словами, он является основным механизмом, обеспечивающим диадическое решение мыслительных задач.

¹ См.: Рубинштейн С. Л. Принципы и пути развития психологии.— М., 1959.— С. 52.

² См.: Рубинштейн С. Л. О мышлении и путях его исследования.— М., 1958.

³ См.: Брушлинский А. В. Психология мышления и проблемное обучение.— М., 1983.— С. 51.

⁴ См.: Ломов Б. Ф. Психические процессы и общение // Методологические проблемы социальной психологии.— М., 1975.

⁵ См.: Мышление: процесс, деятельность, общение.— М., 1982.— С. 207.

Нашы юбіляры

ЛЕУ МІХАЙЛАВІЧ ШАКУН

14 верасня спаўняецца 60 год Льву Міхайлавічу Шакуну, доктару філалагічных навук, прафесару, Заслужанаму работніку вышэйшай школы Беларускай ССР, загадчыку кафедры беларускай мовы.

Л. М. Шакун нарадзіўся ў вёсцы Браткава Капыльскага раёна. Яго вучоба ў сярэдняй школе была перарвана вайной. Неўзабаве ён уступае ў рады беларускіх партызан. Пасля вызвалення Беларусі працягвае вучобу. У 1945 годзе паступіў на аддзяленне беларускай мовы і літаратуры філалагічнага факультэта Белдзяржуніверсітэта імя У. І. Леніна. З 1950 па 1953 гады — асіпірант. У 1953 годзе ён паспяхова абараняе кандыдацкую дысертацыю і з гэтага часу працуе на кафедры беларускай мовы універсітэта. У 1965 годзе Леу Міхайлавіч абараніў доктарскую дысертацыю. З 1967 года ён прафесар і ўзначальвае кафедру.

Вялікую ўвагу Л. М. Шакун удзяляе стварэнню вучэбнай літаратуры. Ём распрацаваны новыя лекцыйныя і спецыяльныя курсы. Як адзін з вядучых лінгвістаў рэспублікі ён займаецца распрацоўкай актуальных праблем беларускага і параўнальнага славянскага мовазнаўства, надрукаваў звыш 100 навуковых прац. Асабліва вялікія заслугі Л. М. Шакуна ў вывучэнні гісторыі беларускай літаратурнай мовы. Яму належаць фундаментальныя працы ў гэтай галіне мовазнаўчай навукі: «Нарысы гісторыі беларускай літаратурнай мовы» (Мінск, 1960), «Гісторыя беларускай літаратурнай мовы» (Мінск, 1963, 1984). Пры вывучэнні сучаснай беларускай мовы Л. М. Шакун найбольш паспяхова распрацоўвае пытанні словаўтварэння. Ён выдаў агульнатэарэтычнае даследаванне «Словаўтварэнне» (Мінск, 1978). Прыхільна быў сустрэты навуковымі коламі яго і А. М. Бардовіча (сааўтар) «Марфемны слоўнік беларускай мовы» (Мінск, 1975).

Л. М. Шакун праводзіць вялікую навукова-арганізацыйную работу. Ён з'яўляецца намеснікам старшыні секцыі роднай мовы і літаратуры Навукова-метадычнага савета па вышэйшай філалагічнай адукацыі пры Мінвну СССР, членам Навуковага савета Акадэміі навук БССР па праблемах мовазнаўства, старшынёй спецыялізаваных саветаў пры Белдзяржуніверсітэце імя У. І. Леніна па абароне доктарскіх і кандыдацкіх дысертацый у галіне мовазнаўства, вучоным сакратаром Савета Белдзяржуніверсітэта імя У. І. Леніна, намеснікам рэдактара серыі нумар 4 «Весніка БДУ імя У. І. Леніна», членам рэдакцыйнай калегіі перыядычнага міжвузаўскага зборніка «Беларуская мова».

Баявыя і працоўныя поспехі Л. М. Шакуна адзначаны ордэнам «Айчыннай вайны» II ступені, медалём «Партызану Вялікай Айчыннай вайны» II ступені і іншымі баявымі медалямі, юбілейным медалём «За доблесную працу. У адзначэнне 100-годдзя з дня нараджэння У. І. Леніна», ганаровымі граматамі Вярхоўнага Савета БССР, нагрудным значком Мінвну СССР «За выдатныя поспехі ў рабоце». Ён удастоены ганаровага звання Заслужанага работніка вышэйшай школы Беларускай ССР.

Сваёй вучэбнай, навукова-даследчай і палітыка-выхаваўчай дзейнасцю, эрудыцыяй і прышчыповасцю, дэбразычлівасцю і спагадлівасцю Л. М. Шакун заслужыў прызнанне і любоў калектыва філалагічнага факультэта, усіх тых, хто хоць калі-небудзь з ім сутыкаўся. 60-гадовы юбілей ён сустракае ў росквіце творчых сіл. Студэнты, калегі па рабоце, вучні і сябры жадаюць Льву Міхайлавічу Шакуну добрага здароўя, плённай працы, здзяйснення ўсіх задум.

У. М. Лазоўскі.

І. К. Германовіч. Беларускія мовазнаўцы: Нарысы жыцця і навуковай дзейнасці.—Мінск: выдавецтва «Універсітэцкае», 1985.—255 с.

Гісторыя беларускага мовазнаўства яшчэ толькі пачынае стварацца. Паспяхова ў гэтым кірунку працуе вядомы беларускі мовазнавец, кандыдат філалагічных навук, дацэнт І. К. Германовіч. Ён у розных часопісах і энцыклапедыях надрукавана нямала спецыяльных артыкулаў пра нашых лінгвістаў. І вось перад намі даўночаканая манаграфія «Беларускія мовазнаўцы», над якой І. К. Германовіч працаваў больш як дваццаць гадоў, сабраў унікальныя матэрыялы пра жыццё і навуковую дзейнасць беларускіх вучоных-мовазнаўцаў, вывучыў рэдкія выданні іх прац і рукапісы, якія захоўваюцца ў розных бібліятэках нашай краіны ці ва ўласных архівах іх сваякоў. У выдадзенай кнізе — толькі частка таго, што зроблена руплівым даследчыкам: тут апісаны жыццё і навуковая дзейнасць семнаццаці беларускіх мовазнаўцаў, якія нарадзіліся ў мінулым стагоддзі і актыўна працавалі ў пытанні беларускага мовазнаўства ў асноўным у 20—30 гады нашага стагоддзя.

Адкрываецца кніга нарысам пра П. М. Шпілеўскага, чые мовазнаўчыя працы слухна ацэньваюцца як «першыя помнікі гісторыі беларускага мовазнаўства» (с. 34). Вядомы беларускі этнограф П. М. Шпілеўскі шмат увагі аддаваў мовазнаўчай тэматыцы, ды і ў этнаграфічных працах ён прыводзіў шмат цікавых звестак пра лексічныя, фразеалагічныя, фанетычныя і граматычныя асаблівасці беларускай мовы. Яму належаць цікавыя, арыгінальныя (хоць і не заўсёды бясспрэчныя) думкі аб паходжанні беларускай мовы, яе далейшай гісторыі і межх тэрытарыяльнага распаўсюджвання. Падрабязна, на ўзроўні сучаснай лінгвістычнай навукі аналізуе І. К. Германовіч мовазнаўчыя працы гэтага аўтара — «Словарь белорусского наречия», «Краткую грамматику белорусского наречия» і «Заметки белорусца о белорусском языке».

Выказаныя П. М. Шпілеўскім больш як 130 гадоў назад думкі аб ролі і значэнні беларускай мовы, створаных на ёй тэкстаў для высвятлення асобных пытанняў мовы, гісторыі і наогул культуры іншых славянскіх народаў не страцілі сваёй каштоўнасці і на сённяшні дзень.

З мовазнаўчай тэматыкі пачаў свой навуковы шлях яшчэ адзін з пачынальнікаў беларускай лінгвістыкі Е. Р. Раманаў — даследчык з даволі шырокім колам навуковых інтарэсаў. Вялікае значэнне надаваў ён вывучэнню мясцовых гаворак. Асабліва заслуга Е. Р. Раманава ў вывучэнні так званых умоўных гаворак, арга, на тэрыторыі Беларусі (арго дрыбінскіх шапавалаў, жабракоў Магілёўшчыны). У манаграфіі даецца вельмі грунтоўны аналіз гэтай лексікі, паказваецца словаўтваральная структура гэтых слоў, іх семантыка, паходжанне. Шмат зроблена Е. Р. Раманавым і ў галіне вывучэння тапанімікі Беларусі і ў выданні пісьмовых помнікаў.

Належнае месца адведзена І. К. Германовічам «пачынальніку мэтанакіраванай апрацоўкі беларускай навуковай тэрміналогіі» Карусю Каганцу: характарызуецца яго апублікаваная кніга «Беларускі лемантар, або Першая навука чытання» і рукапісная праца «Беларуская граматыка». Крытычна ацэньваючы гэтыя працы, у многім наўныя з сучаснага пункту погляду, даследчык слухна падкрэслівае несумненны здольнасці іх аўтара, яго веру ў будучыню беларускай мовы ў часы самадзяржаўя, якое жорстка падаўляла ўсякае праяўленне нацыянальнай самасвядомасці.

Пра вядомага беларускага этнографа А. К. Сержпудоўскага напісана шмат. Тым не менш яго мовазнаўчая дзейнасць не знайшла дастатковага асвятлення. Гэты прагал папаўняе манаграфія І. К. Германовіча. Даследчык спыняецца на характарыстыцы яго працы «Грамматический очерк белорусского наречия дер. Чудино Слуцкого уезда Минской губернии», у якой А. К. Сержпудоўскі падрабязна апісвае ўсе моўныя ўзроўні мясцовай гаворкі, дае слоўнік дыялектных

слоў, паказвае сродкі ўтварэння народных слоў.

Шмат добрых слоў сказана ў манаграфіі пра М. Я. Байкова, аўтара і сааўтара звыш ста друкаваных прац — падручнікаў, слоўнікаў, артыкулаў, рэцэнзій, навуковых інфармацый. І. К. Германовіч слухна зазначае, што створаныя М. Я. Байковым разам з С. М. Некрашэвічам перакладныя слоўнікі заставаліся найбольш грунтоўнымі да выхаду ў пасляваенны час акадэмічных Руска-беларускага і Беларуска-рускага слоўнікаў.

А. В. Багдановіч вядомы нам перш за ўсё як аўтар арыгінальнага падручніка «Беларуская мова», прызначанага для тэхнікумаў і самаадукацыі. Гэта быў «своеасаблівы тэарэтычны курс беларускай мовы з элементамі яе гісторыі, параўнальнага і агульнага мовазнаўства» (с. 130). Падрабязна аналізуе І. К. Германовіч і другую, рукапісную, працу А. В. Багдановіча — «Самавучыцель па беларускай мове».

Не абыздены ў манаграфіі і працы беларускіх мовазнаўцаў у галіне русістыкі (А. В. Багдановіч, І. В. Воўк-Левановіч і інш.).

Заслужана атрымала высокую ацэнку даследчыка і навуковая дзейнасць М. І. Каспяровіча, якая працягвалася ўсяго восем гадоў, але была вельмі плёнай: апублікавана звыш 230 прац, у тым ліку два слоўнікі, адзін з іх — «Віцебскі краёвы слоўнік» — да гэтага часу застаецца самым аўтарытэтным даведнікам па гаворках Віцебшчыны. І. К. Германовіч дае падрабязны аналіз таксама «Слоўніка ўсходняй Магілёўшчыны» І. К. Бялькевіча.

У перыяд адраджэння беларускай культуры пытанням беларускай мовы надавалі шмат увагі і вучоныя іншых галін ведаў. Так, намеснік дырэктара Інстытута геалогіі і гідрагеалогіі Акадэміі навук БССР А. І. Крукоўскі быў аўтарам «Мазырскага краёвага слоўніка». На жаль, гэтая выдатная лексікаграфічная праца, якая ўжо друкавалася, так і не збераглася для нас.

Беларускім лексікографам добра вядома імя М. В. Шатэрніка, аўтара «Краёвага слоўніка Чэрвеньшчыны». У манаграфіі зроблен кваліфікаваны аналіз гэтай працы, яна заслужана ацэнена як «значны ўклад у беларускую дыялектную лексікаграфію і добры помнік яе аўтару» (с. 198).

Складаннем тэрміналагічных слоўнікаў беларускай мовы займаўся ў 20—30 гады многія вучоныя і пісьменнікі, у тым ліку Алесь Гурло, пра якога таксама дадзены асобны нарыс.

Падрабязна асвятляюцца І. К. Германовічам і дзейнасць вядомых аўтараў падручнікаў на беларускай мове А. С. Саломеніка (ён займаўся і складаннем тэрміналагічных слоўнікаў). В. А. Самцэвіча, Ю. А. Шакаля, К. І. Шапялёвіча.

Закрывае кнігу нарыс пра Г. М. Базыленку, сааўтара падручніка для філалагічных факультэтаў ВНУ «Курс сучаснай беларускай літаратурнай мовы» (1957) і калектыўнай манаграфіі «Гра-

матыка беларускай мовы. Марфалогія, т. 1» (1962), аўтара манаграфіі пра пачобныя і устаўныя канструкцыі ў беларускай мове і рада артыкулаў па мове твораў Якуба Коласа.

Добры падарунак атрымалі аматары беларускай кнігі, спецыялісты-мовазнаўцы. Шмат карыснага знойдуць у манаграфіі І. К. Германовіча і аўтары школьных падручнікаў, метадысты, збіральнікі жывога народнага слова, пісьменнікі, журналісты.

П. У. Сцяцко

Беларуская анамастыка.— Мінск: Навука і тэхніка, 1985.—150 с.

Новы выпуск «Беларускай анамастыкі» (пад рэд. акадэміка АН БССР М. В. Бірылы і канд. філал. навук В. П. Лемцюговай) прысвечаны актуальным пытанням. Тое, што даследуемы матэрыял абмежаваны ў асноўным рамкамі тэрыторыі Брэсцкай вобласці і Беларускага ваяводства, дазваляе больш поўна апісаць анамастыку гэтага рэгіёна. Большасць артыкулаў — на тапанімічную тэматыку, акрамя таго, у зборніку змешчаны бібліяграфічны ўказальнік прац па беларускай анамастыцы, надрукаваных у 1979—1985 гадах, і дапаўненне за 1972—1978 гады.

На падставе багатага фактычнага матэрыялу У. А. Шумская падрабязна апісвае мужчынскія і жаночыя размоўна-бытавыя формы назваў насельніцтва Брэсцчыны. Варыянтнасць асабовых форм імёнаў абумоўлена, на яе думку, гістарычна: фактам суіснавання дзвюх імёназвыўных сістэм (праваслаўнай і каталіцкай), а таксама ўзаемадзеяннем сістэм імёнааслова другіх народаў (Альберт, Марат, Рычард, Ваню, Санчо, Макс і г. д.). Дыялектнымі асаблівасцямі гаворкі выклікана вялікая колькасць фанэтычных варыянтаў, якія, на думку аўтара, «не з'яўляюцца самастойнымі формамі» (Лыксандр, Олыксей, Ярхіп, Мыхал). Аднак, як сведчыць сучасная імёназвыўная сітуацыя, такія формы могуць выконваць індывідуалізуючую функцыю, яны маюць сваю сферу ужывання (характэрны для людзей старэйшага ўзросту), сваю спецыфіку ў мастацкіх творах і ў адносінах да літаратурнай нормы. У другім артыкуле У. А. Шумскай, напісаным у сааўтарстве з Э. У. Макаранкам, на падставе статычных падлікаў выяўляецца дынаміка мужчынскіх і жаночых імёнаў Брэсцкага раёна, вывучаюцца этапы папулярнасці жаночых імёнаў з канца XIX стагоддзя і да цяперашняга часу.

У дыяхранічным плане антрапонімы «з няясным значэннем» падрабязна аналізуе Г. Г. Усціновіч, выдзяляючы разнастайныя групы адпаведных апелятываў, прыводзячы шматлікія гістарычныя паралелі.

Шырокае адлюстраванне ў зборніку знайшлі пытанні айканіміі. Звыш 20 тапаасноў са значэннем 'тып пасялення', срод якіх такія, як *воля, горад, гарадзец, двор, засценак, пагост, сяло, слабада, сядзіба* і інш., апісвае В. П. Лем-

цюгова. Адметная рыса гэтай працы — шырокая экстралінгвістычная інфармацыя, што дазваляе ўстанавіць дынаміку семантычных з'яў, змяненне значэнняў лексем у адпаведнасці са зменай памяццяў.

Заслугоўвае ўвагі артыкул П. С. Будзько. Аўтар упершыню робіць спробу тыпалагічнага аналізу беларускіх і нямецкіх састаўных айконімаў. Аналіз вядзецца як з пункту погляду структуры, так і семантыкі кампанентаў айконімаў: выдзяляюцца тоесныя апорныя апелятывы, дзе пераважаюць два тыпы субстантываў — назвы рэльефа і флоры, а таксама назвы зямельных участкаў, тыпаў пасялення.

Каштоўнасьць артыкула М. Кандрацка ў тым, што тут звяртаецца ўвага на спецыфічныя множналікавыя айконімы літоўскага паходжання на Беларускае. Матэрыял суправаджаецца разнастайнымі тлумачэннямі, этымалогіяй назваў, гістарычнымі данымі аб канкрэтных вёсках. Значную колькасць гідронімаў басейна Заходняга Буга апісваюць Л. В. Бараўкова і Н. Я. Кулага.

У кантэксце даследаванняў па анамастыцы актуальнымі сталі пытанні лексіка-семантычнай матывацыі тапонімаў. У гэтым аспекце праведзена работа Н. У. Васілюк. На матэрыяле мікратапонімаў паўднёва-заходняй часткі Брэстчыны аналізуецца сувязі з лексічнай сістэмай мясцовага дыялекту. Г. В. Месько, даследуючы групу заонімаў, выяўляе матывавальныя прыметы, пакладзеныя ў аснову намінацый гэтай групы онімаў. Цікавая тэарэтычная інтэрпрэтацыя назваў адгідранімічнага паходжання польскага даследчыка Б. Чопэка.

Рэцэнзуемы зборнік дазваляе вылучыць некаторыя тэндэнцыі сучасных анамастычных даследаванняў на тэрыторыі Беларусі. Яшчэ далёка не поўнасьцю сабраны матэрыял, як антрапанімічны, так і тапанімічны. Актуальным становіцца вывучэнне лексіка-семантычнай матывацыі онімаў, выяўленне іх структурных асаблівасцей, «механізмаў» пераходу агульных імёнаў ва ўласныя. Артыкулы зборніка сведчаць аб важнасці экстралінгвістычных фактараў, якія даюць магчымасць вызначыць дынаміку працэсаў анімізацыі. Комплексна-аспектнае вывучэнне ўласных імёнаў будзе спрыяць больш глыбокай характарыстыцы маўленчай дзейнасці.

В. А. Капытка

J. Demek, V. A. Plotnikov, V. M. Jasuchno. *Rusko-český a česko-ruský slovník obecných geografických termínů.*— Brno: Un-ta I. E. Purkyně.— 1985.—268 S.

Научно-техническая терминология славянских языков, несмотря на их генетическое родство, весьма сильно различается. Более того — именно кажущаяся близость порождает массу случаев, требующих специального лингвистического комментирования и внимательного лексикографического описания. Это особенно относится к чешской и русской

географической терминологии, где весьма прихотливо перекрещиваются национальные и интернациональные элементы. Вот почему первый опыт «Русско-чешского и чешско-русского словаря общегеографических терминов» (ниже — Словарь), являющегося плодом сотрудничества чешских и советских авторов (двух географов и лингвиста), следует всячески приветствовать.

Практическая ценность Словаря несомненна: впервые он дает достаточно большой минимум (4 тысячи терминов) лексики, обозначающей основные понятия физической, экономической и социальной географии; специальные геоморфологические, геологические, метеорологические, гидрологические и другие термины, а также (спорадически) некоторые географические названия. При отборе материала авторы ориентировались прежде всего на терминологию, более или менее общепринятую и употребительную в русском языке. Это и понятно: в силу экстралингвистических причин географическая терминология русского языка чрезвычайно детализирована, включает массу специальных обозначений и народных номенклатур, что делает даже отбор терминов сложной проблемой.

Можно сразу сказать, что эта проблема, как и многие другие, вставшие на пути «первопроходцев» русско-чешской географической терминологии, решена успешно. Вполне оправдал себя союз специалистов-географов с лингвистом, обеспечившим точную языковую обработку и подачу терминологического материала. В частности, весьма удачно применен в словаре способ калькирования таких русских географических терминов, которые не имеют в чешском языке точных соответствий. История чешского и русского литературных языков показывает, что такой путь ведет к обогащению терминологического фонда и вполне соответствует закономерностям языковой системы. Лексическая концентрированность словаря не помешала, тем не менее, дать в нем и сведения иного системного ранга. Последовательно, например, русские и чешские термины здесь снабжаются грамматическими пометами — прежде всего рода и числа, что весьма важно из-за опасности отождествления идентичных лексем. Ср. рус. *баланс* и чеш. *bilance* ж. или чеш. *sondáž* ж. и русское *зондаж*. Лишь в очень редких случаях эти пометы неверны — напр., чеш. *slunce* дано с пометой f. (с. 220), хотя оно, как и в русском языке, — среднего рода.

В Словаре корректно и лексикографично исполнена главная цель любого двуязычного терминологического словаря — эквивалентизация описываемой лексики. Нельзя не отметить и экономную подачу терминологических словосочетаний: стержневое слово (обычно существительное) подается во главе словарной статьи, а его производные приводятся лишь в виде «расширителей», обычно прилагательных, уточняющих существительное. Так, после слова *облака* даются лишь прилагательные *грозовые*,

дождевые, конвективные, кучеобразные, кучево-дождевые, ледяные, низкие, пас- сатные кучевые, перламутровые и т. д. (183—184), что значительно экономит место. Правда, есть и отступления от этого принципа — см. статью *метод*, где стержневое слово повторяется: *генетический метод*, *картографический метод*, *морфометрический метод* и т. д. (с. 177—178).

Очень важно, что при такой системе подачи составители постоянно учитывают возможности ложного отождествления русского и чешского стержневого термина в словосочетаниях. Так, ими разграничиваются случаи *halda* — *террикон* и *halda* *trátní* — *делювиальный шлейф* или *hladina tofe* — *уровень моря* и *hladina podzemních vod* — *зеркало грунтовых вод* (с. 152), несмотря на вполне понятный «искус» буквального эквивалентирования. Можно отметить и целый ряд других удачных решений — внимание к исконно русским и исконно чешским терминам (особенно народным) при эквивалентировании, точность графической передачи чешских слов, учет не только интересов специалистов-географов, но и потребностей практики школьного и вузовского преподавания и изучения русского языка в Чехословакии.

Не лишен рецензируемый труд и отдельных недочетов. Проблема многозначности общелитературных слов, являющихся общегеографическими терминами, авторами решена однозначно. Так, слово *hraniče* «граница» фигурирует лишь в этом значении, хотя в чешском языке оно может восприниматься и как «костер» (с. 20). Некоторый семантико-узуальный «перепад» можно отметить для эквивалентов: в русском языке — строго специальный термин, в чешском языке — более общий: *urez vody* — *hladina vody* (с. 116). При этом не всегда соблюдена «перекличка» чешско-русской и русско-чешской терминологических частей — термин *hladina vody*, например, отсутствует в гнезде *hladina* (с. 152). Включены в словарь и отдельные общенаучные, не специально географические термины типа *алгоритм*, *информационные потоки*, *теснота связей*, *экстремальные значения* и под. Есть и некоторые опечатки в чешском тексте. Понятно, однако, что все это — обычные мелкие «издержки» лексикографического производства, нерелевантные на фоне общей его качественности.

В советской науке давно уже географическая терминология исследуется и лексикографически описывается совместными усилиями географов и лингвистов. Монументальный «Словарь народных географических терминов» Э. М. Мурзаева (М., 1984) синтезировал плоды этих усилий. И в рецензируемом словаре народная терминология нашла отражение — ср. *блюдец*, *гольцы* и под. Этот материал — резерв для второго издания словаря чехословацких и советских специалистов. В необходимости и оправданности расширенного переиздания этого словаря сомневаться не приходится.

В. М. Мокиенко

Български норми на словесни асоциации / Под общата редакция на ст. н. с. Енчо Герганов.—София: Наука и изкуство, 1984.—272 с.

Словарь ассоциативных норм во многом восполнил пробел, существовавший в болгарской лексикографии до сих пор. Издание представляет собой труд целого коллектива авторов, собравшего и обработавшего более 200 тыс. лексических ассоциаций. Словарь состоит из двух частей.

В первой части в сжатой форме излагается история исследования ассоциативных процессов со времен Аристотеля до наших дней, описана идея изучения лексики методом свободного ассоциативного эксперимента. Далее перечислены и коротко охарактеризованы имеющиеся словари ассоциативных норм различных языков, начиная со словаря Г. Кент и А. Розанова (1910) и включая словарь белорусских норм А. И. Титовой (1981).

Несомненный интерес представляет описание методики проведения эксперимента, изложение некоторых общих результатов исследования (с. 18—34). В качестве исходного материала испытуемым был предложен список из 200 слов-стимулов, сто из которых являлись переводами на болгарский язык соответствующих слов из списка Г. Кент — А. Розанова. Часть второй сотни стимулов соответствовала словам-стимулам, включенным в словарь ассоциативных норм русского языка, остальные же, как отмечено в описании методики проведения эксперимента Э. Гергановым, «интересны для социолингвистических и психолингвистических исследований болгарского языка».

В эксперименте участвовали 1000 носителей болгарского языка в возрасте от 16 до 70 лет (550 женщин и 450 мужчин), в их составе преобладали студенты и учащиеся старших классов, но были и рабочие, военнослужащие, крестьяне, служащие, медрботники и др. Как и во всех подобных экспериментах, проводившихся ранее на материале других языков, перед испытуемыми ставилась задача: записать первое пришедшее в голову слово в связи с предложенным стимулом. Данные всех 10 выборов (по 100 человек в каждой) суммировались.

Особое внимание было уделено основным видам ассоциативных связей между стимулами и реакциями, выявленными в ходе обработки данных эксперимента. Предлагаемая классификация ассоциаций, основанная на известных систематизациях (В. Вундт, Д. Диз, Дж. Миллер, А. П. Клименко), учитывает специфические черты болгарской грамматики и семантические особенности лексики болгарского языка. Как справедливо замечает автор теоретической части словаря Э. Герганов, данная классификация грамматических связей стимулов и реакций (с. 39—41) является открытой системой, в которую возможны добавления и изменения.

Для подтверждения надежности полученных результатов пять произвольно

выбранных из 200 слов-стимулов (мек, град, червено, ходя, прозорец) были включены повторно в общий список стимулов. Правда, на наш взгляд, нельзя сказать, что проверяемая таким образом надежность результатов полностью гарантирована от неосознанного повтора испытуемым уже записанной ранее реакции, так как расстояние между продублированными стимулами не так уж велико.

Вряд ли удачным оказывается разнесение различных форм одного слова (реакций) в разные места одной статьи в зависимости от частоты словоформы. Подсчитать общую частоту, как указывают авторы (с. 23), действительно легко, но для этого необходимо проделать предварительную работу — найти все эти словоформы, на что тратится много времени.

Основное содержание второй части словаря представляет собственно ассоциативный словник, строение статей которого заключает массу полезной ин-

формации: здесь указано количество испытуемых, ответивших реакцией на данный стимул, число различных ассоциаций в словарной статье, число ассоциаций, записанных мужчинами и женщинами, частота слова-стимула в разговорной речи, а также шкальные значения слова-стимула, определявшиеся в независимом эксперименте методом семантического дифференциала Ч. Осгуда. Но наибольший интерес представляет содержание словарных статей, которые дают обширные сведения об ассоциативном значении слов-стимулов и открывают перспективы для сопоставительных исследований.

Издание такого серьезного и необходимого словаря — несомненный успех болгарских лексикографов. Несомненно, что он послужит хорошим толчком для развития психолингвистических исследований как в самой Болгарии, так и за ее пределами.

А. М. Калюга

Памяці таварыша

СЦЯПАН ХУСЕЙНАВІЧ АЛЕКСАНДРОВІЧ

Пасля цяжкай хваробы на 65-м годзе жыцця памёр Сцяпан Хусейнавіч Александровіч—доктар філалагічных навук, прафесар кафедры беларускай літаратуры БДУ, пісьменнік, заслужаны работнік культуры БССР.

С. Х. Александровіч нарадзіўся 15 снежня 1921 года ў г. п. Капыль Мінскай вобласці ў сям'і рабочага. У 1939 годзе паступіў на філалагічны факультэт БДУ імя У. І. Леніна, а затым быў прызваны ў Чырвоную Армію. Удзельнік Вялікай Айчыннай вайны, ваяваў на Крымскім фронце. У канцы мая 1942 года, будучы цяжка паранены, трапіў у палон, з якога праз тры месяцы ўцёк. З мая 1943 года—сувязны партызанскага атрада імя Чапаева (Капыльскі раён).

Далейшы жыццёвы лёс С. Х. Александровіча цалкам звязаны з яго педагагічнай, навуковай і пісьменніцкай дзейнасцю. Чатырнаццаць гадоў аддае ён настаўніцкай працы ў школах Маладзечанскага, Дзятлаўскага раёнаў, у Навагрудскай сярэдняй школе і Мінскім бібліятэчным тэхнікуме. Адначасова—завочная вучоба ў БДУ, затым

у аспірантуры АН БССР. Абаронена кандыдацкая дысертацыя «Янка Купала—майстар мастацкага перакладу» (1958) становіцца пачаткам яго дзейнасці як вучонага-літаратуразнаўца і педагога.

З'яўляючыся навуковым супрацоўнікам Інстытута літаратуры АН БССР, Літаратурнага музея Якуба Коласа, а затым, з 1963 года, выкладчыкам кафедры беларускай літаратуры філалагічнага факультэта БДУ, С. Х. Александровіч настойліва, карпатліва даследуе шляхі развіцця і фарміравання беларускай дакастрычніцкай літаратуры, яе творчыя ўзаемасувязі з братнімі славянскімі літаратурамі, а таксама гісторыю беларускага друкарства і журналістыкі. У 1971 годзе ён абараніў доктарскую дысертацыю «Праблемы развіцця беларускага друку і літаратуры другой паловы XIX—пачатку XX ст.» Вынікі даследаванняў С. Х. Александровіча знайшлі адбітак у змястоўных, насычаных багатым фактычным матэрыялам зборніках і манаграфіях «Старонкі братняй дружбы», «Гісторыя і сучаснасць», «Пуцявіны роднага слова», «Кнігі і людзі», «Слова—багацце», вучэбных дапаможніках для сярэдняй школы, іншых навуковых працах. Ён адзін з аўтараў «Гісторыі беларускай савецкай літаратуры».

Гаворачы пра С. Х. Александровіча як таленавітага даследчыка і педагога, трэба адзначыць і яго талент пісьменніка. Гэты талент дазволіў яму стварыць шэраг цікавых літаратурных нарысаў пра лепшых майстроў беларускай літаратуры, што склалі кнігі «Незабыўнымі сцэжкамi», «Па слядах паэтычнай легенды», «Тут зямля такая». Асобнае месца ў яго творчасці занялі аповесці аб жыцці і творчасці Якуба Коласа «Ад роднае зямлі...», «На шырокі прастор», «Крыжавыя дарогі», а таксама аповесць аб перажытым у вайну «Далёкія зарніцы».

С. Х. Александровіч быў руплівым даследчыкам гісторыі беларускай літаратуры, адкрыў многія забытыя яе старонкі, плённа працаваў як крытык, пастаянна клапаціўся пра выхаванне маладых педагагічных і журналісцкіх кадраў рэспублікі.

Баявыя і працоўныя заслугі С. Х. Александровіча перад Радзімай адзначаны ордэнамі Славы III ступені, Айчыннай вайны II ступені, іншымі ўзнагародамі.

Светлая памяць пра Сцяпана Хусейнавіча Александровіча, таленавітага пісьменніка і літаратуразнаўца, сціплага і чулага чалавека, назаўсёды застаецца ў сэрцах усіх, хто яго ведаў.

ЗМЕСТ

РАШЭННІ З'ЕЗДА — У ЖЫЦЦЕ

А. А. Лойка — доктар філалагічных навук, прафесар, загадчык кафедры беларускай літаратуры	3
П. П. Шуба — доктар філалагічных навук, прафесар, заведуючы кафедрой рускага языка	5
Б. В. Стральцоў — доктар філалагічных навук, прафесар, загадчык кафедры тэорыі і практыкі савецкай журналістыкі	6

ЛІТАРАТУРАЗНАЎСТВА

<i>Навумовіч У. А.</i> Пафасам сумлення	7
<i>Паўлюк Г. Р.</i> Да пытання аб жанравай прыродзе «Палескай хронікі» І. Мележа	10
<i>Пойманава Г. У.</i> Спецыфіка сюжэту ў прозе У. Караткевіча	12
<i>Шелемова А. О.</i> Об идейном содержании «Слова о полку Игореве»	15

МОВАЗНАЎСТВА

<i>Мечковская Н. Б.</i> Восточнославянские грамматики XVI—XVII веков как нормативные руководства	18
<i>Яновиц Е. И.</i> Наречия, мотивированные полными формами прилагательных, в истории русского языка	23
<i>Прохорова С. М.</i> Характеристика синтаксических полей на уровне гипотаксиса в говорах Смоленщины	27
<i>Роголев А. Ф.</i> Этнические имена в топонимии Белоруссии	30
<i>Махонь С. В.</i> Виды лексической интерференции в автопереводах художественной прозы	34
<i>Михальчук Т. Г.</i> Формы согласия-несогласия в деловых стилях русского языка	38
<i>Чечет Р. Г.</i> Роль авторских ремарок в стилизации разговорной речи А. И. Куприным	42
<i>Киселев С. А.</i> Синтаксические модели русского языка и их реализация в газетном тексте	44
<i>Чумак Л. Н.</i> Синтаксические окказионализмы в прозе Е. Евтушенко	48
<i>Ухванова-Шмыгова И. Ф.</i> Модель эффективной речевой деятельности	51
<i>Коваль О. Б., Коваль А. С.</i> Аспектуально-видовые свойства узусальных словосочетаний в газетных текстах	55
<i>Мельникова Л. А.</i> Колоративные прилагательные в художественной прозе А. С. Грина	57

ЖУРНАЛІСТЫКА

<i>Саенкова Л. П.</i> Некоторые проблемы системно-целостного анализа фильма в современной киннокритике	62
<i>Глод В. В.</i> Жанр-гибрид (О проблемах взаимодействия спортивного отчета и репортажа)	64

ПЕДАГОГІКА, ПСІХАЛОГІЯ

<i>Ревицкий В. В., Бондаренко И. П.</i> Обучение иностранных студентов вероятностному прогнозированию значений исконно русской лексики	67
<i>Галай О. М., Қирись В. Н.</i> О некоторых формах и методах работы со студентами-заочниками по изучению иностранного языка	70
<i>Поликарпов В. А.</i> Анализ через синтез в условиях диадического решения мыслительной задачи	71

НАШЫ ЮБІЛЯРЫ

Лев Міхайлавіч Шакун	74
----------------------	----

РЭЦЭНЗІІ

<i>Сцяцко П. У. І. К.</i> Германовіч, Беларускія мовазнаўцы: Нарысы жыцця і навуковай дзейнасці	75
<i>Капытка В. А.</i> Беларуская анамастыка	76
<i>Мокиенко В. М. І. Demek, В. А. Plotnikov, V. M. Iacuchno.</i> Rusko-česki a česko-ruski slovník obecných geografických termínů	77
<i>Калюта А. М.</i> Български норми на словесни асоциации	78

ПАМ'ЯЦІ ТАВАРЬША

Сцяпан Хусейнавіч Александровіч	80
---------------------------------	----

80 кап.

Індэкс 74854

Вesn. Беларускага ін-та.
Сер. 4, філал., журн., пед., псіхал.—1986.— № 2.—80 с.